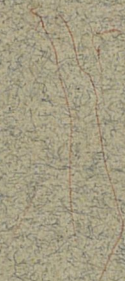

R

304
453.

P $\frac{304}{453}$

ЭБ

1497

Q

С. Н. ТЕРПИГОРЕВЪ (СЕРГѢЙ АТАВА)

Р 304
453

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

И

ВОСПОМИНАНІЯ.

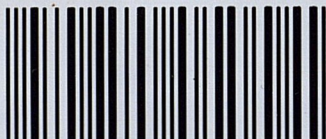

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

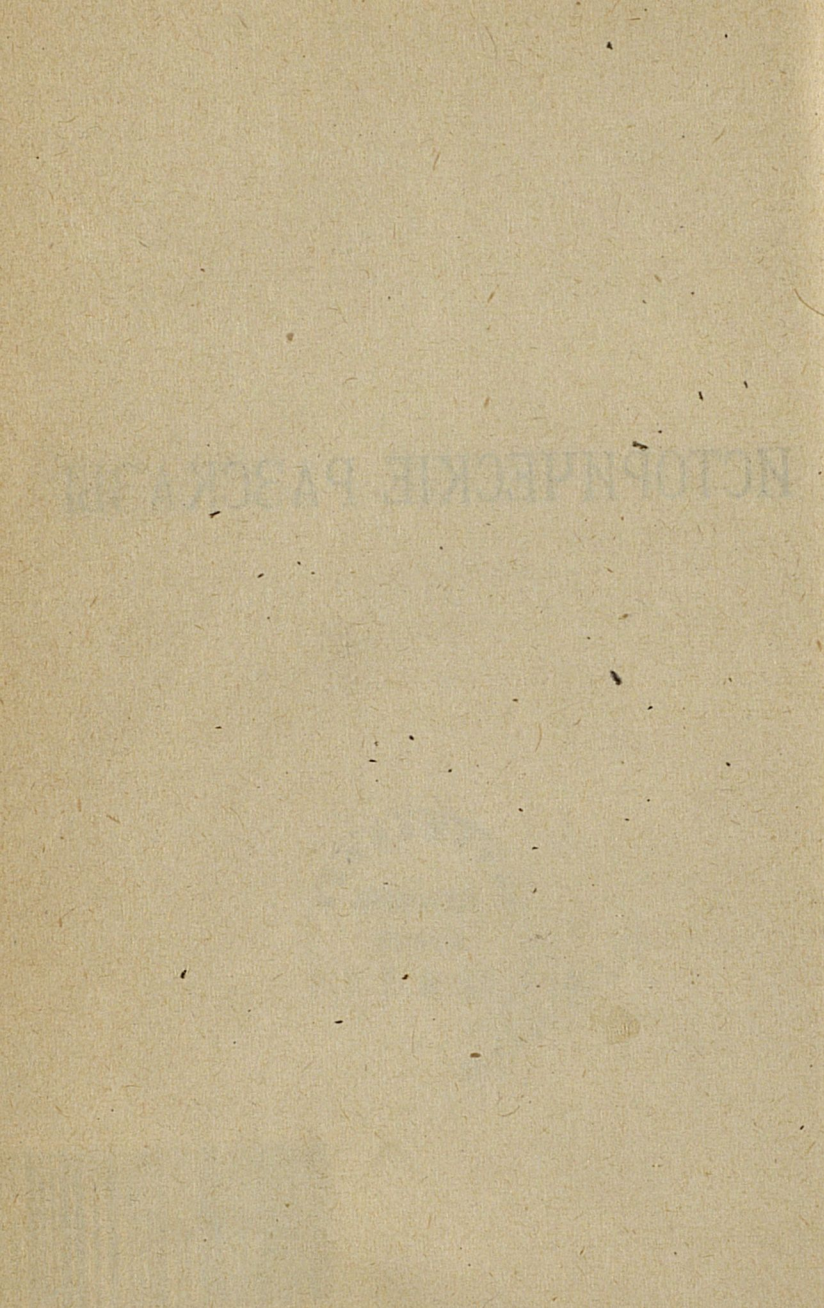

9/19619-37

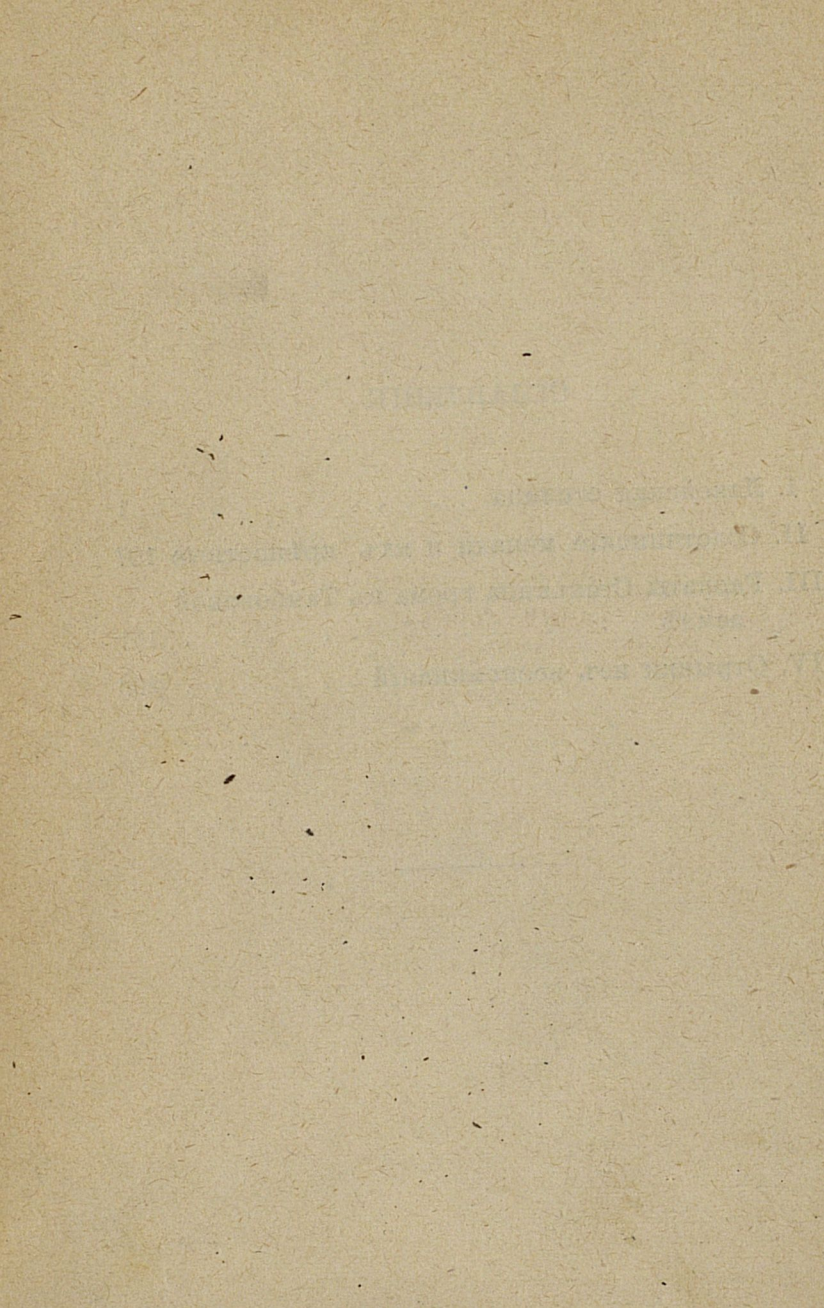
2007110921

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Лакейская столица	1
II. Солотчинскіе монахи и ихъ крѣпостные	107
III. Раскаты Стенькина грома въ Тамбовской землѣ	161
IV. Отрывки изъ воспоминаній	263

ЛАКЕЙСКАЯ СТОЛИЦА.

Почтенный дѣятель въ области археографіи и археологіи, секретарь рязанскаго губернскаго (казеннаго) и земскаго статистическихъ комитетовъ, и неутомимый собиратель всякихъ мѣстныхъ рѣдкостей, А. В. Селивановъ, показывая мнѣ устроенный при статистическихъ комитетахъ кабинетъ рѣдкостей и находокъ, — я не знаю какъ его назвать, такъ какъ туда все входитъ — указаль мнѣ на какой-то довольно большой голый черепъ, помѣщенный подъ колпакомъ на одномъ изъ шкафовъ кабинета.

— Это чтожь такое?

— Это страшная, по здѣшнему мѣсту, рѣдкость.

— Да что именно-то?

— Это черепъ носорога...

Такъ какъ разговоръ этотъ происходилъ у насъ непосредственно вслѣдъ за осмотромъ кольчуги князя Олега рязанскаго — того, который

одинъ изъ всей Русской земли отказался идти съ Дмитріемъ Донскимъ противъ Мамая, то я, какъ-то, невольно, странно, посмотрѣлъ на моего, до крайности добраго и любезнаго собесѣдника, съумѣвшаго соединить у себя въ кабинетѣ такія несовмѣстимыя, повидимому, вещи, какъ кольчуга князя Олега и откуда-то добытая голова носорога.

— Это тоже вѣдь у насъ найдено, здѣсь, въ Рязанской губерніи, — сказалъ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на мое удивленіе.

— Найдено? — гдѣ же, въ землѣ? — спросилъ я, зная, что иногда, въ прежнее время, помѣщики тоже любили собирать — и платили за это даже большія деньги — всякія рѣдкости, или, по крайней мѣрѣ, казавшіяся имъ рѣдкостями, предметы самыхъ странныхъ наименованій, происхожденій и назначеній. Я думалъ, не имѣю ли я дѣло и теперь съ однимъ изъ такихъ же рѣдкихъ предметовъ, занесенныхъ въ Рязанскую губернію, любителемъ-собирателемъ-помѣщикомъ, Богъ знаетъ откуда.

Но оказалось, что черепъ носорога Алексѣй Васильевичъ добылъ отъ Касимовскаго исправника, доставшаго его, въ свою очередь, отъ какихъ-то мужиковъ, ловившихъ рыбу на берегу рѣки Оки и нашедшихъ его въ песчаной береговой осити.

— Это очень большая рѣдкость, — повторилъ еще разъ г. Селивановъ и замѣтилъ при этомъ, что находка эта указываетъ на то, что, въ отдаленнѣйшія времена, можетъ быть, еще до потопа, въ Рязанской губерніи, въ Касимовскомъ уѣздѣ, водились, между прочимъ, и носороги.

— Вы думаете? — сказалъ я.

— Да, потому что, какъ же иначе онъ могъ попасть сюда?

Обозрѣвая потомъ, въ поѣздку мою, кабинеты рѣдкостей при статистическихъ комитетахъ дальнѣйшихъ губерній уже по Волгѣ, я вездѣ встрѣчалъ подобные-же черепа, найденные исправниками и принесенные имъ въ даръ статистическимъ комитетамъ, хотя вездѣ они, сохраняя очень подозрительное сходство съ обыкновенными кобыльими, называются различно: черепами лосей, ископаемыхъ оленей, каменныхъ барановъ, зубровъ и т. под. Одинъ такой черепъ попалъ, между прочимъ и въ Радищевскій музей въ Саратовѣ, гдѣ и помѣщается вмѣстѣ съ картинами, древними медалями, письмами г-жи Віардо и письменнымъ столомъ И. С. Тургенева... Я такъ привыкъ находить въ статистическихъ комитетахъ разныя страусовыя окаменѣлыя яйца, шлемы, рыцарскіе доспѣхи, письма знатныхъ, и, совсѣмъ иногда, никому неизвѣстныхъ иностранцевъ и иностранокъ, — однимъ словомъ все, кромѣ

нужныхъ и интересныхъ современныхъ статистическихъ цифръ, что, подъѣзжая къ Саратову, я держалъ, напимѣръ, съ моимъ пріятелемъ пари, что найду такой вотъ сомнительный черепъ даже и въ Радищевскомъ музеѣ, гдѣ ему, кажется, быть совершенно ужъ незачѣмъ, — и пари это выигралъ...

— Ну, вотъ и проигралъ, сказалъ мой знакомый, когда, обойдя вмѣстѣ со мною музей, и не находя нигдѣ черепа, онъ началъ было уже торжествовать; но я указалъ ему въ это время на кабанью или какую-то очень похожую на нее голову, смотрѣвшую на насъ сверху, со шкафа:

— А это что? Видите?..

Но я нѣсколько отвлекся въ сторону.

А. В. Селивановъ сказалъ мнѣ, когда мы еще стояли съ нимъ передъ черепомъ носорога, что, принесшій его въ даръ статистическому комитету, касимовскій исправникъ, г. Новиковъ, очень хорошій и образованный человѣкъ, и дѣйствительно, а не на словахъ только, всячески старается принести пользу новому у насъ дѣлу собиранія и охраненія историческихъ нашихъ памятниковъ.

— Вы сдѣлаете очень хорошо, — добавилъ онъ, — если, въ поѣздку свою по Окѣ, заѣдете на нѣсколько дней въ г. Касимовъ и познакомитесь тамъ съ нимъ.

— О, я съ удовольствіемъ, — сказалъ я.

— Городъ прелюбопытный во многихъ отношеніяхъ, преоригинальный, — продолжалъ г. Селивановъ, — и кромѣ того, вы познакомитесь дѣйствительно съ достойнымъ человекомъ.

— Достойныхъ людей я вообще люблю, — сказалъ я — но если они къ тому же и образованные, да еще посѣщеніе ихъ сопряжено съ осмотромъ губернскихъ или хотя бы уѣздныхъ достопримѣчательностей — это вдвойнѣ и даже втройнѣ пріятно, ибо тогда пріятное соединяется съ полезнымъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о посѣщеніи мною, въ эту поѣздку мою по Окѣ, города Касимова и его исправника, г. Новикова, былъ рѣшенъ тутъ-же.

Алексѣй Васильевичъ сдѣлалъ только нѣсколько замѣчаній мнѣ, какъ себя вести съ населяющими городъ татарами, какъ отыскать ихъ ахуна, что у него просить, чтобы онъ показалъ, какія вообще древности и рѣдкости имѣются еще въ Касимовѣ, гдѣ хранятся и проч.

— А что касается исправника, — добавилъ онъ, — то это такой милѣйшій человекъ, что вы и сами это сейчасъ же поймете и никакихъ наставленій, какъ съ нимъ вести себя, вамъ не надо. Кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что и я также думаю скоро его навѣстить.

Я не сталъ послѣ этого задерживать почтеннаго Алексѣя Васильевича, такъ какъ онъ, кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ занятій и должностей, несетъ на себѣ обязанность еще и секретаря мѣстнаго дамскаго благотворительнаго комитета и въ этотъ день, вечеромъ, у нихъ было назначено въ городскомъ саду благотворительное гулянье, на которомъ впервые долженъ былъ знакомиться съ мѣстнымъ обществомъ вновь назначенный къ нимъ губернаторъ, пріѣхавшій въ Рязань прямо изъ Ниццы, гдѣ онъ до сихъ поръ проживалъ.

— Ужо вечеромъ въ саду увидимся, — сказали мнѣ при прощаніи г. Селивановъ. — Вѣдь вы навѣрно не откажете себѣ въ удовольствіи подышать чистымъ воздухомъ и вмѣстѣ сдѣлать доброе дѣло?

— Непремѣнно увидимся, — отвѣтилъ я, — потому что и подышать вечеромъ чистымъ воздухомъ и сдѣлать доброе дѣло одинаково всегда для меня пріятно.

— Такъ я пойду теперь распоряжаться.

— А я пойду къ одной моей знакомой дамѣ благотворительницѣ, членшѣ вашего комитета, — сказалъ я, — и буду помогать ей завертывать въ разноцвѣтныя тряпочки и бумажки грецкіе орѣхи, назначенные въ этотъ вечеръ для продажи съ благотворительной цѣлью.

II.

О древнемъ Касимовѣ сохранилось очень мало свѣдѣній. Извѣстно, что онъ служилъ нѣкогда столицею хановъ и царей татарскихъ и что это продолжалось болѣе двухсотъ лѣтъ — отъ Василя Темнаго до Петра Великаго.

Ни одинъ изъ этихъ хановъ и царей, въ историческомъ и культурномъ смыслѣ, ничѣмъ не замѣчательны. Всѣ они были одинъ какъ другой, да едва ли и могли быть иными при томъ положеніи, въ которомъ они находились. Начиная съ перваго изъ нихъ и кончая послѣднимъ, они всѣ были ставленники московскихъ великихъ князей и царей и вполне отъ нихъ зависѣли. Въ исторіи Касимовскихъ царей и царевичей нѣтъ ни одной попытки не только отложиться отъ Москвы и зажить своей самостоятельной жизнью, на манеръ хотя бы сосѣдней Казани, но нѣтъ, кажется, даже ни одного случая простаго неповиновенія Москвѣ.

Утекая отъ брата своего Махмута, перваго царя казанскаго, двое сыновей Улу-Мухамеда, Якубъ и Касимъ Трегубъ, явились къ Василию Темному съ извѣстіемъ, что братъ ихъ Махмутъ убилъ отца, основалъ царство (Казанское), а они ушли и просятъ ихъ пріютить. Василій, повидимому, обрадовался имъ, потому что встрѣ-

тиль ихъ очень радушно, такъ же какъ и толпу татаръ, пришедшихъ съ ними. Дѣло было какъ разъ во время спора его съ Шемякой и онъ справедливо рассчитывалъ, что они ему годятся. И, дѣйствительно, они емугодились.

Въ Москвѣ въ то время, вообще, очень любезно обходились съ татарскими выходцами царской крови. Они почти не переводились тамъ. Ихъ ласкали, содержали и за это пользовались ихъ услугами, если и не положительными, активными, то хотя какъ помѣхой, досадой противъ ихъ родственниковъ, сидѣвшихъ на престолахъ астраханскомъ, казанскомъ и крымскомъ. Этотъ взглядъ на царевичей-пришельцевъ укрѣплялся въ Москвѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, развился положительно въ цѣлую систему. Въ то время были даже у насъ обреченные для ихъ кормленія города: Юрьевъ, Кашира, Сурожскъ, Серпуховъ, Звенигородъ. Они управлялись наѣхавшими въ Россію татарскими царями и царевичами, неудачниками въ своей землѣ. Въ нихъ они жили, «кормились», иные черезъ нѣкоторое время, когда вновь имъ дома улыбалось счастье, отъѣзжали, а иные такъ и умирали тамъ.

Вотъ, въ качествѣ такихъ-то искателей приключеній и сытой жизни на чужбинѣ, и явились къ Василию Якубъ и Касимъ, по прозванію Тре-

губь. Куда дѣвался Якубъ не извѣстно, а Касимъ получилъ отъ великаго князя себѣ въ управленіе и на кормленіе Мещерскій городокъ, который уже гораздо позже, впослѣдствіи, сталъ называться, въ память его, Касимовымъ. Какъ Касимъ управлялъ городкомъ, какъ въ то время тамъ люди жили и, вообще, что это былъ за городокъ, объ этомъ извѣстно очень немного, — ничего почти.

Мещерскій городокъ, или Городецъ, какъ о нь тогда назывался, надо думать, былъ данъ великимъ княземъ Касиму не зря. Великій князь могъ дать ему любой какой-нибудь и другой городъ, но далъ именно этотъ едва ли не по слѣдующимъ соображеніямъ.

Основывалось и укрѣплялось новое татарское царство Казанское, которое въ Москвѣ, не безъ основанія, считали для себя опаснымъ болѣе стараго, раздираемаго междоусобіями Золотой Орды. Казань была ближе, моложе и сильнѣй. Въ Казани, какъ сказано, засѣлъ братъ Якуба и Касима, Махмутекъ, человѣкъ рѣшительный и предприимчивый. Было очень важно имѣть противъ него какой-нибудь оплотъ и при томъ, лучше всего, такой, за который, въ случаѣ чего, не пришлось-бы отвѣчать: по крайней мѣрѣ, можно бы было отговориться, сваливать на кого-нибудь чужаго свою вину. Въ этомъ смыслѣ,

Касимъ съ Якубомъ были для великаго князя московскаго чистымъ кладомъ: съ братомъ Махтутекомъ они во враждѣ,— заклятые враги, сидятъ въ Мещерскомъ городкѣ, что они тамъ дѣлають, въ Москвѣ трудно знать. Въ подвластной имъ Мордвѣ-Мещерѣ, народъ почти что дикій, на половину христіане, на половину магометане и даже есть среди нихъ пришлые и азіаты.—Какъ за нихъ отвѣчать? А между тѣмъ, всегда можно приказать своему ставленнику, натравить ихъ на казанскаго хана. Удалось — можно побѣду прибрать къ рукамъ, неудача — свалить на своеволие царевича и подвластную ему, отданную ему на кормленіе Мордву-Мещеру. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи шли дѣла на практикѣ и очень можетъ быть, что эта будущая практика была, при пожалованіи «Мещерскаго городка» Касиму Москвою, прозорливо провидѣна. Очень ужъ похожъ былъ этотъ «Мещерскій городокъ» на передовой постъ русскихъ противъ Казани.

Пожалованіе Касиму Мещерскаго городка случилось около 1452 года, лѣтъ черезъ шесть или семь, послѣ пріѣзда братьевъ въ Россію. Якубъ, какъ сказано, пропалъ изъ виду, а Касимъ остался и сталъ править городомъ на отчетѣ, такъ сказать, у великаго князя.

До 1467 года Касимъ сидѣлъ у себя въ городкѣ смирно, исполняя по временамъ только

кое-какія порученія великаго князя по части отраженія разныхъ незначительныхъ татарскихъ-же шаекъ; въ этомъ же году онъ затѣялъ самостоятельное и, повидимому, серьезное предпріятіе. Въ Казани умеръ братъ его, Махмутекъ, которому наслѣдовалъ сперва старшій сынъ Халиль, а затѣмъ, когда вскорѣ и этотъ умеръ, — второй сынъ Ибрагимъ. Въ это время нѣкоторые изъ князей казанскихъ стали обращаться къ Касиму съ просьбой пріѣхать въ Казань на царство. Касимъ не скрылъ этого отъ великаго князя и разсказалъ ему во всѣхъ подробностяхъ о своемъ искушеніи. Великій князь былъ очень доволенъ всѣмъ этимъ: и вѣрностью и откровенностью Касима, не скрывавшаго отъ него ничего, и случаемъ вмѣшаться въ казанскія дѣла. Лѣтописцы, впрочемъ, увѣряютъ, что призывъ этотъ Касима на царство въ Казань, былъ просто дипломатической хитростью казанцевъ, желавшихъ заманить его только къ себѣ. Они догадывались, вѣроятно, почему великій князь выбралъ для Касима резиденціей Мещерскій городокъ. Повидимому, дѣйствительно это приглашеніе было только хитростью. Когда, поспѣшно собравшись, Касимъ со своими татарами и съ сильнымъ рускимъ отрядомъ, даннымъ ему въ подмогу великимъ княземъ, подошелъ къ Волгѣ, то, на другой ея сторонѣ, стоялъ уже съ своими войсками

Ибрагимъ и, ни касимовскимъ татарамъ, ни русскимъ, переправиться черезъ Волгу не позволили. Такъ они понапрасну простояли и должны были идти обратно. Обратное шествіе ихъ было затруднено дождями, холодами, насталь голодъ, и они были рады, что хотя возвратились изъ этого неудачнаго и страннаго похода цѣлыми и невредимыми.

Вскорѣ послѣ этого, именно черезъ три года, въ 1469 году Касимъ умеръ. На его мѣсто въ Мещерскомъ городкѣ сѣлъ царемъ его сынъ Даньярь.

Вотъ все, что извѣстно о Касимѣ.

III.

Даньярь былъ, повидимому, такая же точно безцвѣтная личность, какъ и отецъ его. По крайней мѣрѣ ничего объ немъ неизвѣстно. Будь онъ хоть чѣмъ-нибудь замѣчателенъ, объ немъ было бы, конечно, упомянуто въ современныхъ ему запискахъ, лѣтописяхъ. Но объ немъ ничего нигдѣ не говорится, хотя имя его, какъ участника походовъ великаго князя, и упоминается неоднократно. Такъ, онъ былъ при паденіи великаго Новгорода, стоялъ въ Коломнѣ при шествіи на Москву хана Ахмета и проч. Самое характерное извѣстіе объ немъ сохранилось послѣдующему случаю:

«Того же лѣта (1483 г.), врачъ, нѣкій Антонъ

пріѣха къ великому князю, его же въ велицѣй чести держа, князь велики его, врачева же князя Каракучу, царевичева Даньярова, да умори его смертнымъ зелиемъ за посмѣхъ; князь же великій выда его сыну Каракучеву, онъ же мучавъ его, хотѣлъ дати на окупъ, князь же велики не повелѣ, но велѣ его убити; они же, сведоша его на рѣку, на Москву, подъ мостъ, зимѣ, да нарѣзаша его ножемъ, какъ овцу».

Послѣ Даньяра сидѣлъ въ Касимовѣ царевичемъ крымскій татаринъ Нуръ-Даулетъ, братъ крымскаго хана Менгли-Гирея, личность совершенно тоже безцвѣтная.

Послѣ Нуръ-Даулета сидѣлъ въ Касимовѣ царевичъ Сатылганъ. Послѣ Сатылгана — Джанай. Послѣ Джаная — Шейхъ-Ауліаръ. Послѣ Шейхъ-Ауліара — Джанъ-Али. Послѣ Джанъ-Али — его братъ Шахъ-Али.

Объ этомъ Шахъ-Али упоминается и много, и часто, и если, самъ по себѣ, онъ былъ и такая же безцвѣтная личность, какъ и его предшественники, то, по крайней мѣрѣ, изъ подробностей, сообщаемыхъ объ немъ, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о татарскихъ касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, вообще. Кромѣ того, Шахъ-Али былъ участникомъ событій почти всего царствованія Ивана Грознаго. Онъ былъ, кажется, даже любимцемъ его. Онъ участ-

воваль во взятіи Казани, въ которомъ былъ нѣкогда, какъ и братъ его, Джанъ-Али, царемъ. и даже не разъ, а три раза. Участвовалъ въ Ливонской войнѣ, гдѣ отличился страшной жестокостью, разоряя нѣмецкую землю.

Въ началѣ своей карьеры въ Россіи, Шахъ-Али и, выѣхавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ Россію, татары много вынесли горя. Уличенный въ тайныхъ сношеніяхъ съ Казанью, онъ былъ сосланъ на Бѣлоозеро. Татаръ же его разослали кого въ Тверь, Новгородъ, и Псковъ, гдѣ ихъ разсажали по тюрьмамъ. Въ Псковѣ было посажено 73 человѣка и «въ томъ числѣ малыхъ дѣтокъ 7 и тѣ изомроша въ день и въ ночь, и выкидаша ихъ вонъ». Въ Новгородѣ было посажено «восемьдесятъ и болѣе; они же, по своей скверной вѣрѣ, въ пять дней изомроша». Болѣе живучими оказались почему то жены ихъ. Послѣ долгой мучительной тюремной жизни они, наконецъ, стали просить, чтобы ихъ крестили и дали потомъ имъ свободу. На это великій князь согласился, и «се велико множество душъ избышка козни лукаваго и познаша святую православную вѣру. Вскорѣ дѣла въ Казани опять запутались и представилась возможность московскому князю вмѣшаться въ нихъ. Это было ужъ въ малолѣтство Ивана, при правленіи матери его, Елены. Сейчасъ-же, конечно, вспомнили о сосланномъ

Шахъ-Али и, на Бѣлоозеро, поскакалъ нарочный съ прощеніемъ и приказаніемъ немедленно явиться ему въ Москву. Сохранилось описаніе того, какъ возвращенный Шахъ Али явился къ молодому тогда Ивану. Шахъ-Али палъ на колѣни, стоя, такъ произнесъ рѣчь: «Отецъ твой, государь мой, князь великій Василій Ивановичъ всея Руси взялъ меня дѣтинку мала, да меня жаловалъ, какъ отецъ сына, и, пожаловавъ, въ Казани, царемъ, учинилъ меня и жалованьемъ своимъ великимъ жаловалъ; и по грѣхамъ моимъ въ Казань пришла въ князехъ, и въ людяхъ казанскихъ несогласица, и азъ опять къ государю своему, къ отцу твоему, пришелъ на Москву. И отецъ твой, государь мой, меня пожаловалъ въ своей землѣ, надавалъ мнѣ города; и азъ грѣхомъ своимъ предъ своимъ государемъ виновать учинился и впалъ есьми предъ нимъ въ великую проступку, гордостнымъ своимъ умомъ и лукавымъ помысломъ. И Богъ за мое преступленіе и за лукавое помышленіе не попустилъ, и отецъ твой, государь мой, меня за мое преступленіе наказалъ, и опалу свою наложилъ, меня смиряючи. И нонѣ ты, государь мой, памятуя, за отца своего, великое ко мнѣ жалованье, надо мною милость показалъ, и то тебѣ Богъ положилъ по сердцу, что еси, государь мой, пожаловалъ меня не по моимъ грѣхамъ»,

Иванъ милостиво велѣлъ ему встать, прика-

залъ сѣсть на отдѣльную лавку, по правую руку отъ себя, подарилъ шубу и, наконецъ, отступилъ на подворье. Шахъ-Али униженно просилъ у великаго князя позволенія представиться княгинѣ — матери. Ему разрѣшили. Также точно униженно, стоя на колѣняхъ, Шахъ-Али и передъ нею каялся въ грѣхахъ своихъ. Потомъ онъ сталъ просить о новой къ нему милости — позволить представить свою жену. Ему позволили.

Въ 1546 году, Шахъ-Али взобрался-таки вторично на казанскій престолъ, но не надолго, — черезъ мѣсяцъ онъ долженъ былъ снова бѣжать.

Въ третій разъ онъ сдѣлался царемъ казанскимъ въ 1551 году. Отнявъ въ дѣйствительности всякую самостоятельность у своего ставленника, Иванъ Грозный, однако, заботился придать внѣшній блескъ казанскому хану. Такъ, на этотъ разъ, Шахъ-Али отпустили на царство съ великой пышностью и встрѣчу ему тамъ приготовили пышную. «Но съ первой же минуты», говоритъ Вельяминовъ-Зерновъ, «своего вступленія на престолъ, Шахъ-Али очутился въ положеніи трудномъ и стѣсненномъ. Надобно знать, что при возведеніи его на ханство, государь московскій призналъ его царемъ не на прежнихъ основаніяхъ, а далъ ему Казань, — луговую сторону и Арскую; нагорную же, какъ завоеванную

мечемъ, оставилъ причисленную къ Свѣжску». Уже это одно должно было возбудить всеобщее неудовольствіе; примѣшались и другія обстоятельства: Начались притязанія съ обѣихъ сторонъ: казанской и русской. Изъ нихъ каждая смотрѣла на новаго хана, какъ на лицо, обязанное служить исключительно ея интересамъ. Казанцы требовали, чтобы Шахъ-Али выпросилъ обратно нагорную сторону; глядѣли недовѣрчиво на всѣ его поступки, видя въ нихъ потворство великому князю, бушевали и не слушались. Русское же правительство ласкало Шаха Али, какъ и князей казанскихъ, и даже городецкихъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ ввелъ съ собою въ городъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, строго наказывало, чтобы ханъ привелъ Казань въ такую-же точно совершенную зависимость отъ государя московскаго, въ какой находился Касимовъ. Что было дѣлать Шахъ-Али? Угодить однимъ значило возстановлять противъ себя другихъ. Тщетно ханъ писалъ въ Москву и молилъ, чтобы ему отдали нагорную сторону. Государь, для котораго столь важная уступка была невозможна, отвѣчалъ каждый разъ отказомъ и казанцы оставались недовольны. Мало того, въ городѣ стали затѣваться заговоры. Ханъ началъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости: такъ, въ два дня по его приказанію погибло до 70 человекъ — князей,

оглаковъ и мурзь. Жестокость только раздражила умы. И напрасно, желая сколько нибудь угодить народу, глядѣль Шахъ-Али равнодушно, какъ казанцы и даже его собственные городецкіе татары держали у себя русскихъ плѣнныхъ. Слухи объ этомъ доходили до Москвы и навлекли непріятности со стороны русскаго правительства.

Шахъ-Али вздумалъ было жаловаться на свое безсиліе и говорилъ, что ему остается только бѣжать въ Москву. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ предложеніе, прискорбное для его сердца, въ которомъ еще была жива любовь къ сородичамъ и мусульманамъ, — укрѣпить городъ людьми русскими...

Дѣло, очевидно, не могло долго оставаться въ подобномъ напряженномъ положеніи. Развязка послѣдовала въ началѣ 1552 года. Государь, которому объ это пору нѣкоторые казанскіе князья, враги Шаха-Али, внушили изъ-подъ рукъ, будто жители Казани готовы принять къ себѣ московскаго намѣстника, послалъ Алексѣя Адашева свести хана съ престола и приказать ему сдать городъ русскимъ. Тутъ; къ чести Шаха-Али, надобно сказать, что онъ съумѣлъ выказать въ нѣкоторой степени твердость и благородство характера. Когда Адашевъ, исполняя волю государеву, обратился къ нему съ требованіемъ,

чтобы онъ впустилъ добровольно людей великаго князя въ городъ, обѣщая ему за то, отъ имени Ивана, все, чего бы онъ не захотѣлъ, то Шахъ-Али отвѣчалъ, что покинуть столицу и сойдти съ престола онъ готовъ, но что сдать городъ русскимъ и окончательно наложить руку на родную мусульманскую землю онъ не можетъ никакъ. Марта 6-го 1552 года, Шахъ-Али выѣхалъ изъ Казани, въ сопровожденіи бывшихъ при немъ русскихъ стрѣльцовъ, многихъ князей и мурзъ казанскихъ, и своихъ городецкихъ татаръ, подъ предлогомъ рыбной ловли на озерѣ. За городомъ онъ объявилъ, что покидаетъ совершенно царство по приказанію государя, и затѣмъ, встрѣченный нашими воеводами на Волгѣ, перешелъ въ Свіяжскъ.

И опять очутился онъ въ Касимовѣ.,.

Уже изъ одного этого перечня возшествій Шаха-Али на казанскій престолъ и потомъ, сошествій съ него, пріѣздовъ его въ Касимовъ и отъѣздовъ оттуда, видно, какую жалкую роль игралъ онъ. Лично однако же Иванъ, повидимому, цѣнилъ его. Такъ, онъ всегда звалъ его на военные совѣты, происходившіе подъ предсѣдательствомъ самаго Ивана передъ каждымъ изъ его походовъ. Наконецъ, это видно и изъ того довѣрія, которое Иванъ оказывалъ ему, поручая иногда командовать не

только одними городецкими татарами, но и цѣлыми русскими отрядами. Неизвѣстно ни одной его самостоятельной побѣды, но многія довольно серьезныя и отвѣтственныя порученія онъ исполнялъ къ удовольствію Ивана вполнѣ точно. Такъ, будучи посланъ опустошать Ливонію, онъ опустошилъ ее до такой степени, что превратилъ буквально чуть не въ пустыню. Нѣмецкіе лѣтописцы въ ужасѣ отъ того, что онъ тамъ сдѣлалъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что наружность у Шахъ-Али была ужасная: уши у него висѣли почти до плечъ, какъ у звѣря какого. Брюхо было такихъ размѣровъ и столь отвислое, что онъ не могъ подъ конецъ садиться на лошадь. Объ этой наружности его сохранилось извѣстіе у многихъ современныхъ ему писателей. Всѣ согласны, что Шахъ-Али былъ ужасенъ: «зѣло былъ взору страшнаго и мерзкаго лица и корпуса, имѣлъ уши долгія, на плечахъ висящія, лицо женское, толстое, надменное чрево, короткія ноги, ступени долгія, скотское сѣдалище»... Вельяминовъ - Зерновъ, впрочемъ, отрицаетъ или, по крайней мѣрѣ, сильно сомнѣвается во всѣхъ злодѣйствахъ, которыя ему приписываются нѣмецкими лѣтописцами. Онъ находитъ ихъ во всякомъ случаѣ сильно преувеличенными. Къ тому же нравы и военные обычаи тогда были такіе..,

IV.

Послѣ Шаха-Али потянулся рядъ совершенно опять безцвѣтныхъ царевичей и царей, которые сажались въ Касимовъ, утрачивая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе не только ужъ власть свою, которая была умалена до совершеннаго ничтожества, но и самое представительство, внѣшній свой блескъ. Таковы были: Саитъ-Булатъ, Мустафа - Али, Уразъ - Мухамедъ, Арсланъ, Сеидъ-Бурханъ и, наконецъ, послѣдняя царица касимовская Фатима-Султанъ. Съ нею и кончилось это жалкое и странное царство, выдуманное Москвою и со служившее, однако, московской политикѣ не малую службу.

Теряя свои размѣры съ каждымъ новымъ ханомъ, чуть не съ каждымъ даже днемъ, власть касимовскихъ правителей достигла при Сеидъ-Бурханѣ, принявшемъ крещеніе, совершенно ужъ призрачнаго существованія. Названный при крещеніи Василиемъ Арслановичемъ, Сеидъ Бурханъ принялъ въ глазахъ своихъ сородичей-подданныхъ, небывалое фальшивое назначеніе. До него всѣ владѣльцы касимовскіе, безъ исключенія, исповѣдывали мусульманство. Былъ, правда, одинъ примѣръ: царевичъ Саитъ-Булатъ тоже принялъ православіе, но тотъ былъ смѣщенъ немедленно. Теперь-же Москва, повидимому, рѣшила больше

не церемониться съ Касимовымъ: дѣло, очевидно, подходило къ ликвидаціи, вообще всякой, какой бы то ни было власти и даже самаго существованія касимовскихъ царей и царевичей. Крещеный Василій Арслановичъ долженъ былъ быть нѣкотораго рода опытомъ при этомъ московскомъ рѣшеніи, прежде приведенія его въ исполненіе. И, дѣйствительно, такъ и было: При немъ, Касимовъ не только управлялся приставленнымъ къ царевичу московскимъ воеводою и воеводской канцеляріей — это ужъ давно было заведено — но и наполнился наѣхавшими въ него со всѣхъ сторонъ русскими. Строились церкви русскія, основывался даже женскій дѣвичій монастырь...

Въ смыслѣ политической самостоятельности, жизнь, вообще, всѣхъ царей касимовскихъ, не была завидною. Теперь - же, къ концу, утрачивалась даже и тѣнь этой самостоятельности. Цари касимовскіе низводились просто на роль какихъ то бутафорскихъ принадлежностей при московскомъ дворѣ, во время торжественныхъ царскихъ пріемовъ, выходовъ, встрѣчъ чужеземныхъ пословъ, обѣдовъ, обѣдней и проч. Они были нужны и служили только своими титулами и оригинальной одеждой, нѣсколько отличной отъ русской, для приданія блеску этимъ царскимъ обѣдамъ и выходамъ. Даже самыя цере-

моніи, съ которыми ихъ встрѣчали при ежедневныхъ почти прїѣздахъ ко двору, не имѣли никакой другой идеи. кромѣ, какъ показать кому это было нужно изъ чужеземцевъ, — дескать вотъ какія особы къ намъ являются. Но иностранцевъ это, повидимому, не вводило въ заблужденіе, Такъ Мейерберъ, бывшій въ Россіи въ 1661 — 1662 годахъ, написалъ о касимовскомъ царѣ, котораго онъ видѣлъ (Василія Арслановича) слѣдующее: «Ничтожнаго владѣльца этого величаютъ важнымъ титуломъ царя. Лъстецы выдумаютъ, еще пожалуй, его звать императоромъ».

Всѣ цари касимовскіе послѣ Шахъ-Али, проведшаго почти всю свою жизнь въ походахъ съ царемъ Иваномъ, мало и живали даже въ Касимовѣ. Они постоянно упоминаются при описаніи чуть не ежедневныхъ выходовъ и обѣдовъ московскихъ царей наравнѣ съ царевичами сибирскими, грузинскими, киргизскими и т. д. Касимовъ, очевидно, управлялся во все это время московскими воеводами, и они только жили на доходы съ Касимова, рѣдко мѣшаясь въ самое управленіе. Очень можетъ быть, что ихъ привлекала въ Москву и болѣе веселая и широкая жизнь при московскомъ дворѣ, чѣмъ гдѣ-то въ захолустѣ, въ своемъ ничтожномъ городишкѣ; но и московское требованіе тутъ очевидно. Какъ только касимовскій царь долго не ѣхалъ въ

Москву, его выписывали туда, не давая ему долго засиживаться въ своей столицѣ. И они являлись покорные, готовые дать отчетъ, въ чемъ угодно. Ихъ одѣвали, сажали, водили, показывали какъ куколь и утѣшали тѣмъ, что за царскими столами ихъ угощали и подчивали, „поили и кормили“ стольники такіе-то и такіе-то.

Не краше была ихъ жизнь и у себя дома, въ Касимовѣ, гдѣ имъ ни въ чемъ не довѣряли, постоянно подозрѣвали ихъ и за ними слѣдили.

Олеарій, посѣтившій Касимовъ въ 1636 году, проѣздомъ съ голштинскими послами изъ Москвы въ Персію, говоритъ въ своемъ дневникѣ: «Наконецъ, къ вечеру (7 іюля) проѣхали еще (по р. Окѣ) 3 версты (отъ селенія Бабина) проѣхали мы къ городу К а с и м о г о р о д у; отъ насъ онъ былъ по лѣвую руку. Городъ этотъ — татарскій и принадлежитъ татарскому¹ княжеству К а с и м о в у. Тутъ жилъ въ старомъ каменномъ строеніи, служившемъ въ прежнія времена замкомъ, молодой татарскій царевичъ вмѣстѣ съ матерью и дѣдомъ, которые нѣсколько лѣтъ назадъ признали надъ собою власть великаго князя. Городъ отданъ имъ на прокормленіе»... «Послы наши желали засвидѣтельствовать царевичу свое почтеніе, отправили къ нему въ подарокъ фунтъ табаку и бутылку французской водки. Ему это такъ понравилось, что онъ приказалъ кланяться

посламъ, очень благодарить ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извиниться, что не можетъ принять господъ пословъ у себя въ домѣ и угостить ихъ, какъ бы ему хотѣлось. Этимъ онъ раздражилъ бы воеводу, который вообще, неохотно допускалъ, что-бы чужіе люди имѣли съ нимъ сношеніе. Царевичъ прислалъ, однако, черезъ слугъ своихъ, которые были также татары и могли объясняться у насъ съ однимъ только персидскимъ переводчикомъ, разнаго рода припасы, чтобы отплатить за сдѣланные ему подарки, именно: двухъ барановъ, кадку меду, боченокъ пива, водки, нѣсколько кусковъ льду, простокваши и свѣжаго масла, сбитаго, какъ говорили слуги, руками самой матери царевича». Олеарій, какъ обстоятельный человѣкъ, сдѣлалъ даже рисунокъ тогдашняго Касимова. Это просто большое прибрежное деревянными избами, село съ нѣсколькими православными церквями, съ заборами, село, единственное отличіе котораго отъ большихъ теперешнихъ побережныхъ селъ — каменная мечеть съ минаретами (сохранившаяся до сихъ поръ) и еще какой-то каменной полуразрушенной башней, которая, вѣроятно, и называется у Олеарія „замкомъ».

Надо полагать, что матеріальный достатокъ касимовскихъ царей въ это время тоже былъ

не особенно великъ. Они жили въ Москвѣ. можетъ быть, и безбѣдно, но едва ли роскошно. По крайней мѣрѣ, ни о какой царской роскоши ихъ, и вообще даже о томъ, были ли какіе-нибудь у нихъ у самихъ приемы и обѣды нигдѣ не упоминается.

О состояніи Василя Арслановича сохранилось извѣстіе въ писцовыхъ книгахъ, которыя при немъ составляли въ Касимовѣ, Воейковѣ и подъячій Постникъ-Раковѣ. Изъ этихъ книгъ видно, что состояніе царевича было далеко не большое и все оно состояло изъ лѣсовъ, луговъ, озеръ, пчельниковъ и разныхъ лавокъ. Не только по тогдашнему, но даже и по теперешнему, когда имѣнія подѣлены и раздроблены, — оно было не Богъ вѣсть какое. Въ самомъ Касимовѣ ему принадлежало, правда, много мѣстъ и построекъ, но ихъ занимали и въ нихъ жили его князья, мурзы сеиты, и, по тогдашнему обычаю, многочисленная дворня, которая конечно дохода ему не приносила, а напротивъ поглощала еще и то, что получалось съ деревень, съ лѣсовъ, луговъ, рыбныхъ озеръ и проч. Здѣсь можно было бы, конечно, привести изъ описи Воейкова и Постника-Ракова цифры этихъ лѣсовъ, земель, рыбныхъ ловель и прочихъ угодій, которыя принадлежали царевичу Василю Арслановичу, но опись эта дошла до насъ въ отрывкахъ, въ разныхъ

спискахъ и изъ нихъ трудно сдѣлать точные выводы. Во всякомъ случаѣ, состояніе лично ему принадлежавшее было не больше состояній многихъ изъ тогдашнихъ даже и не славившихся своимъ богатствомъ русскихъ князей и бояръ; расходы же его по представительству, по пустому титулу, были, конечно, гораздо больше ихъ и поглощали всѣ его доходы.

Василіемъ Арслановичемъ собственно кончается родъ хановъ Касимовскихъ, и, не оставя послѣ его смерти въ живыхъ еще его мать, новаго хана изъ Москвы въ Касимовъ не было бы прислано. Все ужъ было сдѣлано для того, чтобы Касимовъ ни чѣмъ, никакими особенностями по управленію, не отличался отъ прочихъ городовъ русскихъ. Но старуха была жива и московское правительство «не захотѣло обижать» Фатимы-Султаны на послѣднихъ дняхъ ея жизни и, по кончинѣ Василія, признало ее владѣтельною царицею Касимовскою, присвоило ей права, которыми пользовался сынъ ея.

Эта деликатность, такъ не свойственная тогдашнему духу московскаго правительства, объясняется, конечно, безвредностью старухи и, вообще, ничтожностью власти хановъ въ Касимовѣ.

Старуха проскрипѣла, однако, послѣ сына, года два и умерла. Касимовское царство кончилось.

Странное было это царство — «служительское»! Никогда оно не было независимымъ. Ни одинъ ханъ его не зналъ, что такое независимость. Всѣ, отъ перваго до послѣдняго, были «слугами» московскими... Въ исторіи нѣтъ другаго такого примѣра.

Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что, сознавая свое безсиліе и не надѣясь ни на какое не только расширеніе своихъ правъ отъ Москвы, но даже и на сохраненіе и удержаніе за собою и тѣхъ правъ, какія были прежде, касимовскіе цари и царевичи охотно соглашались ѣхать и дѣйствительно ѣхали въ Москву, гдѣ имъ льстило хоть внѣшнее, зло подсмѣивавшееся надъ ними, выраженіе почтенія къ нимъ и блескъ и шумная жизнь московскихъ царей, у которыхъ они могли жить этой жизнью, если не отравляло ихъ всецѣло сознаніе, что они допущены къ этой жизни ради ея блеска и своимъ присутствіемъ только укрѣпляютъ власть, такъ постоянно и холодно накладывавшую на нихъ свою руку.

Съ этой жалкой ролью они, повидимому, мирились и, считая свое дѣло окончательно и навѣки проиграннымъ, удовлетворялись и тѣми малыми крохами уваженія и почтенія, которыя, совершенно, конечно, внѣшнія, давала имъ побѣдительница Москва...

V.

Благотворительное дамское гулянье, въ которомъ и я принималъ участіе, помогая продавать благотворительные орѣшки, затянулось часовъ до двухъ ночи, такъ что я едва не опоздалъ на другой день утромъ на пароходъ, отходящій изъ Рязани что-то очень рано, часовъ въ 6 или 7; къ тому же пристань пароходная для чего-то отнесена отъ Рязани верстъ за пять за городъ и дорога до этой пристани поистинѣ убійственная.

День начинался чудесный, ясный, тихій, какіе бываютъ, въ этой мѣстности, весной — я ѣхалъ въ маѣ — и какіе, впрочемъ, весной вездѣ бываютъ. Ока широко разлилась и стояла гладкая, какъ зеркало.

— Самое время по ней ѣздить теперь, — говорили на пароходѣ.

— А развѣ шибко мелѣть лѣтомъ?

— Лѣтомъ въ половину мелѣть.

— Но пароходы-то все-таки ходятъ?

— Ходятъ. Волга еще больше мелѣть лѣтомъ, а все-таки и по ней все лѣто ходятъ.

Пароходъ, казалось, катился по гладкому зеркалу рѣки. Желтые, песчаные берега съ одной стороны, — съ правой, и низменные, зеленые, заливные, съ другой, — съ лѣвой, далеко уходили

извилинами впередъ, окаймляя эту заркальную воду, блестящую подъ солнцемъ ослѣпительнымъ блескомъ. Виднѣлись села по берегамъ, деревни, богатые, повидимому, барскія усадьбы, широко и просторно раскинувшіяся, то тамъ, то тутъ на крутыхъ берегахъ, съ правой стороны отъ парохода.

Я сидѣлъ на верхней палубѣ и смотрѣлъ на роскошную картину весенняго разлива широкой рѣки. Возлѣ меня на скамеечкѣ сидѣли какіе-то двое, очевидно, не здѣшняго края, жителей и, тоже любуясь привольемъ рѣки и цвѣтущимъ видомъ ея береговъ, вели между собою разговоръ!

— Вѣдь вотъ, чтожъ тутъ удивительнаго, что губернія богата, — говорилъ одинъ изъ нихъ — Одна эдакая рѣка чего стоитъ.

— А земля-то здѣсь какая!

— Да, и неудивительно что въ цѣнѣ.

— И самое положеніе — подмосковная.

— Да, жить можно тутъ.

— Вѣдь здѣсь съ ничего можно доходъ получать. До чего ни коснись, все можно въ Москву свезти и продать — вотъ и деньги вамъ сейчасъ.

— Рѣдкія условія для процвѣтанія.

— Да вѣдь и богатство же. Вы смотрите. Вонъ туда смотрите.

Одинъ изъ разговаривающихъ пассажировъ указывалъ рукой на мальчишекъ, ловившихъ бреднемъ рыбу у праваго берега.

— Вѣдь вотъ пошлютъ мальчишекъ, они и наловятъ ее сколько угодно, вотъ и обѣдъ готовъ... Благодатный край!

— Благодать здѣсь просто преть. А сады-то, смотрите-ка по берегу. Вѣдь это все сады. Вы видите, вѣдь это все яблони, груши насажены ..

— Благодатная сторона...

Но я уже кое-что зналъ: въ этой благодатной сторонѣ, т. е. въ этой губерніи, уже не осталось почти и половины лошадей въ крестьянскихъ дворахъ, и «бездомныя» крестьянскія семьи, въ каждомъ уѣздѣ ея посчитаются тысячами, и что, къ оскудѣнію, «благодатная» губернія эта идетъ едва ли не впереди всѣхъ остальныхъ... Я молчалъ и слушалъ ихъ.

На палубу къ намъ возшелъ капитанъ, плотный, здоровый мужчина лѣтъ тридцати пяти и, подходя ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ вы хотѣли, кажется, стерлядку-то купить? Такъ это, вотъ на этой пристани будетъ. Ихъ тутъ съ лодокъ продаютъ; какая вамъ взглянется, ту и берите себѣ.

Пассажиры, разсуждавшіе все время о благодати Рязанской губерніи, услышали это и тоже заговорили, что и они хотятъ купить себѣ стер-

лядку, — но что они потомъ будутъ съ нею дѣ-
лать?

— Какъ что? — сварить, уху сварить, а то,
такъ разварить, — сказалъ капитанъ.

— Да гдѣ это? На берегу же?

— Зачѣмъ? Здѣсь, у себя, на пароходѣ. За-
платите, дадите за это повару, онъ вамъ и сва-
ритъ. Подъ соусомъ можно приготовить, порус-
ски, поамерикански, а то, въ огуречномъ раз-
солѣ — тоже прелесть какъ хорошо, знаете, эдакъ
кисло-солененькій соусикъ, потомъ къ нимъ можно
сухаго хрѣнку натереть, да если, эдакъ съ во-
дочкой...

Капитанъ смѣялся, пассажиры плотоядно улы-
бались, предвкушая предстоявшее имъ удоволь-
ствіе съѣсть стерлядку въ ухѣ или съ однимъ
изъ, такъ аппетитно рассказанныхъ имъ, «соуси-
ковъ».

— Такъ вотъ-съ, — сказалъ капитанъ, — сей-
часъ подойдемъ къ пристани, вы сойдите, хоро-
шенько поторгуйтесь — народъ здѣсь мошен-
ники все — выбирайте, у которой брюхо по-
толще — это значить съ икрой: икру тоже можно
тутъ же приготовить — да пожелтѣй и, подлюю
ее, сейчасъ подъ жабры и на пароходъ!.. А
ужъ тутъ мы съ ней и справимся!.. Ха, ха...

Капитанъ расхохотался, пассажиры осклаби-
лись, и онъ какъ-то прищелкнулъ языкомъ,

ловко повернулся, дѣлая намъ рукою что-то въ родѣ привѣтствія, и пошелъ къ огромному колесу руля, въ стеклянную бесѣдку.

Пароходъ медленно подходилъ къ пристани—жалкой какой-то лачужкѣ на берегу, съ дрожавшимъ помостомъ на сваяхъ, куда мы должны были сейчасъ причалить. Нѣсколько лодокъ съ рыбаками стояли у пристани и, въ ожиданіи насъ, посматривали на нашъ пароходъ тоже, вѣроятно, съ меньшимъ, нашего, аппетитомъ продать намъ свой живой товаръ.

— Благодатный край, — сказалъ пассажиръ, посматривая на лодки.

— Благодать, — отвѣчалъ ему другой пассажиръ.

Черезъ часъ, когда пароходъ шелъ опять уже полнымъ ходомъ, а мы, пассажиры, купившіе себѣ на пристани стерлядей, ѣли ихъ въ ухѣ или разварными подъ разными соусами: порусски, поамерикански, или подъ кисленькимъ соусомъ изъ огуречнаго разсола, къ намъ, въ общую каюту, опять пришелъ капитанъ.

— Не хотите-ли? не отвѣдаете-ли? — обратились къ нему, со всѣхъ сторонъ, благодарные, за указаніе о мѣстѣ нахожденія стерлядей, пассажиры — водочки рюмочку? а закуска-то какова?..

Выпивъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по рюмкѣ водки и закусывая ихъ стерлядами подъ раз-

ными этими соусами, капитанъ заговорилъ: — Дѣйствительно хороши здѣшнія мѣста въ этомъ отношеніи, нечего и говорить, лучшаго и желать нельзя, нигдѣ, можно сказать, за такую цѣну ничего подобнаго не достать. — Только, съ одной стороны, это на первый разъ хорошо, но скоро надоѣдаетъ — и не глядѣлъ бы даже — а съ другой, — народъ здѣшній — подлець... Голый совсѣмъ и изъ года въ годъ голѣй и голѣй все становится! — вдругъ совершенно, какъ-то, неожиданно — отъ стерлядей, да къ народу — перешелъ онъ.

Пассажиры, все время очень внимательно кушавшіе стерлядей, при этихъ словахъ его, подняли на него глаза и начали спрашивать:

— Т. е. какъ это?

— Отчего?

— Избалованы? Распущены?..

— Не могу вамъ объяснить этого хорошо, — говорилъ капитанъ, — но только довѣрія никому никакого нельзя оказать... Окажите имъ довѣріе и потомъ сами же будете раскаиваться.

— Это вы собственно о наймѣ?... вотъ при наймѣ рабочихъ? — спросилъ кто-то изъ пассажировъ.

— И о наймѣ рабочихъ и вообще. Потому, — ну я васъ спрашиваю, что вы потомъ съ него

возьмете?.. Онъ голый и потому съ него и взять нечего...

— Но можетъ быть, это объясняется также и недостаточнымъ количествомъ начальниковъ въ здѣшней сторонѣ?— сказалъ пассажиръ, сдѣлавшій ранѣе этого предположеніе о распущенности, но, сейчасъ же сообразивъ, проговорилъ: впрочемъ, вездѣ вѣдь у насъ одинаковое управленіе, штаты одни и тѣ же. Можетъ присмотрѣ слабый?

— Не могу вамъ съ точностію сказать, — отвѣчалъ капитанъ, — но имѣтъ дѣло у насъ съ народомъ и, вообще, всякія дѣла здѣсь — сущее наказаніе...

Когда всѣ поѣли стерлядей, утерлись и, посидѣвъ нѣкоторое время, откинувшись на спинки стульевъ, начали одинъ по одному вставать, закуривать папироски, сигарки и уходить сидѣть опять на верхнюю палубу, я обратился къ капитану съ вопросомъ:

— Когда мы придемъ въ Касимовъ?

— Завтра утромъ, на разсвѣтѣ. Только солнышко начнетъ вставать, мы и придемъ. А что, вы только до Касимова развѣ?

— Нѣтъ, я дальше, но сойду въ Касимовъ. Мнѣ тамъ дня два надо пробыть.

— Татарскій городъ — сказалъ капитанъ.

— Вы бывали въ немъ?

— Какъ же-съ. Сколько даже разъ.

— Хорошій городъ?

— Татары живутъ хорошо... Да вотъ,—вдругъ пять одушевляясь началъ онъ,—вотъ эти самые татары..

— Чтожъ такое?

— Вѣдь живутъ же... Отчего же это наши не могутъ жить?

— Они чѣмъ занимаются? Татары-то?

— Да чѣмъ? Все тѣмъ же. А все отчего? Оттого, что живутъ вотъ какъ! — онъ сжалъ пальцы въ кулакъ.

— Скупо? — спросилъ я.

— Нѣтъ, не скупо, а дружно. Одинъ за другаго стоятъ, дружка за дружку. Ихъ разорить нельзя. Однаго тронь, они всеѣ заголосятъ.

— А пробовали развѣ ихъ трогать-то?

— Все было, — нехотя отвѣчалъ капитанъ. — Нѣкоторые вѣдь изъ нихъ богато живутъ... Да вотъ, вы поѣдете по городу: раззоренный домъ — это русскій; крѣпкая усадьба, дворъ чистый — татарскій домъ... Ну-съ, и потомъ, вѣдь, и то надо сказать, народъ бывалый, очень многіе между ними и въ Петербургѣ, въ Москвѣ, жили, и теперь живутъ по ресторанамъ тамъ, по гостинницамъ. Большія деньги нѣкоторые имѣютъ... Знакомства есть у нихъ. Служить иной въ ресторанѣ, или въ гостинницѣ, аристократія

туда всякая прїѣзжаетъ... инымъ даже очень многіе графы и князья должны. Какъ его тронешь-то?.. Это тоже очень хорошо у насъ знаютъ, — глубокомысленно замѣтилъ капитанъ. И, помолчавъ немного, добавилъ: — Посмотрите, посмотрите — любопытный городъ: маленькій, но любопытный.

Я посидѣлъ, поболталъ съ нимъ еще кой объ чемъ, и тоже пошелъ на верхнюю палубу, гдѣ теперь собрались всѣ пассажиры.

VI.

Ока становится все шире и шире, правый берегъ ея круче и обрывистѣе. Какія-то бѣлыя полосы въ немъ — это известнякъ. Лѣвый берегъ совсѣмъ плоскій, кое-гдѣ только возвышается на сажень или на двѣ надъ водой. Этотъ берегъ весь зеленый, кажется, — тутъ заливные луга. Ширина Оки здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ версту. Встрѣчаются отмели, бѣлыя песчанья, покрытыя чайками. При приближеніи парохода, особенно когда онъ проходитъ близко отъ отмели, чайки съ криками поднимаются и летятъ впереди, справа, слѣва и позади парохода цѣлыми стаями; тутъ ихъ тысячи и всѣ онѣ кричатъ. Съ непривычки, это очень оригинальная картина.

Налѣво, гдѣ-то далеко, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега поднималось облако дыма. Бывалые, изъ здѣшнихъ, пассажиры, смотря на это облако, дѣлали различныя предположенія, что именно это горить, т. е. какое село:

— Это непременно Богородицкое, — говорили одни.

— Нѣтъ, это Покровское, — возражали имъ.

— Богородицкое объ эту пору всякій годъ горить, — говорили торговаго вида люди.

— И Покровское тоже каждый годъ горить, — возражали имъ другіе.

Начали спрашивать капитана.

— Да ужъ теперь пойдетъ, каждый день пойдетъ горѣть, — отвѣчалъ капитанъ. — Это Богородицкое горить, — заключилъ онъ. — Покровское будетъ дальше — вонъ гдѣ, противъ вонъ этого мыса. Во-онъ, во-о-нъ, что надъ бѣлымъ обрывомъ-то. Тутъ еще въ прошломъ году, когда Покровское-то горѣло, мы тутъ одну лодку чуть не опрокинули. Да какъ же, дали имъ свистокъ, а они, знай себѣ, все на перерѣзъ пароходу ѣдутъ... Такой народъ...

Вечеромъ, когда смерклось, мы, сидѣвшіе на верхней палубѣ, не боясь сырости, могли наблюдать одновременно еще два пожара какихъ-то близъ лежащихъ деревень.

— Теперь пойдётъ... теперь пошло! — весело повторялъ капитанъ, точно онъ этому радовался.

Пассажиръ, дѣлавшій утромъ, передъ стерлядями, предположеніе о распущенности народа въ Рязанской губерніи, и сидѣвшій теперь въ нальто съ поднятымъ, отъ сырости вечерняго воздуха, воротникомъ, соглашался, что съ этимъ народомъ ничего не подѣлаешь, и онъ совершенно заслуженно, за свою лѣнь и нерадѣніе, страдаетъ каждый годъ такъ страшно отъ пожаровъ.

— Ну, вы возьмите во Франціи, въ Германіи, я не говорю ужъ объ Англіи... — доносилось до меня.

— Да нѣтъ, вы возьмите даже у насъ, въ Лифляндской, въ Курляндской губерніяхъ...

— Тамъ есть присмотръ-съ...

Я посидѣлъ еще сколько-то, становилось сыро; съ рѣки поднимался густой туманъ, такъ что я не знаю какъ мы и шли. Мнѣ захотѣлось чаю, и я сошелъ внизъ въ общую каюту. Тамъ на трехъ столахъ играли въ винтъ.

— Такъ вы отъ насъ въ Касимовъ уйдете? — обратился ко мнѣ капитанъ.

— Да, непременно.

— Посмотрите, посмотрите... Велѣтъ васъ развѣ разбудить, какъ придемъ? Чтобы не остались на пароходѣ, не проспали?

— Да, пожалуйста.

— Съ удовольствіемъ... съ удовольствіемъ!.. — растягивая слова, говорилъ капитанъ. — Я для пассажировъ, особенно такихъ милыхъ и любезныхъ какъ вы, всегда все готовъ сдѣлать.

Когда я уходилъ, немного погодя, къ себѣ въ каюту, онъ это замѣтилъ, — онъ тоже игралъ — всталъ, взялъ меня за руки и, пожимая ихъ, повторилъ нѣсколько разъ!

— Я для моихъ пассажировъ готовъ всегда. Я на это такъ смотрю: пассажиръ что такое? Онъ мой гость?

— Это такъ, — сказалъ я.

VII.

То утро было хорошо, когда я выѣзжалъ изъ Рязани, а это, кажется, еще лучше было. Тишина на рѣкѣ была удивительная. Зеркало воды курилось легкимъ паромъ, растилавшимся и поднимавшимся передъ пароходомъ. Въ кустахъ, на берегу, гдѣ-то свисталъ соловей. Солнце еще не вставало, но было уже совсѣмъ свѣтло.

— Чаю не прикажете? — спросилъ меня за спиной, продрогшій на утреннемъ холодѣ, дежурный лакей на пароходѣ, когда я вышелъ на палубу.

— А можно? Успѣю я еще?

Вдали виднѣлся на горѣ Касимовъ. Изъ купы деревь и изъ садовъ его высились церкви, бѣлѣли колокольни. Лакей принесъ мнѣ стаканъ чаю съ лимономъ и поставилъ его на столикъ.

— Ты татаринъ? — спросилъ я его, всматриваясь въ его толстое, бритое, круглое лицо.

— Татарынъ, — отвѣтилъ онъ.

— Касимовскій?

— Такъ точно.

— А прежде гдѣ былъ?

— У Бореля, въ Петербургѣ... Я васъ знаю, — весело и широко улыбаясь, сказалъ онъ и отступилъ на нѣсколько шаговъ, заложивъ руки назадъ.

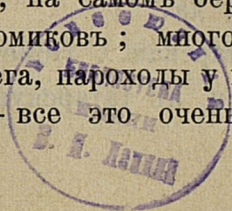
— Ты какъ-же сюда-то попалъ отъ Бореля?

— Да такъ-съ, — онъ пожалъ плечами, помялся на мѣстѣ и сказалъ: признаться, маленько было зашибать началъ.

— Нехорошо...

— Теперь ничего, осенью опять туда поѣду.

Пароходъ быстро бѣжалъ. Касимовъ былъ уже — вотъ онъ, рукой подать. Съ парохода онъ кажется очень красивымъ и чистымъ городкомъ. Надъ страшной кручью, на самомъ берегу Оки, рядъ хорошенькихъ домиковъ; много зелени; желтые обрывистые берега, пароходы у пристани, барки, суда, лодки, — все это очень пестро,

живо и красиво. Въ городѣ, какъ и у насъ на пароходѣ, всѣ еще спали, не видно было ни души. Жизнь, казалось, вотъ-вотъ проснется сейчасъ и закипитъ. Но она еще не закипала. Пароходъ подошелъ и остановился. На палубу вышло человѣкъ двадцать заспанныхъ, сонныхъ пассажировъ. Начали выносить багажъ — чемоданы, корзины, узлы. Вышли откуда-то двѣ татарки, закутанныя съ головой въ тяжелые толстые шерстяные платки московской фабрикаціи. Лицъ не видно, — только блеститъ пара черныхъ, маленькихъ глазъ. Старикъ татаринъ въ шапкѣ изъ сѣрыхъ мерлушекъ, надвинутой совсѣмъ на затылокъ, такъ что видна была спереди ермолка, надѣтая на бритую голову, подошелъ къ нимъ и что-то говорилъ, приказывалъ, объяснялъ — мнѣ показалось — потому что все время разводилъ руками. Наконецъ, пароходъ остановился, и мы вышли на берегъ. У пристани стояло нѣсколько извозчиковъ.

— Извозчикъ! — сказалъ я и остановился — я не зналъ куда его нанять... — Какая у васъ лучшая гостиница?

— Гостинница?

— Ну, да.

— Татарская... Номера Середковой. .

— Вези въ татарскую, — сказалъ я, пред-

положивъ почему-то, что въ татарскомъ городѣ татарская гостиница должна быть лучшею.

Мы начали подниматься по кручѣ все вверхъ, лошадь едва шла. Спускъ отъ города къ рѣкѣ, къ пристани, совсѣмъ не устроенъ: какіе-то булыжники, наваленные по дорогѣ, призваны, вѣроятно, изображать мостовую. Подъ колесами они непріятно визжатъ, а дрожки, попадая на нихъ, чуть не опрокидываются на бокъ. Поднялись мы, наконецъ, на верхъ и поѣхали по какимъ-то улицамъ, узенькимъ, грязнымъ-прегрязнымъ. Направо что-то въ родѣ гостиннаго двора, но такъ какъ было еще очень рано, то всѣ лавки были еще заперты и движенія, ни въ гостинномъ дворѣ, ни на улицахъ, не было никакого. Впереди соборъ, должно быть, только что отстроенный, потому что еще не оштукатуренъ и главы покрыты еще не позолоченной и невыкрашенной бѣлой жестию; но самое зданіе большое и для уѣзднаго города даже величественное, хотя вкусу и стиля въ немъ — никакого, просто несоразмѣрно громаденъ въ сравненіи съ городкомъ, гдѣ всѣ почти дома маленькіе, двухъ-этажные и большею частью деревянные.

Мы подѣхали къ грязному-прегрязному каменному дому желтаго цвѣта и остановились.

— Что это? Это и есть татарская гостинница?

— Та самая.

Уже одинъ внѣшній видъ съ улицы былъ такой, что я велѣлъ везти себя дальше — ужасъ что такое!

Извозчикъ проѣхалъ нѣсколько шаговъ дальше и остановился у противоположной стороны улицы.

— А это что?

— Номера Середковой.

И домъ, и внѣшній видъ совершенно такіе же. Я посмотрѣлъ, подумалъ, поглядѣлъ вдаль, въ конецъ улицы — пусто, уныло, скучно, мысль невольно перелетѣла назадъ, на приволье Оки, на чистый, уютный, комфортабельный пароходъ, только-что мною оставленный и я чуть-чуть не велѣлъ ѣхать назадъ. Но извозчикъ, перебивъ мысль, спросилъ:

— Възжать?

— Въѣзжай, чтожъ дѣлать? — въ торопяхъ, не собравшись съ мыслями, отвѣтилъ я, и мы въѣхали — въѣхали въ нѣчто неопишимо и невообразимо грязное, вонючее, зловонное.

Подъ навѣсомъ сарая какой-то здоровый мужикъ, нагнувшись, что-то, мнѣ показалось, завязывалъ или развязывалъ, завернутое въ полушубокъ или тулупъ. Когда онъ обернулся, и сталъ смотрѣть на насъ, я увидѣлъ, что у него всѣ руки въ крови, красныя; показавшійся мнѣ

тулупъ оказался бараномъ, котораго онъ только-что зарѣзалъ.

— Сейчасъ, — проговорилъ мужикъ, смотря на насъ и вытирая клочкомъ сѣна окровавленные руки.

— Номера свободныя есть? — спросилъ его извозчикъ.

— Есть, сейчасъ, — отвѣтилъ мужикъ и подошелъ, чтобы брать и нести на верхъ мои чемоданы. Я брезгливо посмотрѣлъ невольно ему на руки, какъ-бы онъ не перепачкалъ ими еще мои вещи. Онъ взвалилъ на плечи чемоданы и пошелъ впередъ; я за нимъ.

Прислуга — высокій, до невѣроятности, оборванный, блѣдный, скверно блѣдный, болѣзненный лакей и какой-то мальчишка спали на не постланной кровати въ одномъ изъ номеровъ, оба не раздѣтые, только съ разстегнутыми жилетами.

— Ермилъ, а Ермилъ, Сенька вставайте! — крикнулъ имъ изъ корридора мужикъ и нѣсколько небрежно бросилъ на полъ мои чемоданы.

— Ты тише братецъ, — сказалъ я ему. Меня ужъ эта грязь уѣзднаго городка начала раздражать. Можно еще помириться съ деревенской грязью — отъ нея можно уйти на чистый воздухъ: душно, — иди себѣ сидѣть или спать на

крыльцо, въ ригу, на огородъ. А тутъ куда уйдешь? На улицу такую-же вонючую? На балконъ, который виситъ надъ этой улицей?

Номера по полтора и по два рубля были всѣ пустые, настежь отворенные въ корридоръ и всѣ одинаковы — только побольше и поменьше. Дѣлать, однако, было нечего, я остался, велѣлъ подать себѣ самоваръ, сливокъ, булокъ, потомъ подошелъ къ окну, отворилъ его и сталъ смотрѣть на улицу. Тишина — ни души, ни направо ни налево. Лавки заперты. По срединѣ улицы спитъ, свернувшись комкомъ, собака. Я посмотрѣлъ на часы, было только еще нѣсколько минутъ пятого. Вдали раздался длинный, продолжительный свистокъ — отходилъ пароходъ на которомъ я приѣхалъ...

Я напился чаю, выкурилъ сигару — въ городѣ все еще было мертво, тихо, не смотря на то, что было ужъ часовъ шесть. Въ самомъ маленькомъ городишкѣ и даже посадѣ съ бойкой торговлей, движеніе обыкновенно начинается часовъ въ пять утра и даже раньше. Тутъ-же никто не просыпался и въ шесть. Отъ нечего дѣлать, я свистнулъ и началъ звать собаку, которая лежала какъ разъ противъ моихъ оконъ на улицѣ. Она сонно подняла на меня голову и, сейчасъ-же еще, плотнѣе и компактнѣе улеглась и сколько ужъ я не звалъ ее, не думала

оглядываться. А утро было чудесное, день начинался ясный, солнечный, зелень виднѣлась въ садахъ яркая, свѣжая, весенняя... Но вотъ, мало-по-малу, начали на улицѣ показываться люди — одинокіе, молчаливые, куда-то торопливо проходившіе. И вдругъ ударъ колокола, гдѣ-то близко, точно вотъ за угломъ сейчасъ. Потомъ второй разъ, третій и пошло. Звонъ начался во всѣхъ церквяхъ, гдѣ погромче, гдѣ по тише, какъ-то съ перезвономъ, по праздничному, и улица оживилась — показался вдругъ откуда-то высыпавшій народъ — мѣщане, купцы, мѣщанки, купчихи въ пестрыхъ, лѣтнихъ, шелковыхъ платкахъ и мантильяхъ. Я вышелъ и отправился бродить по городу.

VIII.

Было десять часовъ, когда я пришелъ къ дому, гдѣ живетъ исправникъ и спросилъ можно ли мнѣ его видѣть? Необыкновенно добродушнаго вида солдатъ отвѣчалъ, что его теперь навѣрно можно видѣть, потому что онъ проснулся и пьетъ чай. Я поднялся по деревянной лѣстницѣ на верхъ, до его квартиры, и попросилъ доложить о себѣ. Тутъ представьте себѣ мое удивленіе, когда ко мнѣ вышелъ, въ полномъ смыслѣ слова, двойникъ покойнаго М. П. Розенгейма — лицо, борода, ростъ, манеры, голосъ и въ до-

вершеніе всего даже и то-же имя. Михайль Павловичъ. Я невольно улыбнулся и, здороваясь съ нимъ, сказалъ ему о причинѣ моей улыбки и моего невольнаго удивленія.

— Да, ужъ это мнѣ нѣсколько разъ говорили, — добродушно отвѣтилъ онъ.

Я сказалъ ему, что мнѣ рекомендовалъ навѣстить его А. В. Селивановъ, который ему кланяется и скоро у него будетъ.

— Это почтенный труженикъ науки, — отвѣтилъ мнѣ Михайль Павловичъ, — и я его за это очень люблю. Я жалѣю только, что ничѣмъ не могу удовлетворить его любознательность.

Я молчалъ и слушалъ его.

— У насъ мало попадается интересныхъ историческихъ находокъ, — какъ бы въ объясненіе своей мысли, сказалъ онъ.

— Все расхищено?

— Нѣтъ. Зря, такъ все распропало. Ну, что найдешь, увидишь гдѣ, разумѣется, сохранишь.

— Я видѣлъ ваше приношеніе у него въ кабинетѣ рѣдкостей.

— Ахъ, это голову, т. е. черепъ бегемота?

— Да, носорога.

— Или, да, носорога. А мнѣ вотъ теперь попала рѣдкая вещица, — представьте, не разберу никакъ, что это такое — зубы это мамонта или просто камень какой.

И онъ, съ легкостью юноши, вскочилъ и побѣжалъ куда-то. Я слышалъ только, какъ онъ посылалъ дежурнаго пожарнаго сбѣгать въ участокъ и принести оттуда «находку».

— Вотъ увидите, — говорилъ онъ, возвращаясь, — оригинальная вещьца. Такъ возьмешь — какъ будто зубы мамонта, эдакъ — камень простой.

Въ ожиданіи, когда принесутъ находку, мы начали говорить о современномъ состояніи города, о татарахъ, составляющихъ главную и самую любопытную для меня часть его населенія.

— Вообще говоря, очень хорошій народъ, — говорилъ исправникъ. — Очень трудолюбивый, честный народъ... Хотя, конечно, есть исключенія... И, добродушно улыбаясь, добавилъ: — не рѣдкость, если найдете въ одномъ домѣ ложку отъ Донона, слафетку отъ Дюссо, вилку отъ Бореля и проч.

— Ахъ это преоригинально! — воскликнулъ я.

— Да, это у насъ не рѣдкость.

— И эти находки вѣроятно чаще у васъ встрѣчаются... чѣмъ вотъ головы носороговъ, зубы мамонтовъ?!... — сказалъ я.

Онъ залился смѣхомъ и отвѣтилъ:

— О, да!

— Такъ что если-бы эти находки собирать.

— Ха, ха, ха!..

Мы заговорили о домашнемъ, семейномъ бытѣ татаръ.

— Отлично, дружно всѣ живутъ.

— У богатыхъ есть гаремы? — спросилъ я.

— Гаремы? — что вы. У всѣхъ по одной женѣ.

— Да?

— Да-а... И еще, что я вамъ скажу, чему вы тоже можете удивитесь.

— Что такое?

— Разводовъ у нихъ никогда не бываетъ. Развестись у нихъ вѣдь плѣвое дѣло, ничего не стоитъ, а тѣмъ неменѣе разводовъ нѣтъ.

— Чѣмъ же вы это объясняете?

— Патріархальнымъ бытомъ. И потомъ, не видятъ въ этомъ запрещенія — ихъ и не соблазняетъ.

— Отъ русскихъ — живутъ особнякомъ?

— Кто? Татары? Нѣтъ. Ходятъ другъ къ другу въ гости. Да какъ особнякомъ-то тутъ жить? Нѣтъ.

— Нѣтъ, все-таки болѣе или менѣе замкнутой жизнью. Въ сравненіи съ русскими-то?

— Какъ вамъ сказать? Нѣтъ... т. е. они, конечно, женъ своихъ не выпускаютъ, когда вы придете; но и то не всѣ. Въ богатыхъ здѣшнихъ татарскихъ домахъ рояли ужъ есть. Этого вы у татаръ нигдѣ не встрѣтите. а у нашихъ ужъ есть.

— Ну, а это вы чѣмъ же объясняете?

— Дюссо, Борель, Дононъ! — воскликнулъ онъ, — ничего больше... Они же привыкли тамъ, въ кабинетахъ. *Cabinets partiquilliers*... французенки... шампанское... А какъ тамъ теперь въ Петербургѣ — не кутятъ уже такъ? Я ужъ тамъ давно не былъ! — вдругъ, неожиданно совсѣмъ, спросилъ онъ,

И, я замѣтилъ, онъ, не безъ оттѣнка сожалѣнія о прошломъ, быть можетъ, счастливомъ и веселомъ, вздохнулъ и замолчалъ.

— Зимой пріѣзжайте къ намъ — отыщите меня тогда, всюду мы съ вами побываемъ, вспомнимъ старое, — сказалъ я.

— Благодарю васъ, я вотъ и то собираюсь, да все какъ-то откладываю съ года нагодъ.

— А вы не откладывайте — соберитесь вдругъ да и поѣзжайте.

— Необходимо освѣжиться, необходимо, — повторилъ онъ въ раздумьѣ нѣсколько разъ. — Вѣдь вы не можете себѣ представить всей скуки, какая здѣсь, особенно зимою. Лѣтомъ еще по Окѣ пароходъ ходитъ — можете куда угодно поѣхать, а извольте-ка зимою. На чемъ вы поѣдете? Желѣзной дороги нѣтъ. Вонъ она гдѣ — надо до нея еще двое-трое сутокъ на лошадяхъ ѣхать.

— Вы вотъ сейчасъ сказали, что этотъ про-

грессъ въ ихъ жизни, эти рояли, шампанское и проч.—результаты ихъ жизни въ французскихъ ресторанахъ, у Дюссо, Бореля, Донона, Дорота и проч. Но вѣдь это все бѣднѣйшее сословіе татаръ тамъ живетъ — это все вѣдь прислуга. А какъ живутъ потомки хановъ, царей касимовскихъ?

Онъ улыбнулся и пожалъ плечами.

— А какъ же вы это разберете? — сказалъ онъ, — кто изъ нихъ потомокъ простыхъ татаръ, а кто — царей? Рзвѣ есть возможность разобрать это?

— Кто у васъ предводитель? — спросилъ я.

— Алѣевъ.

— Ну, вотъ видите, вѣдь это несомнѣнно татаринъ. Отъ кого онъ происходитъ?

— Не могу вамъ сказать; но конечно, цари или ханы, царевичи, вообще татары ихней царской крови, вѣроятно, въ послѣдствіи, принявъ христіанство, поженились на русскихъ — иначе какъ же вы объясните происхожденіе всѣхъ этихъ князей съ татарскими фамиліями: Ингалычевыхъ, Кудашевыхъ, Колончаковыхъ, Кугушевыхъ и т. д., и т. д. до безконечности. Конечно, это все татары; но они ли именно царской татарской крови, т. е. всѣ ли они, такъ сказать, разобрали эту царскую кровь и подѣлили ее между собою, или остались нѣкоторые

потомки и не признанными въ своемъ высокомъ происхожденіи и теперь влачатъ жизнь у Борелей, Дононовъ и проч...

Мы нашли имъ, этимъ послѣднимъ, утѣшеніе только въ томъ, что, по нынѣшнимъ плохимъ въ денежномъ отношеніи временамъ имъ нечего особенно завидовать своимъ титулованнымъ родичамъ.

— Это вы правду сказали, — замѣтилъ онъ. — Дѣйствительно, кого ни спроси, всѣ здѣсь жалуются на то, что дѣла у нихъ идутъ плохо. И очень многіе изъ пріѣзжающихъ изъ Петербурга татаръ тамошнихъ простыхъ лакеевъ горздо въ этомъ отношеніи веселѣй...

Но мнѣ все-таки хотѣлось узнать отъ него, нѣтъ ли здѣсь хоть какогонибудь одного, хотя и ошибочно и неосновательно считающаго себя потомкомъ касимовскаго царя, татарина, но непременно не крещенаго; татарско-крещенные князья всѣ считаютъ себя потомками царей и хановъ.

— Нѣтъ!.. — подумавъ, отвѣтилъ онъ.

— И ахунъ ихъ не знаетъ?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, не думаю... т. е. тамъ, можетъ, по книгамъ ихъ, у нихъ кто-нибудь и считается потомкомъ такимъ, вотъ какой вамъ нуженъ; но у насъ, оффиціально, по крайней мѣрѣ, никто изъ нихъ таковымъ не значится.

Въ это время на порогѣ, изъ залы въ гостиную появился околodочный со сверткомъ въ рукахъ.

— А! — воскликнулъ исправникъ, — ну вотъ, принесли... Давайте-ка сюда.

Онъ взялъ изъ рукъ околodочнаго свертокъ, развернулъ его и я увидалъ два булыжника, испещренные какими-то рубцами.

— Вотъ, — сказалъ онъ, подавая мнѣ одинъ изъ нихъ, — ну, какъ вы думаете, что это такое?

— Чортъ его знаетъ — это рыба голова какая-то, — сказалъ я, вертя въ рукахъ булыжникъ.

— А эти рубцы?

— Что же это по вашему?

— А развѣ это не напоминаетъ зубы травояднаго? Мамонты вѣдь были травоядные.

Булыжникъ, если посмотрѣть на него съ этой мыслию, могъ быть и зубами (но очень стертыми) травояднаго.

— И это была одна челюсть, — продолжалъ исправникъ, складывая оба куска, — вотъ видите.

— Но можетъ это была и челюсть слона? — сказалъ я. — Вѣдь если въ здѣшнихъ мѣстахъ прежде водились мамонты, то могли водиться и слоны.

— Конечно.

— А можетъ это челюсть какого-нибудь птеродактиля или ихтіозавра или плезіозавра — такъ кажется, были такія ископаемыя?

— Были, были — поспѣшно сказалъ онъ, но сейчасъ же оговорился, — т. е. я не знаю, конечно, водились ли они въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Мы повертѣли еще нѣкоторое время эту находку и отдали ее околodочному, который завернулъ ее опять въ бумагу и спросилъ:

— Отнести ее опять въ участокъ или здѣсь оставить?

— Нѣтъ, оставьте здѣсь, — отвѣчалъ ему исправникъ. — Я надняхъ поѣду въ Рязань представляться новому губернатору и кстати захвачу и ее съ собой.

Околodочный ушелъ, мы остались опять одни.

— Да-съ, такъ вотъ мы тутъ и живемъ, — сказалъ Михаилъ Павловичъ съ нѣкоторымъ отѣнкомъ покорности судьбѣ въ голосѣ, — вдали отъ свѣта, отъ шума...

Я посидѣлъ у него еще немного, еще разъ вернулись къ Петербургу, что-то онъ спросилъ меня, что-то я отвѣтилъ ему. Я взялся за шапку и хотѣлъ уходить.

— Вы долго пробудете у насъ?

— Нѣтъ, завтра уѣду.

— Но вечеромъ, значить, все-таки будете еще здѣсь?

— Да.

— Приѣзжайте въ театръ, т. е. въ клубъ. Изъ Орла приѣхала замѣчательная труппа. Будутъ играть „Каширскую Старину“.

Я поблагодарилъ его за вниманіе, за любезность, съ которыми онъ мнѣ сообщилъ интересующія меня историческія свѣдѣнія о Касимовѣ и обѣщалъ быть въ театрѣ вечеромъ.

IX.

— Вотъ что, голубчикъ, какъ бы намъ къ ахуну пробраться, ты знаешь гдѣ онъ живетъ? — спрашивалъ я извозчика, который откуда-то вывернулся и ловко подскочилъ къ поѣдѣзду исправникова дома.

— Пожалуйста-съ.

Я сѣлъ.

— Вамъ какого же ахуна нужно будетъ — стараго или молодого? — оборачиваясь ко мнѣ, спросилъ извозчикъ, когда мы съ нимъ порядочно-таки ужъ отъѣхали.

— Какъ стараго или молодого? Да вѣдь тутъ одинъ ахунъ.

— Одинъ. Но только есть старый и есть молодой.

Я ничего не понималъ, что онъ говоритъ.

Объяснилось это недоразумѣніе тѣмъ, что старый ахунъ еще живъ, хотя онъ и не у дѣлъ теперь.

— Къ молодому, конечно, — сказалъ я.

— И третій еще есть ахунъ — отецъ молодого. Только этотъ ужъ теперь не встаетъ. Ложить. Старъ ужъ очень, — рассказывалъ извозчикъ.

Мы ѣхали по какимъ-то страннаго вида улицамъ. Точно будто кто-то купилъ себѣ этотъ старый уѣздный городъ въ свою личную собственность и теперь понемногу рѣшилъ выстроить, реставрировать городъ вновь. Представьте себѣ длинныя, довольно, впрочемъ, прямыя улицы развалившихся домиковъ и, между ними, черезъ два, черезъ три, совершенно новенькіе, чистенькіе, съ прочными тесовыми воротами, на которыхъ, ярко блестятъ на солнцѣ посеребренные стеклянные бѣлые шары, точь въ точь такіе, какіе выставляютъ у насъ въ палисадникахъ, на бесѣдкахъ. Эти новенькіе, чистенькіе домики съ шарами правильно тянутся вдоль всѣхъ улицъ. Эти домики — татарскіе; старые, развалившіеся — русскіе.

— Чьи-то домики? — невольно спросилъ я извозчика.

— Какіе?

— А вотъ эти, новенькіе?

— Татарскіе, — отвѣтилъ онъ.

— А эти старые?

— Русскіе, — отвѣтилъ онъ, обернулся и осклабился.

— И тебѣ это смѣшно?

Онъ осклабился еще больше.

Мы проѣхали двѣ, три такія улицы и остановились у новенькаго, чистенькаго, нѣсколько большихъ размѣровъ домика съ посеребренными бѣлыми шарами, тоже нѣсколько большихъ размѣровъ.

— Тутъ?

— Тутъ. Вы постучитесь.

Во дворѣ залаяла собака. Я постучался. Прогло съ минутоу. Я постучался опять. Наконецъ, я услыхалъ шаги и мальчикъ, лѣтъ десяти-двѣнадцати въ зеленомъ шелковомъ халатикѣ, въ пестренькой ермолочкѣ, пріотворилъ мнѣ дверь и спросилъ, кого мнѣ нужно.

— Ахунъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь.

— Можно его видѣть?

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ, захлопнулъ калитку и исчезъ. Я остался ждать. Минуты черезъ три, онъ опять отворилъ калитку и сказалъ мнѣ:

— Войдите.

Я пригнулся и вошелъ въ калитку. Онъ пошелъ впереди меня, я за нимъ. Дворъ, чистый, новенькій, какъ съ иголочки. Прямо противъ воротъ, съ улицы, въ которыя мы вошли, подъ тесовымъ навѣсомъ, стоялъ, въ такомъ же точ-

но короткомъ зеленомъ шелковомъ халатѣ и въ ермолкѣ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти-шести. Мальчикъ обернулся ко мнѣ и сказалъ; — вотъ ахунъ. Я подошелъ къ нему и раскланялся.

Ахунъ выслушалъ меня, и, когда я назвалъ фамилію Селиванова и сказалъ, что пришелъ къ нему по его рекомендаціи, блѣдное и очень симпатичное лицо его оживилось нѣсколько, и онъ произнесъ совершенно правильно, чистымъ русскимъ языкомъ, съ маленькимъ акцентомъ:

— А-а... Очень пріятно, — и протянулъ мнѣ руку.

— Вы меня приводите въ удивленіе. Я ожидалъ встрѣтить старика съ бородой, сѣдаго, — отвѣтилъ я ему.

— У насъ это все равно, — сказалъ онъ. — Я, впрочемъ, недавно ахуномъ.

Было часовъ двѣнадцать, Солнце такъ и пекло. Жара была ужасная, Въ воздухѣ стояла тишина. Надвигались тучки и парило немилосердно.

— Милости просимъ, зайдите ко мнѣ, — указалъ онъ мнѣ рукою на дверь, которая, со двора, вела въ его домъ.

Я пошелъ, а онъ, нѣсколько отставъ отъ меня, что-то говорилъ мальчику.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказали они оба, когда я пріостановился въ дверяхъ.

Я сталъ подниматься по чистенькой деревянной лѣстницѣ наверхъ — мальчикъ обогналъ меня и побѣждалъ внутрь.

На верху лѣстницы площадка, вся уставленная по бокамъ сундуками, обитыми жестью и покрытыми сверху коврами. Съ площадки — прямо ведетъ куда-то корридоръ, а направо — дверь. Эту дверь, опередившій насъ, мальчикъ теперь держалъ открытою настежъ и, смотря на меня, улыбался и показывалъ рукою, — дескать, войди. Я вошелъ. Чистенькая передняя. Опять сундуки, обитые жестью и покрытые кубинскими и персидскими коврами, шкафчикъ съ посудой; маленькій страннаго фасона самоваръ, два-три стула.

— Давайте, — сказалъ мнѣ мальчикъ и потащилъ съ меня пальто.

На мальчишку, я замѣтилъ, почему-то, я произвелъ хорошее и пріятное впечатлѣніе, и онъ все всматривался и потомъ улыбался, глядя на меня.

Ахунъ показалъ мнѣ рукой дальше, на слѣдующую дверь, и проговорилъ опять:

— Пожалуйста.

Въ эту слѣдующую комнату я вступилъ и невольно остановился. Направо отъ входа, вдоль стѣны, на диванѣ, лежалъ въ бѣлой, полотняной рубашкѣ, высокій, очень высокаго роста, совер-

шенно сѣдой старикъ съ типическимъ. худымъ, старческимъ, даже какимъ-то древнимъ, лицомъ. Такія лица встрѣчаются на старинныхъ картинахъ, на образахъ древняго письма. Чѣмъ-то не живымъ, не отъ міра сего ужъ вѣяло отъ него. Исхудалыя, какъ остовъ, руки лежали скрещенныя поверхъ рубашки. Глубокіе, черные глаза смотрѣли не злобно, но холодно, серьезно и точно спрашивали, требовали, чтобъ я немедленно объявилъ, зачѣмъ я пришелъ сюда?

— Мой батюшка, — отвѣтилъ ахунъ на мое удивленіе и на мою нерѣшительность идти дальше.

Я поклонился; старикъ сдѣлалъ усиліе подняться, сѣлъ на диванъ и протянулъ мнѣ руку. Она была холодна, какъ у мертваго, не смотря на то, что въ комнатѣ была удушающая, ужасная жара.

— Боленъ, вотъ ужъ нѣсколько времени не встаетъ, — сказалъ мнѣ ахунъ.

— Что такое?

— Старость, — отвѣчалъ онъ съ легкой улыбкой.

Въ комнатахъ пахло старыми книгами, долголежалыми матеріями. Всѣ окна были затворены и мнѣ показалось, что они были сдѣланы (т. е. рамы въ нихъ) такъ, что ихъ и отворить нельзя. На дворѣ, между тѣмъ, пошелъ дождь, сдѣла-

лось вдругъ темно. Ахунъ подошелъ къ окну и, смотря на крупный, вдругъ хлынувшій дождикъ, весело улыбался и радостно сказалъ мнѣ:

— Это первый дождикъ у насъ. Вы счастливый.

Между тѣмъ, мальчикъ собиралъ намъ чай, ставилъ подносъ на столъ, чашки, принесъ сахаръ, лимонъ и какія-то печенья, въ родѣ сладкаго пирога, что дѣлаютъ съ молокомъ, только безъ начинки. И всякій разъ, принесетъ, поставить что-нибудь на столъ, посмотреть на меня и улыбнется. Когда онъ разъ какъ-то проходилъ вблизи меня близко и тоже улыбался, глядя на меня, я взялъ его за щеку и, шутя, ущипнулъ его. Онъ ухватился за мою руку и расхохотался.

Ахунъ посмотрѣлъ на него, покачалъ головой и, улыбаясь, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Это мой племянникъ.

— А у васъ нѣтъ развѣ дѣтей? — спросилъ я.

— Нѣтъ, — отрицательно покачавъ головой, отвѣтилъ ахунъ.

Мальчикъ принесъ самоваръ, поставилъ его на столъ передъ ахуномъ и сѣлъ на стулъ вблизи меня. Онъ все смотрѣлъ на меня и улыбался — видно, я былъ рѣдкій гость у нихъ. И, кромѣ этого, все показывало, что жизнь здѣсь замкну-

тая, такая же запертая на всѣ замки и задвижки, какъ и ихъ дворъ, въ который надо проникать послѣ опроса, черезъ калитку... Я забылъ сказать, что когда я проходилъ дворомъ, какія-то двѣ женщины показались у входа, на лѣстницѣ, по которой мы потомъ поднялись въ квартиру, и сейчасъ же исчезли куда-то.

— Много у васъ занятій?—спросилъ я ахуна.

— Да. Вотъ служба, школа,—проговорилъ онъ.

— Вы учите и въ школѣ?

— Каждый день.

— А служба?

— И служба каждый день, два раза. Только вѣдь у насъ коротенькая служба — минутъ двадцать, четверть часа. Однѣ молитвы, — отвѣчалъ онъ.

— А это не обезпокоить васъ, не доставить никому никакой непріятности, не помѣшаетъ никому, началъ я, — еслибы мнѣ посмотреть на вашу службу. Я никогда не бывалъ въ мечетяхъ во время службы въ нихъ.

— Сдѣлайте одолженіе, нисколько, мы очень рады. Вы только, разумѣется... — И онъ запнулся что-то.

— Вы меня научите, что мнѣ дѣлать, какъ встать.

— Придете въ мечеть — снимите калоши внизу и больше ничего.

— Вы приходите передъ заходомъ солнца, такъ часовъ въ семь, я тамъ буду, — сказалъ мальчикъ. — Я васъ проведу. Вы знаете, гдѣ мечеть?..

— Да извозчикъ вѣдь знаетъ, онъ довезетъ.

— Конечно, знаетъ! Здѣсь всѣ знаютъ, гдѣ мечеть! — вскричалъ онъ.

Ахунъ опять покачалъ на него головой:

— Необыкновенно бойкій мальчикъ, — сказалъ онъ мнѣ, какъ бы въ оправданіе свое.

Я началъ спрашивать о древностяхъ, какія имѣются въ Касимовѣ, о гробницахъ, о преданіяхъ, которыя, быть можетъ, живутъ еще среди мусульманъ-татаръ; о ихъ бытѣ, о числѣ, о ихъ промыслахъ, торговлѣ.

Ахунъ отвѣчалъ на все очень охотно, но сразу же можно было замѣтить, что все это очень мало его интересуетъ, да и есть-ли еще здѣсь человѣкъ, котораго-бы все это интересовало. Изъ этихъ же разговоровъ я замѣтилъ, что это, можетъ быть, и очень хорошій и добрый человѣкъ, но очень мало, да и то, странно какъ-то, развитой. О Коранѣ и о догматахъ ихъ я, разумѣется, не могъ съ нимъ говорить, но за то, обо всемъ остальномъ, онъ имѣлъ какія-то необыкновенно узенькія и, въ то же время, совершенно готовыя и законченныя представленія и мнѣнія. Онъ говорилъ, точно высказы-

вая не свои мнѣнія, а цитируя какую-то книгу для руководства въ домашнемъ и общественномъ обиходѣ. Я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ такихъ людей. Необыкновенно странное что-то. Все тексты. И думаетъ и говоритъ все текстами. И ничего отъ себя. Скажетъ текстъ и помолчитъ немного. Потомъ припомнить и опять скажетъ другой афоризмъ — текстъ. Удивительно странное получается отъ этого впечатлѣніе. Это что-то и ограниченное, ужасно ограниченное, и, въ то же время, отвлеченное, созерцательное, что-то одумчивое и задумчивое, дѣтски-наивное, вѣрующее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, закованное въ готовомъ рѣшеніи, въ неподвижной формѣ... Повторяю, удивительно странное, совсѣмъ непривычное для меня, оригинальное произвелъ онъ впечатлѣніе...

Старикъ съ своего дивана слушалъ насъ и смотрѣлъ, казалось, наблюдалъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое я выносилъ изъ всего этого нашего разговора.

Одинъ мальчикъ только былъ живой. Тихій, кроткій, смиренный повидимому; но жизнь была въ немъ ключемъ, и онъ едва сдерживался, чтобъ не начать мнѣ что-нибудь рассказывать, чтобъ не позвать меня, показать мнѣ что-нибудь. Я замѣчалъ это ясно и, поглядывая на него, раза два подмигнулъ ему, и спросилъ:

— А что, теперь вамъ хотѣлось-бы въ рощу, вотъ гдѣ, вашъ дядюшка говоритъ, у васъ кладбище? Хотите, поѣдете? Тамъ отлично теперь, прохладно... зелень, цвѣты, соловьи...

Но ахунъ-дядя сказалъ ему что-то по своему и потомъ, обращаясь ко мнѣ, какъ бы перевелъ то, что сказалъ ему:

— «Онъ плохо занимался вчера, ему сегодня учиться надо»...

Но я думаю, что онъ не то совсѣмъ ему сказалъ. Я убѣжденъ, что онъ просто боялся, что-бы онъ не проболталъ мнѣ чего-нибудь, чего я не долженъ знать былъ, по его мнѣнію...

— Я васъ самъ провожу, — сказалъ онъ мнѣ, — и все, если хотите, вамъ покажу.

Я улыбнулся и поблагодарилъ.

— Вѣдь вамъ что, — продолжалъ онъ, — вамъ мечеть надо показать, гробницу Али-Хана, наше кладбище...

— А больше ничего?

— Да что же еще?

— Мнѣ бы хотѣлось познакомиться хоть немножко и съ живыми. Свѣдѣнія объ умершихъ знаменитыхъ людяхъ, конечно, любопытны и поучительны, но, какъ живаго, меня все-таки тянетъ больше къ живымъ... Тѣмъ болѣе, — добавилъ я, — что быта и образа жизни этихъ

живыхъ, т. е. вотъ татарь, въ данномъ случаѣ, я совершенно не знаю.

Онъ прослушалъ меня все время серьезно и внимательно и, когда я кончилъ, опустилъ, какъ бы въ раздумьи, голову на грудь, помолчалъ не много, развелъ руками и сказалъ:

— Не знаю... Какъ же это сдѣлать?

— Объ этомъ-то вотъ я васъ и прошу.

— Да вѣдь ничего, я вамъ скажу, любопытнаго нѣтъ, — вдругъ, изъ задумчиваго дѣлаясь веселымъ, сказалъ онъ мнѣ. — Увѣряю васъ, такіе же точно люди, какъ и всѣ. Конечно, можно поѣхать въ одинъ домъ, въ другой. Насъ вездѣ встрѣтятъ, спросятъ, что намъ надо. Мы скажемъ, что пріѣхали посмотреть, какъ они живутъ. Насъ будутъ угощать также чаемъ, этимъ-же печеньемъ, — говорилъ онъ, указывая руками на чашки съ чаемъ и на тарелочки съ сладкими печеньями... — Вездѣ одно и то же. За это я вамъ могу ручаться.

И мальчикъ, и старикъ, оба все время несводившіе глазъ ни съ меня, ни съ него, теперь улыбнулись и всѣ втроемъ вдругъ заговорили о чемъ-то по татарски.

— Вотъ что, — сказалъ ахунъ, обращаясь ко мнѣ и опять какъ-бы переводя мнѣ свой разговоръ: — Вотъ ужъ, въ 6 часовъ, вы приходите въ мечеть, тамъ вы всѣхъ истинныхъ, самыхъ на-

стоящихъ — вотъ какихъ вамъ нужно-то—мусульманъ увидите.

— Ну, и чтожь?

— Ну, и познакомитесь съ ними, если хотите...

Когда я сталъ прощаться, чтобы уходить отъ него, онъ началъ просить меня, чтобы я опять, когда буду въ Касимовѣ, заѣхалъ къ нимъ, что они рады сообщить мнѣ всѣ свѣдѣнія, какія мнѣ нужны отъ нихъ будутъ.

— А въ мечеть уже вечеромъ придете? — спросилъ меня мальчикъ.

— Какъ же, приду, непременно.

— Вы приходите пораньше, въ шесть часовъ, до начала молитвы. Тамъ садъ есть, могилы.

Ахунъ и мальчикъ опять проводили меня по той же лѣстницѣ съ площадкой, уставленной сундуками, обитыми жестью. Когда мы теперь проходили по этой площадкѣ, два сундука были открыты и я увидѣлъ въ нихъ разную домашнюю рухлядь — мѣха, подушки, платки и проч. Въ дали, въ глубинѣ корридора, стояли закутанныя двѣ женщины. Онѣ, очевидно, разбирали что-то въ этихъ сундукахъ, но, при нашемъ приближеніи, бросили свое занятіе и удалились обождать, когда я уйду.

Ахунъ вышелъ со мною на улицу, гдѣ стоялъ мой извозчикъ и, прощаясь со мною, сказалъ:

— До ужотка, до свиданія.

X.

Отъ ахуна я поѣхалъ къ себѣ въ гостинницу позавтракать.

— Самое лучшее, — сказалъ мнѣ лакей, — принести что-нибудь изъ «Татарской».

Я заказалъ котлетку, еще что-то, и когда онъ мнѣ все это принесъ, я задумался надъ этими блюдами и долго не рѣшался дотронуться до нихъ... Замѣчательная вещь: Эту «Татарскую» гостинницу содержатъ татары, выдавшие въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ они прежде служили въ лучшихъ ресторанахъ, и чистоту, и сервировку, и кухню, въ смыслѣ порядочнаго приготовленія кушанья изъ свѣжей и хорошей провизіи, — все это они видѣли и ничего этого у себя не завели. Невозможно разсказать, что такое мнѣ принесли. Проголодавшись, я, разумѣется, рѣшился отвѣдать, но ѣсть было положительно невозможно.

— Лучше нѣтъ-съ у насъ. Лучше «Татарской» нигдѣ не готовятъ, — объявилъ лакей.

Нечего дѣлать, пошелъ, купилъ себѣ коробочку сардинокъ, какихъ-то колбасъ, сыру, велѣлъ поставить опять самоваръ и этимъ напитался до вечера, когда рассчитывалъ поужинать въ клубѣ, куда рѣшилъ непременно поѣхать,

чтобы не ложиться ужъ спать до утра въ гостинницѣ, а прямо оттуда, изъ клуба, отправиться на пароходъ.

Теперь, часа въ два, въ городѣ былъ послѣобѣденный сонъ и на улицахъ была совершенно такая-же точно тишина, какъ и утромъ до шести часовъ. Даже собаки, увѣренныя, что ихъ никто не потревожитъ, опять улеглись посреди улицъ спать. Дождикъ, бывшій утромъ, до обѣда, прибилъ пыль и освѣжилъ воздухъ. Я взялъ въ руки, на всякій случай, зонтикъ и отправился опять бродить по городу. Утромъ, проѣзжая по какой-то улицѣ, по дорогѣ къ ахуну, я замѣтилъ влѣво, на краю города, свѣжую зеленую небольшую рощицу. Извозчикъ мнѣ сказалъ, что это татарское кладбище. Я отправился теперь туда. Сквозь зелень виднѣлись бѣлые стволы березокъ и, между ними, такіе же бѣлые, поставленные стоймя, камни. Это гробницы, т. е. собственно памятники на могилахъ.

Кладбище - роща окопано со всѣхъ сторонъ довольно глубокой канавой. Въ одномъ мѣстѣ черезъ канаву сдѣланъ помостъ и тутъ, я видѣлъ издали, кто-то сидѣлъ. Когда я подошелъ ближе, сидѣвшій, къ удивленію моему, оказался «черкесомъ». Онъ полулежалъ, полусидѣлъ и держалъ въ рукахъ какую-то старую книгу съ замусленными и изорванными листами.

— М-м-м!.. — промычалъ онъ и отрицательно покачалъ головой, давая мнѣ этимъ понять, чтобы я не входилъ на кладбище.

— Это почему? — спросилъ я его.

— М-м-м!.. — И опять онъ покачалъ головой.

— Вздоръ, — сказалъ я и хотѣлъ пройти все-таки, не обращая на него вниманія.

Но онъ всталъ передо мною, лицомъ ко мнѣ, и, широко разставивъ руки, показывалъ, что пропустить меня туда не можетъ.

— Да отчего? — Безпомощно и совершенно напрасно спрашивалъ я его порусски.

— М м-м!..

Изъ глубины рощи, изъ-за могилъ и каменье-въ, поднялось еще нѣсколько человекъ такихъ же оборванцевъ-кавказцевъ въ огромныхъ мохнатыхъ шапкахъ, изорванныхъ въ клочья, и медленно, лѣнливо, одинъ по одному приближались и подходили къ намъ.

— Отчего къ вамъ нельзя туда? — спросилъ я ихъ, когда они подошли ужъ вплотную и установились на меня.

Отвѣта никакого — смотрятъ большими, недоумѣвающими, черными глазами и отрицательно покачиваютъ головами.

Откуда они здѣсь, думалъ я, и неужели ни одинъ не понимаетъ порусски? Живутъ тутъ съ русскими и не понимаютъ?

Я присѣлъ передъ ними на насыпь канавы, вынулъ портсигаръ, спичечницу и показалъ имъ видъ, что хочу здѣсь курить.

Они утвердительно покачали головами.

— Можно, значить?.. А хотите?

Я предложилъ одному изъ нихъ сигару. Онъ улыбнулся, что-то проговорилъ своимъ товарищамъ и протянулъ ко мнѣ руку за сигарой. Одинъ по одному они всѣ усѣлись вокругъ меня и моя сигарка заходила у нихъ изо рта въ ротъ. Одинъ какой-то изъ нихъ вынулъ кисеть и свою трубочку и закурилъ ее. Всѣхъ ихъ было тутъ человѣкъ пять или шесть; но, въ глубинѣ роши, виднѣлось еще нѣсколько человѣкъ, оставшихся тамъ лежать, непришедшихъ къ намъ.

— И чтожь, такъ-таки ни одинъ изъ васъ и не говорить по русски? — продолжалъ я ихъ спрашивать.

— М-м... Нѣтъ.

— Значить все-таки понимаете?

Отвѣтившій «м-м... нѣтъ»... показалъ на кончикъ мизинца.

— Не много понимаете?

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— А давно вы здѣсь?

Онъ поднялъ три пальца.

— Три года и не выучиться говорить?...

Возлѣ роши, гдѣ кладбище и гдѣ мы вотъ

сидѣли теперь, еще есть другая роща. Оттуда вышелъ и пошелъ къ намъ, пробираясь черезъ дорогу съ лужами, выбоинами, камнями, канавками и колеями, какой-то человѣкъ въ синей чуйкѣ и въ картузѣ съ блестящимъ козырькомъ, какіе обыкновенно носятъ въ Тамбовской и Рязанской губерніяхъ мѣщане и торгующіе въ деревняхъ купцы, кабатчики, трактирщики. За мѣтивъ насъ, онъ пріостановился, посмотрѣлъ и, убавивъ шагъ, какъ-бы въ раздумьи, чтобы это такое значило наше засѣданіе, тихонько приближался къ намъ. Подойдя къ мостику, черезъ канаву, за которой мы сидѣли и не переходя его, онъ остановился и сталъ смотрѣть на насъ. Я не обращалъ на него вниманія и продолжалъ спрашивать моихъ собесѣдниковъ. Тѣ отвѣчали мнѣ кивкомъ головы, покачиваніемъ ея, жестами. Вдругъ онъ, очевидно, обращаясь ко мнѣ, крикнулъ черезъ канаву:

— Не вѣрьте, все понимаютъ, врутъ, что не понимаютъ, притворяются только...

Черкесы посмотрѣли на него и такъ какъ онъ ничего не говорилъ больше, то опять отвернулись.

А онъ постоялъ не много и опять сказалъ:

— Это у насъ первые мошенники въ городѣ. И зачѣмъ ихъ только прислали сюда? Первые воры и обидчики, .. Ножи — кинжалы, по ихнему —

вотъ только у нихъ отняли, а то бы они народъ еще тутъ начали рѣзать.

Онъ, очевидно, адресовался все ко мнѣ, но я не подавалъ и виду, что принимаю это къ себѣ, потому что было не менѣе очевидно, что онъ пьянъ и ему хочется затѣять, пользуясь тѣмъ, что онъ не одинъ здѣсь, а еще и я, скандалъ съ ними.

Онъ постоялъ еще нѣсколько времени, наконецъ, выбранилъ ихъ, какъ только могъ хуже, и пошелъ своей дорогой.

— Кто это? — спросилъ я осетина или мингрела (потому что на немъ была бурая баранья шапка), которому я далъ сигару и который показался мнѣ, что былъ самый догадливый и понятливый изъ всѣхъ изъ нихъ.

— Нѣтъ... — отвѣтилъ онъ. Потомъ, грустно покачалъ головой и проговорилъ: — русскій...

Когда, посидѣвъ еще немного съ ними, я всталъ, чтобы уходить, они всѣ дружно поднялись и встали передо мной, совсѣмъ не съ своей обычной восточной медленностью и лѣнью.

— Ну, прощайте, Богъ съ вами, что вы меня не пустили посмотреть ваше кладбище, — сказалъ я.

Они — одни взялись за шапки, другіе приложили къ груди руки — попрощались со мною и сейчасъ-же опять всѣ сѣли, гдѣ кто изъ нихъ сидѣлъ.

Я пошелъ черезъ дорогу въ другую рощу, вотъ въ ту, изъ которой приходилъ человѣкъ. Эта была обнесена заборомъ, тесовымъ, низенькимъ, грязнымъ, полуразвалившимся и сгнившимъ.

На лугу, у входа въ нее, изба не изба, домъ не домъ. Въ дверяхъ стояла грязная, прегрязная баба съ огромнымъ животомъ и на этомъ животѣ держала худыми, костлявыми руками ребенка, лѣтъ двухъ или двухъ съ половиной. Ребенокъ кричалъ во все горло, а она его унижала, вся поглощенная любопытствомъ, что это, дескать, за баринъ идетъ — подходить къ ней.

— Что это, тетенька, за роща здѣсь у васъ? — спросилъ я ее.

— А это общественный садъ будетъ.

— Это?! — удивился я.

— Этотъ самый.

— Стало быть можно въ него?

— Можно.

— Да тамъ никого нѣтъ, кажется? — сказалъ я, раздумывая, взойти ли въ него.

— Нѣтъ, тамъ вонъ уже три дѣвки гуляютъ, — кивнула она по направленію въ глубь сада.

Я посмотрѣлъ на нее. Она какъ-то странно это сказала.

— Теперь они скоро начнутъ собираться, — опять сказала она.

— Кто?

— Дѣвки.

— Какія?

— Городскія, наши... гулящія... Татары тоже набираться стануть...

Къ воротамъ подошли еще двѣ нарумяненныя «дѣвицы» и, не безъ любопытства окинувъ меня, необычнаго посѣтителя, съ ногъ до головы, прошли въ «садъ». Вдали виднѣлось что-то въ родѣ пруда или какого-то озера, стояли полуразвалившіяся скамейки. Я тоже прошелъ въ садъ и сѣлъ у пруда на такую скамейку. Дѣвицы между тѣмъ начинали собираться и довольно дружно. То и дѣло входили по одной, по двѣ, по три. Начали немного погода являться сюда и татары и степенно ходили по двое, по трое вмѣстѣ, посматривая на «дѣвицъ». «Дѣвицы», наломавши себѣ вѣтокъ молодыхъ березокъ, проходили между ними и этими березовыми вѣтками задѣвали ихъ. Татары ухмылялись и что-то отвѣчали имъ.

Было ужъ пять часовъ, мнѣ надо было поспѣть еще на молитву въ мечеть.

Проходя мимо бабы, теперь ужъ сидѣвшей на какомъ-то обрубкѣ у воротъ, я спросилъ ее:

— И это каждый день такъ?

— Каждый.

— И кромѣ «ихъ» никого тутъ не бываетъ?

— Никого, — отвѣтила она, утирая носъ ребенку.

XI.

Мечеть, минаретъ и гробница Али-Хана, находятся всѣ недалеко другъ отъ друга на высокомъ, крутомъ берегу Оки. Берегъ теперь застроенъ какими-то лачужками, развалившимися домиками, заборами, тутъ растутъ изломанныя, исковерканныя ветлы, стоитъ какое-то полуразрушенное зданіе; но, когда-то, вѣроятно, ничего этого тутъ не было; видъ, должно быть, отсюда былъ великолѣпный на Оку и на далеко растилагоющійся противуположный, низменный, луговой его берегъ. Широкая рѣка далеко ослѣпительно блестѣла подъ солнцемъ. Тянулись суда по ней, сплавлялся какой-то плотъ или лѣсъ, на немъ виднѣлись красныя рубахи рабочихъ и, на высокомъ шестѣ-мачтѣ, вился узенькій длинный бѣлый флагъ.

Возлѣ мечети — высокаго двухъэтажнаго дома съ окнами въ два яруса и съ рѣшетками въ нихъ — разбитъ небольшой садикъ, обнесенный рѣшеткой. Было еще только половина шестого и никого еще, изъ пришедшихъ молиться, около мечети не было. Я походилъ кругомъ и присѣлъ

недалеко на камень подъ огромной, безобразно-расщепленной бурей, ветлой. Печать унынія, скуки и запустѣнія, должно быть, давно легла здѣсь на все. Тишина была мертвая кругомъ. Впереди площадь, обстроенная домами, и на этой площади ни души. Точно выморочный или брошенный жителями городъ... Я просидѣлъ такъ съ полчаса и наконецъ-то съ разныхъ сторонъ показались одинокія, медленно приближавшіяся фигуры мусульманъ въ бѣлыхъ чалмахъ и въ зеленыхъ халатахъ. Вскорѣ ими, однако, рѣдко устѣялась вся площадь и дорога къ мечети. Но ихъ было всего человѣкъ сорокъ — когда я ихъ пересчиталъ — такъ обманываютъ на видъ странныя одѣянія людей и ихъ яркіе цвѣта.

Между шедшими впереди всѣхъ я узналъ ахуна и рядомъ съ нимъ—мальчика, его племянника. Когда они приблизились, они оба подошли ко мнѣ, и мы поздоровались за руки.

— Давно вы ужъ здѣсь? — тихимъ голосомъ спросилъ ахунъ.

Я сказалъ. Мальчикъ рѣзко повернулся на каблукахъ, т. е. на пяткахъ гладкихъ своихъ зеленыхъ сафьяновыхъ сапоговъ. Ахунъ его остановилъ и что-то серьезно сказалъ ему. Подошедшіе, между тѣмъ, мусульмане-татары — всѣ въ зеленыхъ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ — съ любопытствомъ посматривали на меня, что-то

говорили по своему между собою, а нѣкоторые изъ нихъ что-то спросили у ахуна.

— Вы скажите, пожалуйста, — сказалъ я ему, — если непріятно, можетъ быть кому-нибудь, что я буду при молитвѣ въ мечети, или это почему-нибудь вообще считается у васъ нежелательнымъ, — я не пойду, я не желаю изъ простаго любопытства кому бы то ни было мѣшать.

— Нѣтъ, нисколько, — спокойно отвѣтилъ ахунъ.

— Но можетъ есть такіе фанатики, — какъ у насъ, такъ и у васъ они есть, — которымъ это будетъ непріятно, что я, христіанинъ, присутствую, когда они молятся.

— Нѣтъ, нѣтъ, — успокоивая меня, повторилъ ахунъ. — Я бы вамъ сказалъ. Нѣтъ, мы ничего не имѣемъ... Ну-съ, пойдѣте, — заключилъ онъ.

Мы вошли въ мечеть; мальчикъ, племянникъ ахуна шелъ возлѣ меня. Онъ положительно любилъ меня, какъ это бываетъ съ дѣтьми, безъ всякой причины.

— Вотъ тутъ, — сказалъ онъ, указывая на мѣсто, гдѣ стояли какіе-то башмаки, — оставьте ваши калоши.

— А сапоги какъ же.

— Да вѣдь вы верхнюю обувь уже оставили. Вѣдь и они — онъ указалъ на мусульманъ —

не съ босыми же, вы видите, ногами, чулки вѣдь все равно обувь, а они идутъ-же въ нихъ.

— Вы скажите, вѣдь я не знаю, предупредите меня, что дѣлать.

— Идите, идите, — забѣгая по лѣстницѣ впереди меня, говорилъ онъ.

Мы поднялись во второй этажъ мечети. Полъ весь устланъ зеленымъ сукномъ. На сукнѣ сверхъ того лежитъ еще, порядкомъ-таки ужъ изношенный и истрепанный, выцвѣтшій старый персидскій коверъ. Это — первая комната и довольно обширная. Изъ нея направо дверь въ слѣдующую, еще болѣе обширную. Я остановился у дверей, не входя въ нихъ.

— Тутъ вотъ и стойте, — сказалъ мнѣ шопотомъ мальчикъ.

Я сталъ у дверей, а онъ опустился возлѣ меня на колѣни.

— Можетъ и мнѣ надо стать на колѣни? — также шопотомъ спросилъ я его.

Онъ молча, отрицательно покачалъ головой, сдѣлалъ поклонъ въ землю и оттуда скосилъ глаза и взглянулъ на меня. Ему очевидно хотѣлось болтать, но... что дѣлать?..

Двое, трое мусульманъ остались почему-то въ этой-же первой комнатѣ, опустились на колѣни и молились, а остальные всѣ прошли дальше, въ слѣдующую комнату съ бѣлыми

подъ мраморъ оштукатуренными стѣнами и бѣлой мраморной нишей, передъ которой на колѣняхъ стоялъ ахунъ, а они тоже на колѣняхъ стали всѣ въ одинъ общій рядъ направо и налево отъ него. Прошло минутъ пять — полная тишина, безмолвіе, только шелестъ шелковыхъ зеленыхъ халатовъ, когда молящіеся клали поклоны и опять поднимались и садились на пятки, оставаясь все время стоять на колѣняхъ. Входящіе вновь, оставались на время въ первой комнатѣ, молились въ ней, тоже стоя на колѣняхъ, потомъ вставали и шли въ слѣдующую, гдѣ молились всѣ съ ахуномъ. Я стоялъ съ серьезнымъ лицомъ и посматривалъ на ряды молящихся: ихъ теперь было уже два ряда. Вдругъ, позади себя, я услыхалъ по мягкому полу крупные шаги вновь вошедшаго, невольно оглянулся и у меня въ головѣ мелькнуло сомнѣніе, что вотъ именно не такой ли это фанатикъ вошелъ, которыхъ смущать мнѣ не хотѣлось, и я вовсе не хотѣлъ, чтобы вышелъ изъ-за меня какой-нибудь скандалъ.

Вошедшій былъ громаднаго, колоссальнаго роста татаринъ, лѣтъ тридцати съ рябымъ лицомъ, жиденькой бородкой и огромными черными глазами съ бѣлыми бѣлками, которыми онъ страшно вращалъ, глядя на меня. Онъ стоялъ, не проходилъ въ слѣдующую комнату и не опускался и здѣсь на колѣни.

«Самое лучшее отвернуться отъ него... А ну, если онъ кинется на меня?» — подумалъ я.

Но я все-таки отвернулся отъ него и сталъ смотрѣть впередъ, туда, гдѣ рядами стояли на колѣняхъ правовѣрные и, тихо покачиваясь, время отъ времени клали продолжительные земные поклоны. Наконецъ, онъ, быстро топая голыми пятками, прошелъ мимо меня, черезъ плечо, какъ-то смѣривъ всего меня съ головы до ногъ. Прошелъ и сталъ въ углу, на колѣняхъ. Пятки и подошвы грязныхъ босыхъ ногъ были колоссальны. Онъ постоялъ немного на колѣняхъ и тоже припалъ головой къ полу.

Вдругъ раздался какой-то общій, мучительный, тяжкій — тяжкій стонъ: «Алла — Алла — Алла!» стоналъ ахунъ, а за нимъ всѣ молящіеся. Потомъ опять все стихло. Черезъ минуту снова стонъ — удручающе тяжелый, мучительный: «Алла — Алла — Алла!..» поклоны и снова тишина. Такъ продолжалось разъ пять или шесть. Потомъ ахунъ всталъ, постоялъ немного передъ нишей или каѳедрой, — странно какъ-то это что-то у нихъ устроено — и затѣмъ пошелъ ко мнѣ. Остальные тоже встали вскорѣ и тоже стали выходить

Я поклонился ахуну и сталъ его благодарить, что онъ мнѣ доставилъ случай видѣть ихъ молитву.

— Ну вотъ, вы видѣли теперь — это и все. Разумѣется, кромѣ нѣкоторыхъ обрядовъ, которые есть тоже у насъ, но ежедневная наша молитва — въ этомъ вотъ вся и заключается.

Молившіеся начали уходить, и такъ какъ мы стояли съ ахуномъ и мальчикомъ, его племянникомъ, въ дверяхъ первой комнаты, то всѣ они и проходили мимо насъ. Дошла очередь и до того огромнаго колоссальнаго татарина съ босыми ногами, который такъ смутилъ меня. Теперь, проходя мимо насъ, онъ опять такъ же страшно, свирѣпо поводя бѣлками, посмотрѣлъ на меня. Но я ужъ, стоя рядомъ съ ахуномъ и дружески бесѣдуя съ нимъ, не боялся его.

— Кто это страшный такой? спросилъ я ахуна. — Я испугался даже его, когда онъ вошелъ.

— Отчего? .. О нѣтъ, — кротко улыбаясь, сказалъ ахунъ. — Это у него только видъ такой строгій.

— А не фанатикъ онъ какой у васъ?

Ахунъ только махнулъ рукой.

ХП.

Мы вышли изъ мечети, — я не видалъ, заперъ-ли ее кто послѣ насъ, — большая часть молившихся пошли по домамъ, а нѣсколько

человѣкъ — я увидалъ ихъ ужъ на крышѣ — поднялись на минаретъ и оттуда смотрѣли на насъ.

— Вотъ-съ, — сказалъ мнѣ ахунъ, указывая на четырехугольное, сложенное изъ плитняка, зданіе съ круглой крышей, съ дверью безъ дверецъ, съ окномъ, въ которое отсюда, снаружи ничего не было видно внутрь — это и есть гробница Али-Хана.

Я былъ уже и раньше, одинъ, возлѣ этого домика, и теперь мы опять подошли къ нему.

— Тамъ внутри — да жаль что вотъ ключей нѣтъ — плита лежитъ съ надписями, вотъ въ окно можетъ быть видно, — сказалъ ахунъ.

Но мы посмотрѣли и ничего не увидали. Зданіе было почти въ разрушеніи и въ полномъ смыслѣ слова въ заброшенномъ видѣ.

— А вотъ-съ отсюда, — продолжалъ ахунъ, входя въ помѣщеніе въ которомъ ханъ когда-то жилъ, или отдыхалъ, по крайней мѣрѣ, въ жаркое время.

Мы вошли въ домикъ съ другой стороны. Здѣсь была дверь, но разломанная и исковерканная. Ахунъ отворилъ ее, спустившись на нѣсколько ступеней внизъ, и остановился. Я взглянулъ и тоже остановился.

— Святой отецъ, сказалъ я, что же это?!.. Вѣдь ужъ это ваша вина.

Дѣло было въ томъ, что жилое помѣщеніе хана, т. е. полъ его, былъ буквально покрытъ нечистотами, мусоромъ какимъ-то, бумажками и среди всего этого — уголья, головешки — потухшій костеръ.

— Чтожъ я подѣлаю?—безпомощно развелъ руками ахунъ.

— Да кто же долженъ за этимъ смотрѣть? Вѣдь сторожъ у васъ есть?

— Есть, да какіе это сторожа... Я обращался и къ городу и къ правительству—тутъ всего-то какихъ-нибудь двѣсти-триста рублей нужно, чтобы привести это все въ порядокъ, а вѣдь это историческій памятникъ.

— Позвольте, сказалъ я, да при чемъ-же тутъ правительство? Тутъ, мнѣ, кажется, ближе всего вашимъ же прихожанамъ-мусульманамъ позаботиться объ этомъ. Вѣдь мнѣ говорили, между здѣшними татарами, да я и самъ знаю, есть люди очень богатые, чуть не миллионеры.

Онъ безпомощно пожалъ плечами.

— Экіе негодяи, экія свиньи,—повторялъ онъ, смотря на разбросанныя нечистоты на полу, на мусоръ.

— Кто же этимъ занимается? заводить здѣсь эту грязь?—спросилъ я его.

— Да кто? черкесы все,—отвѣтилъ онъ.

— Какіе? это вотъ что тамъ? на кладбищѣ?—
воскликнулъ я.

— Да, эти самые. Они посланы сюда за ка-
кія-то мошенничества, разбои, и вотъ продол-
жаютъ и тутъ вести себя также.

— А чтожъ они у васъ на кладбищѣ дѣ-
лаютъ?

— Да ничего. Они никогда ничего не дѣ-
лаютъ.

— А не то, чтобы они караулили тамъ?

— Нѣтъ. А вы развѣ были тамъ?—полюбо-
пытствовалъ ахунъ.

Я рассказалъ ему, что они меня туда не
пустили.

Онъ улыбнулся и покачалъ головой:—«стран-
но дескать, не понимаю».

— Ну, а сюда-то они зачѣмъ же прихо-
дятъ?—сказалъ я.

— Да вотъ видите... Вотъ эти угли—это они,
значить, ночью индюшекъ тутъ жарили. Какъ
ночь, такъ они индюшекъ воровать. Зарѣжутъ,
принесутъ сюда, разведутъ здѣсь костеръ, изжа-
рятъ ихъ и съѣдятъ. Тѣмъ и живутъ...

— Да какъ же такъ имъ позволяютъ?

— Чтожъ вы съ ними подѣлаете?

— И много ихъ?

— Много. Человѣкъ десять кажется.

— И всѣ такіе?

Онъ махнулъ рукой.

Мы постояли сколько-то и пошли назадъ въ городъ.

— А вотъ, что я васъ хотѣлъ спросить,— сказалъ я.— Отчего это всѣ, кто былъ въ мечети, были въ зеленыхъ халатахъ. Ни одного не было въ обыкновенномъ платьѣ, въ которомъ всѣ ваши же татары, здѣсь по улицамъ ходятъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Да много ли и всѣхъ-то, въ халатахъ-то было?— и добавилъ: нѣтъ, это такъ случилось; приходятъ и въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, и въ черныхъ, и въ синихъ—на это закона никакого нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что въ мечеть все вѣдь только старики ходятъ молиться. Какъ у васъ, добавилъ онъ, въ обыкновенную заутреню или вечерню кого вы встрѣтите—старухъ однѣхъ да стариковъ, Такъ и у насъ.

— А теперь вотъ, святой отецъ (я не зналъ какъ его называть), еще одинъ вопросъ: съ кладбища вашего, передъ тѣмъ какъ идти сюда, въ мечеть, я попалъ въ какого-то страннаго назначенія садъ, гдѣ, кромѣ извѣстнаго сорта женщинъ и татаръ, никого нѣтъ и никого, говорятъ, не бываетъ. Что это такое?

— Да вы видѣли?—останавливаясь на ходу, сказалъ ахунъ.

— Видѣлъ,—отвѣтилъ я.

Онъ молчалъ и смотрѣлъ на меня.

— Что же это? Учрежденіе это какое?—повторилъ я свой вопросъ.

— Должно быть учрежденіе,—отвѣтилъ онъ.

— Да вы-то развѣ не знаете?

— Я не знаю, какъ это мѣсто у васъ называется. Вѣдь и у васъ такія же «мѣста» есть. Я не знаю, что это у васъ считается учрежденіями или какъ они тамъ?..

Онъ это очень ядовито все вывелъ и проговорилъ. Я улыбнулся.

— Ну-съ, очень вамъ благодаренъ за все, — сказалъ я—ему, дорога была идти направо къ себѣ, мнѣ налѣво,—когда слѣдующій разъ буду въ Касимовѣ, позвольте опять къ вамъ пріѣхать.

Онъ очень любезно нѣсколько разъ повторялъ приглашеніе, спросилъ, увижу-ли я г. Селиванова, чтобы я ему кланялся и сказалъ, что онъ ждетъ его.

— Онъ говорилъ мнѣ, что хочетъ раскопки какія-то дѣлать, — сказалъ я.

— Да, это очень любопытно.

— Но тутъ вотъ, кромѣ того, что я видѣлъ, ничего нѣтъ оставшагося отъ страны?—ужъ такъ, для очистки совѣсти еще разъ спросилъ я.

— Нѣтъ. Вотъ все, что вы видѣли.

— Это все, что осталось отъ касимовскаго царства?.

Онъ молча опустилъ голову.

Я попрощался съ нимъ, съ симпатичнымъ его мальчикомъ-племянникомъ, и мы разстались.

Когда я сѣлъ на дрожки и извозчикъ поѣхалъ, я оглянулся чтобы еще разъ раскланяться съ нимъ. Ахунъ шелъ къ себѣ не оглядываясь, а мальчикъ нѣсколько, разъ часто-часто, кивнулъ мнѣ головой.

ХІІІ.

Есть преданіе, что касимовская мечеть построена царевичемъ Касимомъ. Но это едва ли такъ. По крайней мѣрѣ теперешняя мечеть, зданіе архитектуры позднѣйшей. Можетъ быть, на этомъ мѣстѣ была раньше другая мечеть, и она вотъ и была построена Касимомъ — только ужъ никакъ не теперешняя. О теперешней есть даже весьма точное извѣстіе: во-первыхъ, въ мечети, надъ дверью вдѣланъ камень, выкрашенный зеленой краской, съ надписью: «(1768) года эту мечеть въ мѣсяцѣ рабиэль — аванъ (іюнь — іюль) соорудили: Бектемиръ-Сеидъ, Бурханъ-Сеидъ, Ибрагимъ - Мурза - Чанышевъ, Абдулла - Мурза, Муси-Сеидъ, Мустафа-Сеидъ, Сулейманъ-Мурза, Темиръ-Булатъ-Сеидъ, Юсуфъ-Мурза-Чанышевъ, Муртаза-Сеидъ, Мухаммедъ-Сеидъ, Ибрагимъ-Мурза-Максютовъ, Якубъ-Мурза, Мусъ-Мурза-

Деллетъ-Гальдѣевъ, Юсуфъ-Мурза, Ибрагимъ-Мурза-Максютовы, Мустафа-Мурза, Темиръ-Булатъ-Сеидъ-Шакуловъ». А во-вторыхъ, сохранился и документъ, изъ котораго видно, когда и кому разрѣшено было эту мечеть построить: «Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ касимовской воеводской канцеляріи города Касимова татарской слободы сотнику Сеидъ-Бектемирову, сыну Шакулову.— Сего 1768 года февраля 13 дня въ присланномъ отъ его высокопревосходительства г. генералъ-маіора и кавалера и Воронежской губерніи губернатора Алексѣя Михайловича Маслова въ касимовскую воеводскую канцелярію предложеніи написано: ея императорское величество именнымъ изустнымъ ему указомъ сего мѣсяца 18 числа, высочайше повелѣть соизволила, по прошенію города Касимова, Мурза-Ибрагима-Чанышева, Бурхана-Шакулова, построить въ томъ городѣ татарамъ для молитвы ихъ мечеть; объявля сіе ея императорскаго величества повелѣніе, касимовской воеводской канцеляріи рекомендуетъ во исполненіе онаго, города Касимова татарамъ ту мечеть строить позволить и препятствія въ томъ имъ не чинить; и во исполненіе онаго предложенія въ касимовской воеводской канцеляріи опредѣлено: съ прописаніемъ онаго къ тебѣ, Шакулову, послать указомъ объявить, что онаго

города Касимова татарамъ ту мечеть строить дозволяется, и тебѣ Шакулову, учинить о томъ по сему ея императорскаго величества указу. Апрѣля 9-го дня 1768 года. На подлинномъ подписано: секундъ-маіоръ Николай Балбоковъ и поручикъ князь Василій Тонкачеевъ. Секретарь Иванъ Лопухинъ. Канцеляристъ Федоръ Поповъ». Годъ и имена надписи на камнѣ въ мечети совершенно совпадаютъ съ именами и годомъ указа. Значить, мечеть эта строена не Касимомъ; но, какъ сказано, Касимъ могъ быть строителемъ другой мечети, бывшей ранѣе этой и построенной на этомъ же самомъ мѣстѣ. На это есть указаніе у Палласа, бывшаго въ Касимовѣ какъ разъ въ томъ же 1768 г., когда строилась Шакуловымъ новая, теперешняя мечеть. Говоря о старинномъ минаретѣ (который цѣль до сихъ поръ), онъ замѣчаетъ, что это остатки отъ старой «разоренной мечети, которая нынѣ съ высочайшаго позволенія опять строится». Онъ упоминаетъ даже о кирпичахъ, изъ которыхъ эта старая мечеть была выстроена, «длиною они были 13 дюймовъ»,

По преданію, Касимомъ же былъ построенъ и ханскій дворецъ. Но отъ него ужъ ничего не осталось. И объ немъ упоминаетъ Палласъ: «изъ такого же известковаго камня (какъ и тотъ, изъ котораго построенъ сохранившійся до сихъ поръ

минареть) состоятъ и прочіе татарскаго строенія остатки близъ мечети въ саду находящіеся и заборомъ обнесенные. Кажется, что на семь мѣстѣ былъ дѣйствительно дворецъ здѣшнихъ хановъ, и отъ прежняго каменнаго строенія пребыли до новѣйшихъ временъ большія со многими готскими фигурами и арабскими надписями украшенныя ворота, также продолговатый четырехугольный домъ, и такимъ же образомъ обнесенное кладбище знатныхъ татаръ, отъ коего недалеко находится и кладбище простолюдинцевъ. Для нѣкоторыхъ причинъ недавно сломаны помянутыя ворота, и по большей части употреблены на жженіе известки, такъ что я могъ еще видѣть только остатки, а особливо кровельныя рѣзные подзоры и перемочки. Ханскій домъ тоже сломали и оставили только основаніе футовъ на пять вышиною, для построенія на ономъ деревянныхъ жилыхъ покоевъ. Сіе строеніе было отъ сѣвера къ югу, было въ длину нѣсколько больше 32 аршинъ, а въ ширину больше осьми аршинъ съ половиною. На каждомъ концѣ пристроена узкая часть длиною въ 16 футовъ. Въ сѣверной пристройкѣ есть ходъ въ сдѣланный съ уступами на узкой подземный и подъ всѣмъ строеніемъ простирающійся съ толстыми сводами погребъ, въ которомъ отъ проходящей сквозь сводъ воды, рождаются окаменѣлыя малыя изъ

капель сосульки съ водяными концами, или такъ называемый сталактитъ».

Лучше всего сохранилась отъ дальнихъ лѣтъ въ Касимовѣ текія (мавзолей) Шахъ-Али, любимца и сподвижника Ивана Грознаго, о которомъ выше было сказано ужъ. Объ этой текіи въ «Излѣдованіи о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ» (Труды восточнаго отдѣленія императорскаго археологическаго Общества) В. В. Вельяминова-Зернова имѣется чуть ли не цѣлый рефератъ. Вообще, чрезвычайно добросовѣстный и обстоятельный изслѣдователь, удивляющій своимъ терпѣніемъ при разборѣ и сличеніи не только надписей на камняхъ, но въ подборѣ даже кусочковъ, обломковъ, осколковъ этихъ камней, — называетъ текію Шахъ-Али замѣчательнымъ памятникомъ. Онъ придаетъ ему большое значеніе и потому съ особеннымъ вниманіемъ и тщательностью собралъ все, что только могъ найти гдѣ-нибудь объ этомъ памятникѣ. Самое древнее описаніе текіи сдѣлано Палласомъ. «Въ юговосточную сторону отъ сего строенія (т. е. отъ остатковъ дворца Касимовскихъ хановъ) находится ханское кладбище въ саду хозяина (теперь я ужъ никакого сада тамъ не нашель, исключая маленькаго садика вокругъ самой мечети. Текія стоитъ окруженная выбоинами, ямами, наполненными мусоромъ и въ такомъ

вотъ порядкѣ, какъ я говорю) и понынѣ еще не разрушена. При ономъ ничего не видно готскаго; но состоитъ только изъ продолговатыхъ четвероугольныхъ толстыхъ, кромѣ простого карниза никакого украшенія неимѣющихъ, стѣнъ, складенныхъ изъ гладко отесанныхъ камней. На западномъ концѣ онаго находится небольшой пустой, приватный, для моленія по магометанскому обычаю, назначенный покой со входомъ при западной стѣнѣ, и съ малымъ окномъ на сѣверной сторонѣ; а оный покой устланъ неотесаннымъ дикимъ камнемъ. Прочую часть занимаетъ сводъ или погребъ, въ которомъ находятся надгробные камни. Поверхъ сводовъ пустая часть засыпана землею, на которой нынѣ растеть калина (и калина теперь ужъ не растеть!...). Все строеніе отъ востока къ западу, длиною больше 20, шириною больше 11, а вышиною до 7 аршинъ. Внутри малаго погреба, считая отъ востока къ западу, немного шире четырехъ аршинъ съ половиною. Въ большой погребъ сдѣланъ входъ съ южной стороны почти въ срединѣ всего строенія и, слѣдовательно, безъ простѣнка между погребами. Помянутый входъ снаружи до полутора, а извнутри больше двухъ аршинъ шириною, и сдѣланъ на подобіе воротъ, но не видно слѣдовъ, чтобы прежде были крючья, на которыя навѣшиваютъ двери».

«Въ текии со двора надъ дверью вмазана каменная доска, на которой красивымъ арабскимъ почеркомъ вырѣзана слѣдующая надпись: «Строитель и собственникъ этого зданія Шахъ-Али-Ханъ, сынъ Шейхъ-Ауляръ-Султана, 21-го числа мѣсяца рамазана 962 г. (т. е. 9-го августа 1555 года). Богъ; нѣтъ Бога кромѣ Него, Бога живого и Бога сущаго. Имъ не овладѣвають ни дремота, ни сонъ. Ему принадлежитъ все, что на небесахъ, и все, что на землѣ. Кто можетъ быть предъ Нимъ заступникомъ, иначе какъ съ Его разрѣшенія? Онъ знаетъ будущее и прошедшее, и люди изъ того, что онъ вѣдаетъ, постигаютъ только то, что Онъ самъ захотѣлъ открыть имъ. Престоль его простирается надъ небомъ и землею, и Ему ничего не стоитъ оберегать ихъ. Онъ всевышній и великій».

«Внутри комнаты (описание, сдѣланное Хуссейномъ-Феизъ-хановымъ, ѣздившимъ нарочно въ Касимовъ, въ 1860 г., по порученію императорскаго археологическаго Общества) посрединѣ, сдѣланы изъ земли и щебня три продолговатыхъ возвышенія, каждое съ обоихъ боковъ о двухъ ступеняхъ. Возвышенія эти обращены длиннымъ фасомъ къ двери. Въ головахъ и въ ногахъ каждаго изъ нихъ стоитъ по камню. Камни эти различной величины; цѣльныхъ между ними нѣтъ, а всѣ они либо обломки, либо смазаны изъ нѣ-

сколькихъ кусковъ. Еще три высокихъ смазанныхъ камня стоятъ просто у правой стѣны комнаты. Всѣ камни, числомъ 9, исчерчены украшеніями и надгробными надписями арабскими и татарскими. Возвышенія, очевидно, изображаютъ гробницы, а камни служатъ надгробными памятниками». Камни эти всѣ перебиты, между возвышеніями валяются во множествѣ осколки отъ нихъ. Впослѣдствіи кто-то смазывалъ эти камни и сдѣлалъ это неряшливо, даже безграмотно: смазаны куски отъ разныхъ совершенно камней. «Какъ бы нехотя, говорится у Хуссейна, приходишь къ тому заключенію, что комната, гдѣ стоятъ гробницы, была въ старину устроена иначе, чѣмъ теперь, и что чья-то рука, и вдобавокъ рука человѣка не знающаго, коснулась ея».

«Въ подвалѣ текии ничего нѣтъ. На полу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны продушины, величиною въ кирпичъ. Думать должно, что подъ поломъ находится еще другой подвалъ. Мѣстные жители утверждаютъ, что этотъ нижній подвалъ дѣйствительно существуетъ и что изъ него ведетъ подземный ходъ въ мечеть».

Въ текии восемь гробницъ — Шахъ-Али-Хана и его родственниковъ и родственницъ. Оригинальны надписи на нихъ, переведенныя муллою Хусеиномъ: Вотъ надпись на камнѣ, надъ гробницей Шахъ-Али-Хана: «Сказалъ Господь пре-

благословенный и всевышній: Предъ Богомъ Иисусъ тоже, что Адамъ: Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Всякая душа должна вкусить смерти; затѣмъ къ нимъ возвратитесь. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Не вѣдаетъ никто въ какой странѣ онъ умретъ. Сказалъ пророкъ: Да будетъ надъ нами миръ: Міръ сей—падалъ, а ищущіе его—собаки. Сказалъ пророкъ: да будетъ надъ нами миръ. Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла, угодныя Богу. Сказалъ пророкъ: Да будетъ надъ нами миръ: Міръ сей есть поле, на которомъ сѣются сѣмена для будущей жизни. Въ 974 г. случилось то, что сынъ Шейхъ-Ауліаръ-Султана, Шахъ-Али-Ханъ, 61 года отъ рожденія, мѣсяца шевлаляла въ 10-й день (20-го апрѣля 1567 г.) въ понедѣльникъ, переселился изъ сего міра въ жизнь вѣчную». На оборотной сторонѣ: «Памятникъ этотъ юджунъ Магъ-султанъ-ханика для своего баба Шахъ-Али-Хана, памятникъ этотъ поставилъ».

Всѣ эти изреченія частью или полностью съ маленькими варіантами повторяются на всѣхъ

надгробныхъ камняхъ не только въ Шахъ-Аліевоѣ теки, но и вообще на касимовскихъ надгробныхъ татарскихъ плитахъ. Такъ на плитѣ, находящейся на старопосадскомъ кладбищѣ надъ могилой хана Уразъ-Мухамеда, убитаго въ Калугѣ, самозванцемъ лже-Димитріемъ вторымъ, котораго въ свою очередь въ отмѣстку за хана убилъ Урусовъ, оно повторяется почти буквально. Памятникъ этой, разбитой на два куска, плиты валяется посреди кладбища.

XIV.

Солнце сѣло. Быстро набѣгали сумерки. Пока я сѣздилъ домой, въ гостинницу, уложилъ и завязалъ распакованный чемоданъ, стало ужъ совсѣмъ темно. Въ восемь часовъ я поѣхалъ въ клубъ.

Это очень просторное для такого захолустнаго уѣзднаго городка, какъ Касимовъ, помѣщеніе. Въ сѣняхъ былъ поставленъ столикъ, за которымъ неучаствующіе въ спектаклѣ артисты труппы продавали билеты на сегодняшнее представленіе. На лѣстницѣ, что вела изъ сѣней на верхъ, уже толпилась, въ ожиданіи начала, взявшая билеты и пропущенная публика.

— Сэргэй Ныколаевичъ! — вдругъ услыхалъ я позади себя.

Я оглянулся — Ахметка отъ Дюссо.

— Какъ изволили къ намъ въ Касымовъ по-
пасть? — весело, почти радостно улыбаясь, спра-
шивалъ давнишній знакомый лакей-татаринъ.

Я сказалъ, какъ попалъ къ нимъ.

— И утромъ уѣзжаете? — Чтожъ такъ мало
погостили у насъ?

— Да чтожъ тутъ у васъ больше дѣлать?

Немного поднявшись еще наверхъ, я встрѣ-
тилъ еще знакомаго татарина отъ Бореля. Опять
тотъ же вопросъ, высказанный съ такимъ же
радостнымъ удивленіемъ...

— Вы чтожъ, члены здѣсь въ клубъ? — спро-
силъ я этого.

— Нэту, Сэргэй Ныколаевичъ, а такъ какъ
мы тутъ на побывкѣ, и сами изволите видѣть,
скука здѣсь у насъ какая, то и пришли по-
смотреть на представленіе.

И такимъ образомъ я встрѣтилъ тутъ человѣкъ
пять или шесть лакеевъ изъ хорошихъ петер-
бургскихъ ресторановъ. Они всѣ пріѣхали сюда
на побывку и пришли съ женами смотрѣть въ
клубъ спектакль.

— А какъ же, это ничего, что вы съ же-
нами тутъ? — спросилъ я.

— А что же такое?

— А если ахунъ узнаетъ?

— Чтожъ онъ можетъ съ нами подѣлать?

— Да ужъ я не знаю. Развѣ это у васъ разрѣшено?..

— Это все, Сэргэй Ныколаевичъ, глупости, одно невѣжество,—отвѣчалъ очень разсудительно Абдулка или Ахметка какой-то.

Несомнѣнный прогрессъ, которому такъ радовался утромъ въ разговорѣ со мною исправникъ...

Публика собиралась все сѣренькая — купцы, чиновники, чиновницы; нѣсколько татаръ въ чуйкахъ и въ ермолкахъ, очевидно, здѣшніе, туземцы, а не приѣзжіе откуда-нибудь лакеи. Чиновники и чиновницы очень внимательно и съ видимымъ недоумѣніемъ осматривали меня — новое лицо, откуда я попалъ къ нимъ?

Спектакль не начинался и даже по всему можно было заключить, что онъ начнется еще не скоро, а между тѣмъ, было уже девять часовъ. Наконецъ, явился Михаилъ Павловичъ — исправникъ съ женой и еще какой-то дамой...

— Позвольте васъ представить женѣ?—сказалъ онъ и представилъ меня

— Ну что, осмотрѣли вы все, были въ мечети? познакомились съ ахуномъ?

— Какъ же-съ, все видѣлъ.

— Видѣли гробницу Али-Хана?

— Видѣлъ.

— Это замѣчательно древній памятникъ. Это рѣдко какой такъ хорошо сохранился.

«Сказать ему, подумалъ я, какъ онъ у нихъ сохраняется»,—и сказалъ.

— Ахъ, эти негодяи черкесы!—Вы не повѣрите, что съ ними возни!

— Да отчего вы имъ дѣла никакого не дадите?

— А что они умѣютъ дѣлать?

— Ну, да мало ли что? Ну, сидѣли бы, да чулки вязали, помните, какъ прежде. бывало, старые дворовые ихъ вязали?

Онъ расхохотался и, взявъ меня подъ руку, повелъ въ залъ.

— Много съ ними возни и самый все негодящій народъ,—продолжалъ онъ.

Въ залѣ—мы говорили въ комнатѣ передъ заломъ—послышался колокольчикъ.

— А!—звонять. Сейчасъ начинается,—сказалъ исправникъ.

Въ залѣ вся публика ужъ сидѣла на своихъ мѣстахъ и ожидала, когда поднимутъ занавѣсъ. Колоссальныхъ размѣровъ афишки были почти у каждого въ рукахъ и всѣ читали ихъ, точно старались выучить наизусть всѣ имена дѣйствующихъ лицъ и актеровъ труппы.

— Вотъ тутъ одна,—шепнулъ мнѣ исправникъ,—которая будетъ играть «Марьицу», замѣчательная артистка—эта не испортила бы и столичной сцены.

Наконецъ занавѣсъ подняли и начался спектакль... Съ каждой четвертью часа въ залѣ становилось все душнѣе и душнѣе. Изъ смежной съ заломъ комнаты доносился запахъ невозможнаго табаку. Обливаясь потомъ, артисты играли съ замѣчательнымъ усердіемъ, и публика цѣпила ихъ игру, награждая ихъ то и дѣло апплодисментами. Насталъ, наконецъ, антрактъ.

— Ну, что? Какъ ихъ находите?—кивая на сцену, спросилъ меня исправникъ.

— Хорошо. Сцена только мала, не гдѣ имъ развернуться, — отвѣчалъ я.

— Ну, батюшка, хорошо, что и эдакая-то есть. Гдѣ тутъ претендовать на сцену.

Я не обѣдалъ, цѣлый день съ утра ничего не ѣлъ, кромѣ какой-то сухой, невѣроятно соленой колбасы и сардинокъ, и теперь намѣревался воспользоваться тѣмъ, что попалъ въ клубъ, чтобы хорошенько поплотнѣе поужинать...

— Пожалуйста, — пройдя въ буфетъ, спросилъ я у буфетчика, стоявшаго за прилавкомъ передъ графинами водки, бутербродами и печеными, облупленными яйцами, — дайте мнѣ карточку кушаній.

Онъ посмотрѣлъ на меня и, кротко улыбаясь, склонивъ нѣсколько голову на бокъ, отвѣчалъ:

— У насъ кухни нѣтъ-съ.

— Какъ? въ клубѣ?

— Нѣтъ-съ... Не стоитъ-съ и держать. Трехъ порцій въ день не спросятъ. Вотъ это идетъ,— онъ указаль рукой на водку и закуски,— а кушаній никто и не спрашиваетъ...

Я стоялъ передъ нимъ нѣсколько въ неловкомъ положеніи: «что-жъ, думалъ я, я буду дѣлать теперь? Опять бутерброды развѣ и яйца?..» И спросилъ:

— Такъ дайте, пожалуйста, вотъ яичекъ этихъ, да вотъ этихъ бутербродовъ.

— И вѣдь-съ, какіе здѣсь господа члены строгіе — вотъ-съ вы, я вижу, приѣзжій, не здѣшній — такъ не повѣрите, можетъ быть: только возьми у нихъ кто держать буфетъ, возьми, попробуй, и начнутъ штрафовать да штрафовать,— говорилъ, подавая самъ мнѣ яйца и бутерброды, буфетчикъ.

— Да какъ же васъ не штрафовать, когда у васъ ничего нѣтъ? — отвѣчалъ я ему съ досадой.

— Нѣ-ѣтъ-съ, меня-то имъ нельзя штрафовать, я вѣдь не такой, не на такого наскочили! я кухню-то у нихъ не снялъ, а я снялъ только буфетъ одинъ — водки, закуски,—какъ бы въ успокоеніе мнѣ говорилъ онъ, — нѣтъ-съ, я вѣдь это тоже знаю-съ!..

Проходившій мимо меня Ахметка отъ Бореля или Абдулка отъ Дюссо, увидавъ, что я ѣмъ

яйца и бутерброды, остановился передо мной, и, въ качествѣ публики, фамиллярно-участливо сказалъ:

— Проголодаться изволили, Сэргэй Ныколаевичъ, кушать захотѣли?..

— Какъ вамъ не стыдно, — отвѣчалъ я, — всю жизнь вы всѣ у такого дѣла, у ѣды, а сами не можете завести у себя порядочной гостинницы въ городѣ.

— Это точно-съ. Только для кого? Кому здѣсь? Развѣ это такой городъ, какъ вотъ другіе есть города, къ примѣру...

За Абдулкой подошелъ Атаулка, за Атаулкой Ахметка и они всѣ опять собрались передо мною.

— Вѣдь и это? Вѣдь, изволите видѣть, развѣ эдакое яйцо, — указывая рукой на поданныя мнѣ яйца, говорилъ Ахметка, — оно наполовину пустое — можно господамъ въ Петербургѣ подать?

— Господь тутъ почти нѣтъ.

— Какіе здѣсь господа? одинъ за другимъ говорилъ Абдулка, Атаулка.

— Да вѣдь есть же люди, живутъ же здѣсь люди, которые привыкли хоть свѣжее-то ѣсть?

— А эти дома всѣ питаются.

Я наѣлся яицъ, бутербродовъ и спросилъ себѣ стаканъ чаю. Ко мнѣ подошелъ исправникъ.

— Закусили?—спросилъ онъ.

— Закусилъ-съ,—отвѣчалъ я.

— Хорошо идетъ. Вы вотъ этого дѣйствія не смотрѣли, а замѣчательно шло...

Меня взяла удручающая скука. Вонь, грязь, дымъ, какое-то жалкое ломанье на сценѣ. «Я поѣду, подумалъ я, на пароходъ, тамъ и буду ночевать». Но сейчасъ же вспомнилъ, что пароходъ придетъ только еще въ три часа утра, а до той поры не куда дѣваться, если не хочу ѣхать къ себѣ въ номеръ, въ гостинницу, еще болѣе грязную и вонючую, чѣмъ этотъ клубъ. Я посмотрѣлъ на часы — было около двѣнадцати.

— Тутъ рано у васъ кончается?—спросилъ я кого-то.

— Нѣтъ-съ поздно. Часа въ два сегодня кончится, не раньше.

Я рѣшился дожидаться и даже былъ доволенъ, что могу досидѣть здѣсь до прихода парохода.

И безъ того длинная пьеса—«Каширская Старица» — тянулась здѣсь ужасно, антракты безбожные, по полчаса и болѣе. Я ужъ и ходилъ пьесу смотрѣть, и въ «библіотекѣ» сидѣлъ—получается нѣсколько журналовъ и газетъ, и все еще было много времени впереди. Спектакль и потомъ какой-то еще дивертисементъ съ танцами

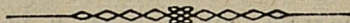
и пѣніемъ затянулись до половины третьяго. Наконецъ, все кончилось. Всѣ начали уходить. На крыльцѣ, прощаясь ужъ совсѣмъ съ исправникомъ, я услыхалъ длинный и продолжительный свистокъ гдѣ-то тамъ, вдали.

— Вашъ пароходъ подходитъ, на которомъ вы поѣдете, — сказалъ онъ мнѣ.

Ночь была темная — темная, на небѣ ни одной звѣздочки, въ воздухѣ пахло дождемъ. Я взялъ извозчика и поѣхалъ за чемоданомъ въ гостиницу, а оттуда ужъ прямо на пароходъ — спать.

«Царство было, думалъ я, спускаясь по косогору къ пристани, и что отъ него осталось, что такое оно теперь — разсадникъ лакеевъ для московскихъ и петербургскихъ французскихъ ресторановъ... Уѣздный городъ Касимовъ»...

Небо начало съ одного края бѣлѣть. Накрапывалъ мелкій, тихій дождикъ. Я посмотрѣлъ съ парохода на городъ, на высокую гору — кручъ, на которой онъ стоитъ, и пошелъ внизъ, въ каюту къ себѣ спать.

Солотчинскіе монахи и ихъ крѣпостные¹⁾.

Солотчинскій монастырь находится верстахъ въ двадцати отъ Рязани на берегу рѣчки Солотчи, впадающей въ Оку. Основаніе монастыря обыкновенно приписывается рязанскому князю Олегу Ивановичу, тому самому, который одинъ изъ всей Русской земли отказался идти противъ татаръ при Димитріи Донскомъ. Но, по свидѣтельству архимандрита Македонія, Солотчинскій монастырь существовалъ будто-бы и ранѣе; князь Олегъ только расширилъ его и обогатилъ вкладами и дарственными на деревни и села. Отецъ Македоній рассказываетъ, что дѣло происходило будто бы такъ: «Обозрѣвая свои вла-

¹⁾ Матеріаломъ для настоящей статьи послужили бумаги Солотчинскаго монастыря, извлеченныя изъ монастырскаго архива и напечатанныя въ „Журналахъ Рязанской архивной комиссіи“, которая, благодаря неутомимой и почтенной дѣятельности своего правителя дѣль А. В. Селиванова, уже обнародовала, со времени своего открытія въ 1884 г., массу весьма важныхъ историческихъ документовъ.

дѣнія, князь Олегъ прибылъ на то мѣсто на берегу рѣчки Солотчи, гдѣ она впадала въ древности въ рѣку Оку. Здѣсь онъ нашель двухъ иноковъ — игуменовъ Василия и Евѣимія, жившихъ съ братіей. Повидавшись съ вышеупомянутыми игуменами и усладившись духовною бесѣдою съ ними, и притомъ плѣнившись красотою мѣстоположенія, такъ какъ съ возвышеннаго берега, на которомъ стоитъ монастырь, открывается прекрасный видъ на далекое пространство, великій князь Олегъ Ивановичъ возвѣстилъ имъ свое намѣреніе устроить монастырь въ гораздо лучшемъ видѣ противъ тогда существовавшаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ отдыхалъ, утомленный отъ путешествія». «Кто были эти преподобные отцы игумены, Василий и Евѣимій, откуда родомъ, когда поселились близъ рѣчки Солотчи и до прихода ихъ была-ли тамъ св. обитель, — о томъ не осталось никакихъ свѣдѣній. Да и какія происшествія были въ Солотчинскомъ монастырѣ до конца XIV столѣтія, — о томъ ничего неизвѣстно ни по монастырскимъ древнимъ записямъ, ни по жалованнымъ грамотамъ отъ древнихъ князей рязанскихъ и московскихъ».

Вскорѣ по внушенному свыше намѣренію Олегъ опять пріѣхалъ на то же мѣсто къ Василию и Евѣимію; и тогда приступили къ постройкѣ въ монастырѣ

двухъ церквей Покровской и Рождественской, «къ утѣшенію оныхъ двухъ игумновъ съ братіей».

Угрызеніе-ли совѣсти, другія-ли причины, но Олегъ то и дѣло сталъ наѣзжать въ монастырь и не зналъ, чѣмъ и какъ его надѣлать. Пожертвованіе слѣдовало за жертвованіемъ, вкладъ за вкладомъ, дарственная за дарственной. «Услаждая себя бесѣдою со старцами» Олегъ, наконецъ, принялъ самъ иноческій чинъ съ именемъ Іоны, «не оставляя, впрочемъ, и свѣтлаго своего княжескаго сана». Съ этихъ поръ Олегъ сталъ жить попеременно: то въ Рязани, занимаясь дѣлами, то въ Солотчинскомъ монастырѣ, стараясь пешихъ о единомъ на потребу — о спасеніи души». Укрѣпляя его въ этомъ намѣреніи, старцы получали отъ него одну дарственную за другой. Сколько бы селъ и деревень и разныхъ бобровыхъ и рыбныхъ лововъ онъ имъ надарилъ, если бы прожилъ долго, неизвѣстно, хотя и то ужъ подарилъ довольно; но «мало-по-малу сталъ ощущать свое здоровье разстроеннымъ отъ разныхъ впечатлѣній, до глубины сердца поражавшихъ его»... Такъ, защищая его отъ нападокъ современниковъ въ не совсѣмъ ловкомъ поступкѣ его съ отечествомъ и Димитріемъ Донскимъ, отецъ Македоній говоритъ:

«По случаю отказа его помогать московскому князю Димитрію Іоанновичу, въ борьбѣ противъ

Мамая, онъ былъ обвиненъ современниками, какъ измѣнникъ своему отечеству, а между тѣмъ единственное его желаніе было въ семъ случаѣ избавить своихъ подданныхъ отъ раззоренія и убійства Мамая. Такъ или иначе, но наконецъ, 5-го іюня 1402 года, его не стало. Передъ кончиной своей онъ принялъ схиму съ наименованіемъ Іоакима. Тѣло его было похоронено въ Солотчинскомъ монастырѣ, въ Покровской церкви, имъ самимъ сооруженной.

Супруга Олега, княгиня Евфросинія, устроила, тоже на рѣчкѣ Солотчѣ, въ трехъ верстахъ отъ мужскаго Солотчинскаго монастыря, женскій Зачатіевскій монастырь и тамъ постриглась. Черезъ три года по смерти мужа и она скончалась. Солотчинскіе монахи перенесли ея останки къ себѣ, въ свой монастырь, и похоронили въ общемъ склепѣ съ Олегомъ, въ Покровской церкви. Евфросинія, въ монашествѣ Евпраксія, тоже много жертвовала и завѣщала монастырямъ — Солотчинскому мужскому и Зачатіевскому женскому, ею основанному. Но она жертвовала иногда очень оригинально. Такъ, одно село она подарила женскому монастырю, но съ тѣмъ, чтобы завѣдывали имъ монахи и собранный доходъ отдавали монахинямъ, вслѣдствіе чего между ними происходили постоянныя недоразумѣнія.

Солотчинскіе монахи, какъ увидимъ дальше, за рѣдкимъ исключеніемъ, были не только пло-

хіе хозіева, но и въ домашнемъ-то своемъ обиходѣ, вокругъ себя, были крайне безпечны и неряшливы, чтобы не сказать болѣе. Владѣя громаднымъ состояніемъ, они никакъ не могли устроить свой монастырь какъ слѣдуетъ, прочно, хорошо, удобно. Въ монастырѣ идутъ постоянно перестройки, передѣлки и послѣ каждой такой перестройки говорится, что прежнее безобразное и развалившееся зданіе замѣнено новымъ прекраснѣйшимъ. А лѣтъ черезъ десять, черезъ двадцать это «прекраснѣйшее» называется ужъ развалившимся и безобразнымъ... Кромѣ того, монахи иногда сами, въ видахъ ремонта, какъ наши инженеры, понимая, что это выгодно, устраивали искусственныя разрушенія, а потомъ кланчили у казны денегъ на новыя сооруженія. И казна, зная, что у нихъ и своихъ денегъ много, давала иногда... Но такъ или иначе, по нерадѣнію ли, или «искусственно» подкопанная, Покровская церковь въ Солотчинскомъ монастырѣ, въ 1768 году, рухнула подъ гору. Гора эта осыпалась долго, и монахи ничего не предприняли, чтобы этого не случилось. Они «сооружали» архимандричьи шапки по пятисотъ рублей, а денегъ на дѣло у нихъ не было. Они, впрочемъ, были заботливы настолько, что за нѣсколько дней до «катастрофы» вынесли изъ Покровской церкви прахъ Олега и

его жены. Съ тѣхъ поръ они покоятся въ монастырскомъ Рождественскомъ соборѣ. Тамъ же показываютъ и «писанныя современниками лики» князя Олега и его жены. Эти «писанныя древнею работою княжескія персоны» сохраняются до сихъ поръ. Но извѣстно объ нихъ стало только въ 1768 году, когда монахи доносили о «катастрофѣ» въ консисторію.

Съ легкой руки князя Олега, Солотчинскому мужскому монастырю везло такъ, какъ, можетъ быть, никакому другому въ округѣ. По писцовымъ книгамъ и монастырскимъ описямъ видно, что во всѣхъ селахъ и деревняхъ, принадлежавшихъ Солотчинскому монастырю, было 5,432 человѣка мужскаго пола. Земли было 24,738 четвертей. Да, кромѣ того, лѣсу принадлежало монахамъ же на 28 верстъ въ длину и на 12 верстъ въ ширину. Этимъ колоссальнымъ имѣніемъ архимандритъ Солотчинскаго монастыря управлялъ съ властью «вполнѣ правительственною», какъ выражается отецъ Македоній.

Изъ архимандричьей описи настоятелямъ и архимандритамъ Солотчинскаго монастыря видно, что съ основанія монастыря до настоящаго времени всѣхъ начальниковъ въ немъ (настоятелей и архимандритовъ) было числомъ 81. Просматривая эту опись, видишь, что, къ сожалѣнію, это все почти были или слабые, совершенно непри-

годные къ управленію, люди, или, если энергичные, то ужъ излишне, такъ сказать, предпріимчивые. И хотя отецъ Македоній и говорить, что въ солотчинскіе архимандриты назначались, «большею частью, ученые, получавшіе оный монастырь въ свое завѣдываніе, какъ-бы въ награду за понесенные труды и важныя заслуги отечеству»; но историческихъ именъ между ними нѣтъ ни одного, если не считать Софронія Лихуда, бывшаго въ Солотчинскомъ монастырѣ архимандритомъ съ 1723 до 1729 годъ. Да и то онъ попалъ туда, благодаря, кажется, Петру Великому, умѣвшему понимать и цѣнить людей, какъ слѣдуетъ. Послѣ длиннаго ряда блѣдныхъ и совершенно безцвѣтныхъ именъ, имя ученаго грека дѣйствительно рѣзко выдѣляется, но оно одно и есть.

Большой и богатый Солотчинскій монастырь жилъ совершенно особнякомъ и отъ всѣхъ историческихъ событій, повидимому, нисколько не интересуясь даже ими. Не было въ немъ ни изгнанниковъ, ни заточенниковъ сколько нибудь извѣстныхъ. Только одно время, при игуменѣ Пименѣ (1579—1582), онъ какъ будто приблизился было къ событіямъ своего времени, или, лучше сказать, хотѣлъ приблизиться. Въ окладной книгѣ того времени, по случаю преставленія царевича Ивана Ивановича, значится: «Го-

сударь и самодержецъ Иванъ Васильевичъ далъ милостины архимандриту Пимену съ братіей 150 рублей для поминовенія его сына, царевича Ивана, имъ самимъ убіеннаго, на обѣдняхъ и панихидахъ въ день преставленія его, ноября въ 20-й день, съ устройствомъ братіи корма, и въ день тезоименитства его, царевича, 30-го марта; также съ кормомъ для братіи». Иванъ вспомнилъ, раздавая милостыню, о Солотчинскомъ монастырѣ. Но это и все. Остальныя свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ архимандритовъ не идутъ далѣе сломокъ однихъ монастырскихъ строеній и ремонтъ и перестройкъ другихъ. Иногда встрѣчаются тяжёбныя и даже чисто кляузныя дѣла, возможныя только при совершенно пустой, празднои и безсодержательной жизни. При всей добросовѣстности и даже доброй тенденціозности, составителю описи архимандритамъ, отцу Македонію, большей частью ничего не удастся въ смыслѣ характернаго изображенія того или другаго солотчинскаго правителя. Всѣ они выходятъ одинакіе. Напр., Андроникъ (1590—1597): «При архимандритѣ Андроникѣ куплено, 1590 года, ко владычѣй Оеодосіевой памяти меду полтора пуда. А въ слѣдующемъ году: «Быль кормъ по царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, согласно желанію Василя Ивановича, и послано въ городъ Рязань 5 алтынъ на калачи на ми-

лостыню». По поводу этого, про архимандрита Андроника можно сказать только, что онъ былъ плохой очень, должно быть, хозяинъ, такъ какъ, имѣя шесть тысячъ ульевъ монастырскаго пчельника и получая, кромѣ того, по фунту каждого мужичьяго улья, покупалъ еще медъ за деньги. Неужели своего меду не хватало? Но, видно, не хватало, потому что въ слѣдующемъ году отецъ Андроникъ опять посылалъ казначея въ Переяславль за медомъ, и на этотъ разъ куплено было меду 2 пуда.

И такихъ большинство огромное. Нѣкоторое оживленіе въ описи начинается съ архимандрита Игнатія, счетомъ пятидесятаго и правившаго Солотчинскимъ монастыремъ съ 1688 года по 1697 годъ. Это былъ, по крайней мѣрѣ, человекъ несомнѣнно энергичный, многое начиналъ, многое доводилъ и до конца. Но, къ несчастію, излишне предпримчивый, онъ не понималъ духа времени, не понималъ и человека, съ которымъ ему пришлось столкнуться (Петра I), и кончилъ нехорошо. Энергіи и предпримчивости онъ должно быть былъ замѣчательной. Онъ постоянно за работою: ломаетъ, строитъ, покупаетъ, мѣняетъ, продаетъ, сѣчетъ плетями, сажаетъ на цѣпь. Даже бабъ и дѣвокъ, принадлежавшихъ монастырю, онъ находилъ время исправлять. «Архимандритъ Игнатій, — рассказываетъ отецъ Маке-

доній, его біографъ, — былъ очень строгъ къ слабостямъ человѣческимъ и къ увеселительнымъ обычаямъ». Въ селѣ Григорьевскомъ, принадлежавшемъ монастырю, на масленицѣ «женки и дѣвки» крестьянскія катались и играли на снѣгу. «Архимандритъ Игнатій, узнавъ о такомъ безчиніи отъ своего посельскаго монаха, жившаго въ томъ селѣ, приказалъ ему наказать плетми нещадно тѣхъ женокъ и дѣвокъ». Также велѣлъ высѣчь плетми ихъ отцовъ, матерей, мужей и братьевъ, чтобы лучше смотрѣли. И монахъ ихъ всѣхъ пересѣкъ...

«Будучи ревнителемъ правды и благочестія, — говоритъ о немъ отецъ Македоній, — архимандритъ Игнатій имѣлъ при себѣ еще особенный даръ вразумлять и научать всѣхъ уклонившихся съ пути благочестія и благочинія. А потому во время настоятельства его въ Солотчинскомъ монастырѣ постоянно находились разнаго сословія люди, подвергавшіеся церковной эпитиміи за свои преступленія. Даже самъ патріархъ московскій Адріанъ былъ извѣстенъ о свѣтломъ умѣ и рѣдкихъ способностяхъ Игнатія. Онъ спросилъ однажды своего иподіакона объ архимандритѣ Игнатіи и, когда получилъ отъ иподіакона со всѣхъ сторонъ одобрительный о немъ отзывъ, то сказалъ: «Хорошъ-то, хорошъ онъ, архимандритъ, но голосомъ-то тонокъ». Что означало это прорицаніе, отецъ

Македоній не объясняетъ, и дальше продолжаетъ: «Разсматривая древнія записи, характеризующія образъ жизни архимандрита Игнатія, можно заключить, что онъ былъ весьма строгъ къ подчиненнымъ и къ эпитимійцамъ». Въ Солотчинскій монастырь къ нему присылали положительно на истязаніе. Сохранились извѣстія о двухъ попахъ Кодратѣ и Василии: Обоихъ ихъ Игнатій посадилъ на цѣпь и такъ и держалъ. Кодратъ Богословскій былъ изъ Мурома и содержался за поносы нѣкоего въ смертоубійствѣ. «Онѣй попь Кодратъ содержался въ такой жестокости 24 дня, по прошествіи коихъ велѣно указомъ отъ митрополита только цѣпь съ него снять, оставивъ во всемъ томленіи». Другой примѣръ: указомъ преосвященнаго митрополита Авраамія былъ присланъ въ Солотчинскій монастырь подъ эпитимію Рязанскаго уѣзда, Каменскія десятины, села Панинскаго, воскресенскій попь Василій, который, довольно времени проживъ въ монастырѣ и подъ тяжестью наказанія утомившись, просилъ письменно митрополита Авраамія объ уменьшеніи наказанія. Вотъ какое отъ слова до слова было его прошеніе: «Государю преосвященному Авраамію митрополиту рязанскому и муромскому, бьетъ челомъ богомолецъ твой, попь Василій. Прогнѣваль я Господа Бога и тебя, архіерея Божія, и за мою страдничью вину указаль ты, государь, со-

слать меня въ Солотчинскій монастырь подъ начальъ, и я, богомолецъ твой, въ чепѣ и трудахъ и на каменномъ дѣлѣ (тогда въ монастырѣ строилась новая каменная Успенская церковь) въ черной работѣ, и чепь, государь, на мнѣ большая, и стало мнѣ, богомольцу твоему, тошно и не возможно. Милостивый государь, преосвященный Авраамій, митрополитъ рязанскій и муремскій, пожалуй меня, богомольца твоего, вели, государь, съ меня чепь снять и быть на работѣ безъ чепи. Государь, смилуйся, пожалуй». На этомъ прошеніи попа Василія послѣдовала такая резолюція: «велѣть цѣпь сложить». И по митрополичью указу съ попа Василія цѣпь снята.

Но, будучи такимъ строгимъ, архимандритъ Игнатій, «любя благолѣпіе», не отказывалъ себѣ. Такъ, въ первый же годъ своего архимандритства въ Солотчахъ, онъ накупилъ въ Москвѣ массу бархата, атласа, камки венеціанской, бархату таусиннаго, шелковъ шемаханскихъ и китайскихъ, серебряныхъ и золотыхъ кружевъ, жемчугу, каменьевъ и проч. Все это онъ привезъ въ монастырь и изъ всего этого велѣлъ понадѣлать платья, шапокъ, посоховъ и проч. А будучи человѣкомъ «находчивымъ», въ то же время писалъ ко всѣмъ тогдашнимъ выдающимся людямъ и даже къ самой царевнѣ Софіи усердныя и слезныя прошенія о милостынѣ, ссылаясь на

нужды монастырскія. Сохранилось одно такое его посланіе къ царевнѣ Софіи. Въ немъ онъ рассказываетъ ей, что монастырь Солотчинскій въ ужасномъ упадкѣ, что всѣ каменные постройки въ немъ рушились, облаченіе въ немъ все истлѣло и т. д., и т. д., однимъ словомъ нищенствующая братья и въ положеніи самомъ безпомощномъ. Неизвѣстно, знала ли Софья, читая это посланіе, о томъ, что у этого нищаго монастыря пять тысячъ душъ крестьянъ, слишкомъ двадцать тысячъ десятинъ пахатной и луговой земли и что лѣсъ, принадлежащій ему, считается десятками верстъ въ ширину и длину. Но Петръ въ послѣдствіи, повидимому, зналъ это и, напрягая на пользу отечества всѣ свои силы и силы всего государства, потребовалъ помощи и отъ монастырей, въ томъ числѣ и отъ Солотчинскаго, конечно. Отецъ Македоній не упоминаетъ, сохранилась ли по этому вопросу какая-либо переписка въ Солотчинскомъ монастырѣ, а также и не обращался ли Игнатій когда-нибудь за помощью и милостыней къ Петру; но, несомнѣнно, что какъ ни былъ архимандритъ Игнатій «находчивъ», а Петръ оказался, всетаки, находчивѣе его. Потребовавъ присылки помощина государственныя нужды и получивъ отказъ, онъ просто-на-просто велѣлъ «за сопротивленіе указамъ о пожертвованіяхъ съ церковей на пользу отечества» лишить его сана и сослать въ заточеніе.

Такъ печально кончилъ свою карьеру этотъ, во всякомъ случаѣ, незаурядный монахъ Солотчинскаго монастыря, вообще бѣднаго даже и такими характерами.

За Игнатіемъ опять начинается цѣлый рядъ совершенно безцвѣтныхъ личностей, ничего не сдѣлавшихъ даже и для себя, для своей личной и монастырской пользы. Попробовалъ было одинъ изъ преемниковъ Игнатія, Сергій, обратиться къ Петру на счетъ какихъ-то перестроекъ и новыхъ построекъ въ монастырѣ, но тотъ рекомендовалъ ему обойтись собственными средствами, а въ крайности ужъ обратиться за сборомъ средствъ къ монастырскимъ крестьянамъ, но въ такомъ случаѣ представить росписки всего забраннаго у нихъ. «Но таковой указъ о необходимыхъ постройкахъ и починкахъ по монастырю оставлень архимандритомъ Сергіемъ безъ послѣдствій»... Потомъ этотъ же архимандритъ Сергій упоминается по поводу одного очень щекотливаго дѣла—именно по дѣлу о продажѣ изъ монастыря за 60 рублей трехъ образовъ и о «прочемъ монастырскомъ всякомъ истощеніи». на что жаловались всѣ остальные монахи.

За Сергіемъ слѣдуетъ Харитонъ. Этотъ замѣчателенъ тѣмъ только, что за его посвященіе заплачено 12 рублей пошлины. За Харитономъ слѣдуетъ Исаакій. Этотъ архимандритъ тоже

не оправдалъ возлагавшихся на него монастыремъ надеждъ. Въ началѣ онъ хотя и началъ было ходатайствовать и стараться о полученіи пособій отъ начальства на постройки и перестройки, «но на самомъ дѣлѣ и онъ оказался, — говоритъ отецъ Македоній, — такимъ же равнодушнымъ, какъ и прежде бывшіе настоятели». Неизвѣстно, какъ это произошло и вышло, но и Исаакія постигъ гнѣвъ Петра. По указу «за важныя его предерзостныя и непристойныя слова отъ архимандритства отрѣшенъ и, вмѣсто жестокаго наказанія, сосланъ въ подначальство въ московскій Симоновъ монастырь по указу». Исаакій вскорѣ, однако, выхлопоталъ себѣ другой указъ, изъ синода, о прожитіи ему въ Солотчинскомъ монастырѣ, о томъ, чтобы ему давали двойную порцію пищи и чтобы рассмотрѣли и прислали въ синодъ его какую-то денежную претензію. Тутъ вотъ, въ исковыхъ дѣлахъ, Исаакій оказался даже не зауряднымъ дѣльцомъ. Живя въ монастырѣ, на свободѣ и на готовой двойной порціи, онъ велъ процессы съ этимъ же Солотчинскимъ монастыремъ и въ синодѣ и, кромѣ того, завелъ еще тяжбу въ Рязани съ солотчинскимъ казначеемъ «за неуплату ему, Исаакію, казначеемъ денегъ, потраченныхъ имъ, будто бы, изъ своихъ собственныхъ на покупку вина и меда». И такъ преслѣдовалъ отца каз-

начая, что «по его, Исаакія, доносу неоднократно приѣзжали изъ Рязани подъячій и пристава къ казначею Сергію, возили его въ Рязань и держали его подъ стражею и даже въ желѣзахъ. Наконецъ, деньги 33 руб. 8 алтынъ и 2 деньги были уплочены и казначей освобожденъ». Изъ этихъ денегъ онъ 10 рублей далъ вкладу въ монастырь «по своихъ родителехъ», а потомъ, по нѣкоторомъ времени сталъ требовать обратно и ихъ, и еще какія-то 680 рублей, тоже будто истраченныхъ имъ изъ своихъ... Но чѣмъ этотъ процессъ кончился, ужъ неизвѣстно; отецъ Македоній, по крайней мѣрѣ, объ этомъ не упоминаетъ, точнѣе, говоритъ, что и ему неизвѣстно... Въ заключеніе объ архимандритѣ Исаакіи говорится: „Вообще, архимандритъ Исаакій былъ жестокаго, скупаго, неуживчиваго съ людьми и привязчиваго характера, какъ видно изъ записей того времени. 1723 года 14 дня казначей Солотчинскаго монастыря, іеромонахъ Михаилъ, былъ взятъ въ рязанскій архіерейскій духовный приказъ противъ челобитчика, бывшаго архимандрита Исаакія, къ допросу во взятomъ будто бы винѣ изъ чулана и въ забитіи замковъ. По слѣдствію оказалось, что это была суцая ложь“.

Послѣ Исаакія былъ Сильвестръ. Онъ замѣчателенъ только тѣмъ, что при немъ Петръ

вышелъ наконецъ изъ терпѣнія; постоянныя исторіи съ укрывательствомъ въ монастыряхъ всякихъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ заставили его издать строжайшій указъ о недержаніи этихъ бѣглыхъ, и потомъ второй указъ о посвященіи на будущее время въ монахи только отставныхъ солдатъ...

Затѣмъ начинаются свѣтлыя страницы въ исторіи Солотчинскаго монастыря. Преемникомъ Сильвестра былъ назначенъ извѣстный Софроній Лихудъ, одинъ изъ двухъ братьевъ, вызванныхъ изъ-за границы еще при царѣ Оеодорѣ Алексѣевичѣ и много потрудившихся для насажденія образованія въ Россіи. Они оба были воспитанниками Падуанскаго университета. Они, какъ извѣстно, были въ Москвѣ основателями Славяно-греко-латинской академіи. Это было первое въ Россіи публичное заведеніе не только для духовныхъ, но и для свѣтскихъ. «Отъ сего ученаго разсадника, говорится въ описи солотчинскимъ архимандритамъ, стали разводиться училища и въ прочихъ городахъ. И за столь единственную и величайшую для Россіи пользу, сіи два брата, нарочно вызванные изъ родной своей страны, претерпѣли заточеніе со всѣми его тягостями». Дѣло вышло, разумѣется, по доносу, которые тогда были въ большой модѣ и въ большомъ ходу. На Лихудовъ донесли, что они

будто бы захватили подъ школы земли, принадлежащія Законоспасскому монастырю, и велѣло доноса и слѣдствія такъ искусно и успѣшно, что обоихъ братьевъ лишили наконецъ права обученія въ школахъ и сослали сперва въ Новоспасскій, а потомъ въ Костромской Ипатіевскій монастырь, гдѣ они и были содержимы подъ началомъ и присмотромъ пятнадцать лѣтъ!.. Но какъ только Петръ укрѣпился и принялся за работу государственнаго строенія, его зоркій глазъ тотчасъ отыскалъ несчастныхъ заключенниковъ, тружениковъ братьевъ, и Лихуды были вновь призваны къ дѣятельности. На этотъ разъ имъ поручено было основаніе греко-латинскихъ и славянскихъ школъ въ Новгородѣ и преподаваніе въ нихъ. Одна такая школа существуетъ тамъ и до сихъ поръ, подъ названіемъ Лихудіевской. Въ нихъ учили тогда реторикѣ, логикѣ, латинскому и греческому языкамъ. Изъ Новгорода Лихуды были вызваны опять въ Москву для обученія молодыхъ людей. Въ 1717 году, одинъ изъ братьевъ, Іоанникій, скончался. Вскорѣ, должно быть, надломилось здоровье и брата Софронія. Указомъ Петра отъ 17-го февраля 1723 года Софроній Лихудъ назначенъ архимандритомъ въ Солотчинскій монастырь «въ вознагражденіе достохвальныхъ и достополезныхъ его трудовъ при обученіи російскаго юноше-

ства». Но это ужъ состоялось, вѣроятно, вслѣдствіе требованія покоя для разстроеннаго здоровья. Однако, и тутъ Софроній продолжалъ много еще трудиться. По кончинѣ Петра его не забывала и Екатерина. Она приказала выдавать ему, по разстроенному его здоровью, можетъ быть, на лѣченіе, по сту рублей въ годъ «за его, архимандрита Софронія, прежде бывшіе въ греческихъ школахъ многовременные труды и полезные Россійскому государству и всѣмъ извѣстные». Но сами солотчинскіе монахи, какъ видно, неособенно были довольны назначеніемъ его къ нимъ. Они постоянно писали все какія-то прошенія объ отставкѣ его отъ архимандритства и даже тратили охотно на это деньги, посылая ходоконъ съ прошеніями и снабжая ихъ на дорогу деньгами и всѣмъ нужнымъ. Указомъ святѣйшаго синода 6-го мая 1729 года наконецъ повелѣно: «Рязанской епархіи Солотчинскаго монастыря Софронія Лахудьева за всесовершенною старостью и изнеможеніемъ по случаю параличной болѣзней отъ той архимандріи отрѣшить и опредѣлить для успокоенія старости его въ Новоспаскій монастырь, что при Москвѣ въ особую келію».

Удалили старика Лихуда, и въ Солотчинскомъ монастырѣ опять пошли прежніе порядки. Опять въ описи встрѣчаются упоминовенія о такихъ

грустныхъ поступкахъ отцевъ архимандритовъ, о которыхъ нельзя не скорбѣть. Уже преемникъ Софронія Лихуда, архимандритъ Аркадій, началъ вести себя недостойно. Началось, разумѣется, съ испрашиванія всякихъ вспомоствованій и милостей по случаю будто бы необходимости построекъ и перестроекъ въ монастырѣ, «выражая свое какъ бы сожалѣніе о немъ и благопопеченіе, говоритъ отецъ Македоній, а въ самомъ дѣлѣ болѣе заботясь о временномъ для себя стяжаніи, но не о пользѣ монастыря». Архимандритъ Аркадій чѣмъ только не былъ. Сперва онъ былъ гардемариномъ, потомъ вышелъ изъ морской службы и поступилъ въ монахи; потомъ опять поступилъ во флотъ и былъ даже адъютантомъ у вице-адмирала Гордона; потомъ опять поступилъ въ монахи. Онъ кончилъ только скверно: черезъ два-три года, какъ сдѣлали его солотчинскимъ архимандритомъ, онъ уже содержался «за нѣкоторыя свои дѣла» подъ стражей. Потомъ «судился за расхищеніе и за прочіе непотребныя поступки, за воровство, за грабительство». Наконецъ, у какого-то «пѣшехода» отнялъ деньги на дорогѣ. Всѣ эти походы его доходили до синода и его нѣсколько разъ указами требовали въ Петербургъ, но указы эти въ Рязани задерживали и ходу имъ не давали. Наконецъ, изъ Петербурга былъ при-

сланъ взять его дворянинъ Тимоѳей Рагозинъ, который его арестовалъ и увезъ съ собою. При отправленіи Аркадія въ Петербургъ съ дворяниномъ Рагозинымъ, ему, Аркадію, были закованы руки и ноги въ глухіе кандалы, за что въ Рязани въ кузницѣ дано 40 коп., что видно изъ расходной монастырской книги. Въ послужномъ спискѣ объ архимандритѣ Аркадіи сказано: «Архимандритъ Аркадій въ монастырѣ жилъ четыре года, роста средняго, лицомъ круглолицъ, бѣлъ и опрятенъ, глаза сѣрые, борода малая, свѣтлорусая, волосы на головѣ кудреватые. По нѣкоторому важному дѣлу монашескій санъ съ него снятъ и отосланъ онъ въ переславскую провинціальную канцелярію и въ той канцеляріи наказанъ кнутомъ и отвезенъ въ С.-Петербургъ».

Но не задолго до этой экзекуціи, по ходатайству, начатому еще Аркадіемъ и потомъ продолжавшемуся настоятелемъ Іаковымъ, были присланы деньги на покупку разныхъ «ветхостей» въ Солотчинскомъ монастырѣ, всего 800 руб. «Однако-же,—замѣчаетъ составитель описи,—и на эти деньги не видно никакой починки по монастырю, и зданія монастырскія болѣе и болѣе разваливались, гнили и упали»...

Іоасафъ (1733—1739). Онъ назначенъ былъ на мѣсто Аркадія. Объ немъ извѣстно только, что онъ «былъ блѣденъ лицомъ и долгоносъ,

брови имѣлъ бѣлые». При архимандритѣ Іоаса-
фѣ было строжайшее отъ императрицы Анны
Іоанновны подтвержденіе Петровскаго распоря-
женія о постриженіи въ монашество лишь вдо-
выхъ священниковъ и отставныхъ солдатъ. Въ
видѣ штрафа, назначалось за нарушеніе этого
распоряженія брать съ архіереевъ за cadaго,
вопреки указу постриженнаго, 500 руб. «Да и
вдовыхъ священниковъ и отставныхъ солдатъ,
сказано въ указѣ, постригать въ монашество не
иначе, какъ по предварительномъ чрезъ епар-
хіальныхъ архіереевъ донесеніи о томъ св. сино-
ду, дожидаясь оттуда дозволенія». При слѣдую-
щемъ, Давидѣ, въ Солотчинскомъ монастырѣ
полученъ указъ «объ отправленіи ко Господу
Богу благодарственнаго моленія съ цѣлднев-
нымъ звономъ о здоровіи его императорскаго ве-
личества Іоанна Антоновича и дражайшихъ ро-
дителей его: ея императорскаго высочества бла-
говѣрной государыни правительницы великой
княгини Анны всея Россіи и супруга ея благо-
роднаго государя Антона, герцога Брауншвейгъ-
Люнебургскаго. При немъ же, въ слѣдующемъ
году, были получены указы отъ правительницы
Анны Леопольдовны о постриженіи всякаго чина
людей въ монашество, вопреки указамъ 1723 и
1734 годовъ... Давида обвиняли: «въ излиш-
нихъ» поборахъ съ крестьянъ, въ истязаніи ста-

росты, въ захватѣ чужой земли и проч. При слѣдующемъ за симъ архимандритѣ Алимпіи въ Солотчинскомъ монастырѣ было нѣчто въ родѣ возмущенія, такъ какъ на него жаловалась вся братія, и онъ по таковой жалобѣ былъ отрѣшенъ отъ должности.

Преемникъ его, Θεодосій, замѣчательнѣе тѣмъ, что при немъ въ Солотчинскомъ монастырѣ былъ полученъ указъ о несѣченіи монаховъ вообще. Онъ ѣздилъ также на слѣдствіе въ Симбирскую губернію «о притѣсненіяхъ и разныхъ взяткахъ и обидахъ, чинимыхъ священно - церковно - служителями новокрещеннымъ инородцамъ». Онъ же соорудилъ на пожертвованныя въ монастырь 500 рублей архимандричью шапку „на бархатѣ съ жемчугомъ, съ восточными камнями и съ прочими украшеніями“. Но, будучи постоянно обвиняемъ всей братіей, изъ солотчинскихъ архимандритовъ былъ тоже низложенъ.

Затѣмъ изъ цѣлаго ряда слѣдующихъ архимандритовъ и настоятелей поражающе рѣзко выдѣляется Іоанникій Уткинъ. Ни приснопамятный Аркадій, ни до него, ни послѣ него, никто не позволялъ себѣ того, что „сей рекомендованный съ отличной стороны“. Просто не вѣрится, когда читаешь повѣсть о его дѣлахъ. Бытописатель, составитель описи архимандри-

тамъ солотчинскимъ, такъ говорить объ немъ и къ этому нечего прибавлять еще: «Сей рекомендованный мужъ, отбавившій разныя вещи, ранѣе сего, изъ архіерейской ризницы, которой нѣкогда завѣдовалъ, и, прибавши ихъ, завѣдуя Солотчинскимъ монастыремъ, добрался и до солотчинской ризницы, въ то время очень богатой. У Солотчинскаго монастыря въ то время исчезло: настоятельская эпитрахиль, унизанная изумрудами, яхонтами и жемчугомъ, какъ то видно изъ монастырскихъ описей XVIII вѣка, не говоря о многихъ пуговицахъ и дробницахъ, и о золотѣ, и серебрѣ на ней. Въ то же время и жемчугу не стало около $\frac{1}{4}$ четверика... Не стало выноснаго евангелія, обложеннаго золотомъ, и многихъ другихъ цѣнныхъ вещей. Для отклоненія подозрѣнія отъ себя онъ въ церковной трапезѣ нарочно произвелъ пожаръ... Для большаго разоренія Солотчинскаго монастыря, онъ не устыдился надрывать оный въ его основаніи — сталъ продавать кирпичъ изъ той каменной стѣны, которая была устроена внизу монастыря противъ каменнаго подвода для укрѣпленія осыпавшейся песчаной горы и для сопротивленія напора воды во время весенняго разлива его. Но, къ счастью монастыря, въ семь вредномъ дѣлѣ былъ замѣченъ, а четверть оной ограды уже не стало»...

Не менѣе непостижимымъ самаго этого поступка представляется и тотъ фактъ, что какъ же это онъ, Уткинъ, могъ продѣлывать все это одинъ, безъ помощниковъ и подручныхъ? Къ удивленію, въ описи объ нихъ ничего не упоминается. Еще можно допустить, что онъ одинъ «отбавлялъ» изъ архіерейской и потомъ солотчинской ризницъ жемчуги, изумруды и яхонты, но какъ же было ему одному безъ соучастниковъ и единомышленниковъ подкопать и похитить цѣлую четверть всей монастырской ограды? Очевидно и несомнѣнно, что помощники и участники у него были и даже много у него ихъ было, можетъ, даже добрая половина монаховъ трудилась въ этомъ дѣлѣ, но дѣло велось такъ «чисто», что никто не попался, одинъ только онъ, инициаторъ всего, Іоанникій. Въ 1823 году, Іоанникій Уткинъ, наконецъ, былъ удаленъ изъ Солотчинскаго монастыря и переведенъ на то же мѣсто въ одинъ изъ московскихъ монастырей, не бывъ ничѣмъ даже запятнанъ за расхищеніе ризницъ архіерейской и солотчинской.

На мѣсто Іоанникія Уткина поступилъ Никандръ; «но и онъ не былъ лучше своего предмѣстника по недобросовѣстности», — добавляетъ все тотъ же отецъ Македоній, составитель описи архимандричьей.

Уже изъ этого краткаго перечня всякихъ зло-

употребленій и дебошей, почти не прекращавшихся въ монастырѣ въ теченіе всего его существованія, начиная со времени великаго князя Олега и кончая началомъ текущаго столѣтія, видно, что солотчинскіе монахи не могли даже и быть хорошими хозяевами. Въ этомъ отношеніи имъ далеко хотя бы, напримѣръ, до соловецкихъ монаховъ, которые за поясъ заткнутъ какого угодно сельскаго хозяина и изъ мірянъ. Да у нихъ, у солотчинскихъ монаховъ, никогда и не было такой школы, какъ у соловецкихъ. Въ то время, какъ первые получали и наживали свое состояніе «находчивостью», — по прекрасному выраженію составителя описи, — послѣдніе должны были тяжкими трудами добывать свой хлѣбъ и скопили себѣ состояніе по грошамъ почти. Оттого оно у нихъ и было всегда прочно.

Состояніе у Солотчинскаго монастыря, какъ мы видѣли, было огромно. Но, легко доставшееся монахамъ, оно не цѣнилось, повидимому, ими. Ни изъ чего не видно ихъ заботъ, напримѣръ, ни объ улучшеніи этого хозяйства, ни даже о сохраненіи его, ибо нельзя же принимать за толковыя извѣстія о томъ, что тогда-то архимандритъ съ братіей дѣлалъ пересмотръ налоговъ и податей, платимыхъ монастырю крестьянами, и что послѣднимъ, вмѣсто такого-то количества денегъ

и припасовъ, вѣлно собирать съ двора такое-то, всегда при томъ большее.

Да этой заботливости и хозяйственной дѣловитости у солотчинскихъ монаховъ, занятыхъ постоянными домашними распрями и междоусобіями, не могло даже и быть по причинамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, которыя сдѣлали изъ словецкихъ монаховъ такихъ отличныхъ и извѣстныхъ хозяевъ: легкая нажива, безпечальное времяпрепровожденіе, да еще при „находчивости“, совершенно освобождали ихъ отъ какой бы то ни было необходимости заботиться объ источникахъ своихъ доходовъ. Изсякали они, или расхищались болѣе «находчивыми» изъ своихъ же, монастырь въ лицѣ архимандрита обращался, въ такомъ случаѣ, къ князьямъ, царямъ и потомъ императорамъ и императрицамъ, отъ которыхъ всегда почти и получалъ щедрыя вспоможенія, исключая, впрочемъ, одного Петра Великаго, видимо не сочувствовавшаго подобнымъ къ нему обращеніямъ.

Такимъ образомъ, совершенно естественно объясняется тотъ поразительный, повидимому, фактъ, что монастырь, населенный никакъ не больше какъ пятьюдесятью или шестьюдесятью монахами и владѣющій десятками тысячъ десятинъ пахатной, луговой и степной земли и, кромѣ того, лѣсомъ въ нѣсколько десятковъ верстъ,

постоянно нуждается въ деньгахъ. У плохихъ хозяевъ, при плохомъ ихъ хозяйствѣ, всегда такъ и бываетъ. Такъ точно бывало и у помѣщиковъ: имѣніе большое, и лѣса, и луга, и все, кажется есть, а почему-то, слышишь, все было нуждались: безхозяйство, безразсчетность. И какъ помѣщики безхозяйственные и безразсчетные вѣчно искали гдѣ бы занять, такъ точно и безхозяйственные и безразсчетные монахи, вмѣсто того, чтобы заняться дѣломъ и какъ слѣдуетъ поставить это дѣло, только и знали, что кланчили или пускали въ ходъ свою «находчивость»... Въ этомъ отношеніи у нихъ было очень много общаго съ помѣщиками. Это сходство ихъ замѣчается даже и въ той странности и причудливости, которыми отличаются ихъ вкусы, надобности и потребности, для удовлетворенія которыхъ они нуждаются въ деньгахъ. Сегодня, вы читаете, они «сооружаютъ въ 500 рублей архимандричью шапку», Богъ знаетъ для чего вдругъ имъ понадобившуюся, а завтра они не знаютъ, гдѣ бы имъ достать двѣсти рублей, чтобы перекрыть проржавѣвшую или провалившуюся крышу надъ трапезой. Имѣютъ своихъ собственныхъ шесть тысячъ ульевъ пчелъ, получаютъ, кромѣ того, еще по фунту меда съ каждаго изъ ульевъ своихъ крестьянъ, и имъ, этимъ пятидесяти монахамъ, все мало меду, они его

все покупаютъ пудами и даже по фунтамъ. Совсѣмъ, какъ бывало это въ старыхъ помѣщичьихъ домахъ, гдѣ хозяйство было запущено и имъ никто не занимался: сегодня балъ, съѣзжается полъ уѣзда гостей, и въ домѣ оказывается нѣтъ и фунта сахару. Или сахаръ есть, а нѣтъ муки и проч.

Но этимъ, однако жъ, все сходство и кончается. Затѣмъ еще начинается такая разница въ ихъ отношеніяхъ къ своимъ помѣстьямъ, что исключаетъ совершенно всякую возможность даже сравненія ихъ однихъ съ другими. Это особенно рѣзко высказывается въ формѣ отношеній монаховъ къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ и въ домашнемъ обиходѣ и во всемъ вообще бытѣ этихъ послѣднихъ. Кто немного только знакомъ былъ съ бытомъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ, того непременно сразу же поразить эта замѣчаемая имъ разница, хотя бы, напримѣръ, при чтеніи даже и такого сухого перечня однихъ расходовъ, которые записаны въ расходной книжкѣ старосты села Преображенскаго, принадлежавшаго тоже Солотчинскому монастырю.

Эта въ высшей степени интересная записная книжка, веденная несчастнымъ мужикомъ, почти все время проводящимъ въ кандалахъ и колодкахъ, и одолѣваемымъ подъячими и наѣзжими.

монахами, совмѣстно истребляющими ужасающее количество свинины, гусятины, масла, рыбы, меда, — такъ хорошо характеризуетъ быть и вообще все угнетенное положеніе монастырскихъ крестьянъ, что тутъ и рѣчи даже не можетъ быть ни о какомъ сравненіи ихъ положенія съ положеніемъ крѣпостныхъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ. Вотъ гдѣ историкъ крѣпостнаго права въ Россіи найдетъ для себя драгоценный матеріалъ. Патріархальный, отеческій элементъ, которымъ оправдывали нѣкогда и защищали помѣщичью власть, здѣсь ужь отсутствуетъ совершенно, не представляя нигдѣ ни одного даже намека на что либо подобное отношеніямъ дѣтей къ своимъ отцамъ, или, правильнѣе, наоборотъ, отцовъ къ своимъ дѣтямъ. Дѣти эти были брошены буквально на произволъ каждаго встрѣчнаго и грабить ихъ могъ, кто только хотѣлъ: Никакой заботы объ нихъ, кромѣ заботы взиманія разныхъ вкладовъ и сборовъ, монастырь не имѣлъ и имѣть даже не хотѣлъ. Отцы архимандриты посылали только свои благословенія старостамъ, тщетно старавшимся добиться отъ нихъ хоть какого нибуть толка въ полученныхъ приказаніяхъ и предписаніяхъ. Пріѣдетъ въ монастырское село какой нибудь подьячій и грабить, и дебоширить въ немъ сколько угодно, а староста съ выбранными людь-

ми должны только ублажать его, и не только его одного, но даже и всякую приѣхавшую съ нимъ разную родню его. Этотъ уѣхаль, другой приѣхаль, и этого надо ублажать. А то приѣдетъ вдругъ монахъ изъ монастыря. Это тоже было для села неособенно радостное извѣстіе. Прежде всего, сейчасъ покупалась «туша свинины, да полтуши свинины жъ, да задъ говядины, два гнѣзда тетеревей» и т. д., и т. д. Невѣроятно, конечно, чтобы это все съѣдалъ одинъ монахъ или одинъ подъячій; очевидно, происходили при этомъ пиры, на которыхъ онъ только игралъ роль амфитріона, но для мужиковъ-то это было рѣшительно все равно, если еще не хуже, такъ какъ приходилось исполнять блажь и всякія причуды цѣлой компаніи. Очень часто случалось, что при этомъ начинались еще и разные вымогательства съ мужиковъ, доходившія иногда до очень солидныхъ суммъ. Такъ, одинъ архимандритъ солотчинскій выманилъ у одного своего старосты разными вымогательствами — содержаніемъ на цѣпи, надѣваніемъ на шею колодокъ и проч., болѣе шестидесяти рублей, — цифра по тогдашнему времени очень большая.

Самый послѣдній даже изъ помѣщиковъ подобные наѣзды подъячихъ и чиновниковъ, а впослѣдствіи становыхъ приставовъ и исправниковъ, въ свое имѣніе, считалъ бы за личное для

себя оскорбленіе. Если имѣешь какое дѣло, приѣзжай къ нему самому, съ нимъ объ этомъ дѣлѣ толкуй, получай, если тебѣ это слѣдуетъ, но крестьянъ трогать и тормошить не смѣй. И вся эта саранча въ помѣщичьи имѣнія не ѣздила, и въ помѣщичьихъ деревняхъ такихъ безчинствъ никогда не бывало. И это не только такъ было въ старину, но это было въ самое даже послѣднее время, передъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Въ этомъ отношеніи, положеніе помѣщичьихъ крѣпостныхъ было, и говорить нечего, какъ лучше положенія крѣпостныхъ монастырскихъ. И потомъ, при одинаковомъ произволѣ, при одинаково-безобразно безграничной власти, помѣщики, все-таки, не пускали «во всю», такъ сказать, удерживали свой произволъ хоть тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь село-то или деревня не сегодня — завтра перейдетъ къ сыну или зятю, такъ, какъ же его разорять-то? Да даже и до сына, и до зятя его все равно, надо беречь, вѣдь это достояніе, собственность. Монахи отъ этихъ соображеній были совершенно свободны: дѣти ихъ сель и деревень ихъ унаслѣдовать не могли ни подъ какимъ видомъ; собственностью своей села эти и деревни монахи тоже не могли считать, ибо они, эти села и деревни, принадлежали имъ всѣмъ, всему монастырю. И было это крѣпост-

ное дитя, такимъ образомъ, у десяти нянекъ и всѣ эти няньки, съ придачей къ нимъ еще подъячихъ, только и старались, чтобы какъ-нибудь пожитья около него, а вовсе и не думали о томъ, чтобы какъ-нибудь охранить или оберечь его. Это не ихъ совсѣмъ была задача и ничего нѣтъ даже страннаго, что они этой задачей нисколько и не задавались. Это положеніе монастырскихъ крѣпостныхъ было, должно быть, ужасно. Въ такомъ положеніи, да и то вѣдь до поры до времени, крѣпостные помѣщичьи бывали въ заглазныхъ имѣніяхъ, подъ управленіемъ управляющихъ изъ нѣмцевъ. Рано или поздно, узнавалъ старый баринъ, что имѣніе его такое-то разоряется, умиралъ старикъ, а на его мѣсто являлся его сынъ — все равно конецъ управляющему и его грабежу приходилъ, потому что кто же это завѣдомо, въ здоровомъ умѣ, дастъ грабить и расхищать свое имущество? У монастырскихъ же крестьянъ не было и этой надежды. Умиралъ, или переводили, или ссылали, одного архимандрита, на мѣсто его являлся другой, совершенно такой же, т. е. поставленный совершенно въ такія же къ нимъ отношенія, какъ и умершій или смѣненный. Имъ не на что было надѣяться и не на кого.

Раздираемые постоянно внутреннимъ непорядкомъ, враждою, ненавистью взаимной дома, въ

монастырѣ, монахи, пріѣзжая къ себѣ въ деревни и села, старались, повидимому, пожить здѣсь всласть, отдохнуть, забыться. И такъ жили не одни они, но и всѣ пріѣзжавшіе съ ними ихъ служки и прочая дворовая ихъ челядь. Всѣмъ было хорошо, весело, а ужъ сытно какъ, и говорить нечего. Сельскій староста только выдавалъ, покупалъ, да подносилъ «въ почетъ» гусей, куръ, тетеревей и проч. Тутъ спрашивалось все, но, судя по записи, особенно почему-то много выходило при этомъ овсяннаго масла и чесноку. Чеснокъ покупался то и дѣло, и по многу, по сотнямъ — расходъ на него былъ огромный. Впрочемъ на все шли мірскія деньги: «По пріѣздѣ отца архимандрита куплены на расходъ келейной сальныхъ свѣчъ сто, дано мірскихъ денегъ»... «Ноября 15-го, по приказу іеродіакона Питирима, дано за переписку тяглы дьячку Михайлѣ Прокофьеву мірскихъ денегъ»... «Того-жъ числа, архимандричьему келейнику Алексію Иванову куплены онучи и чулки новые, дано».. «Ему-жъ, келейнику, дано мірскихъ денегъ»..., «Того-жъ числа по приказу іеродіакона Питирима дано архимандричьему повару Семену Иванову сыну Шахманову мірскихъ денегъ»... «Ему-жъ куплено товару новыя онучи, дано»... «Въ то-жъ число, кузнецы Гаврило Ермоловъ съ товарищемъ дѣлали на келейное строе-

ніе, дано имъ на покупку угля мірскихъ денегъ»... «По приказу отца архимандрита дано его конюхамъ порознь мірскихъ денегъ»... и т. д., и т. д., всякій разъ, какъ прїѣзжалъ кто нибудь изъ монаховъ въ село. Тутъ щедрость ихъ къ своей челяди на счетъ мірскихъ денегъ была, можно сказать, даже трогательная. Только все и читаешь въ тетрадкѣ: дано «мірскихъ денегъ... дано мірскихъ денегъ... дано мірскихъ денегъ»... Часто очень прїѣзжалъ какой-то монахъ Питиримъ и живалъ въ Преображенскомъ, какъ видно, подолгу. Въ тетрадкѣ, то и дѣло записано: «Куплено іеродіакону Питириму нитокъ на шитье, да келейнику его дано»... и т. д. И еще часто упоминается какой-то старецъ Мортирій. Этотъ все больше занимался ссудами денежными, давалъ старостѣ и міру деньги въ ссуды и потомъ получалъ ихъ. Впрочемъ, получалъ онъ также отъ нихъ въ почетъ и соль, и рыбу, и медъ, и все, рѣшительно все, что только упоминается въ записи изъ тогдашнихъ и тамошнихъ товаровъ. Посельскій-же старецъ Сергій, тотъ все больше харчился по кружаламъ, любилъ, должно быть, выпить и потомъ закусывалъ горячими калачиками. Тоже, разумѣется, не отказывался ни отъ крупы, муки, соли, меду и проч. Но самый большой расходъ мірскихъ денегъ былъ, конечно, во время прїѣздовъ архимандричьихъ.

Такъ вотъ, этотъ Исакій, о которомъ мы ужъ говорили, во время своихъ прїѣздовъ въ свою вотчину, село Преображенское, встрѣчаемъ былъ особенно радушно. Вниманіе и любезность доходили при этомъ до того, что мужики, собравшись на сходѣ, обсуждали, какой бы имъ сдѣлать приличный подарокъ и чтобы въ то же время онъ былъ и какой-нибудь необыкновенный, оригинальный, и, обсудивъ, остановились на такомъ выборѣ: староста долженъ былъ достать и купить лисицу и поднести ее отцу архимандриту. И староста такое рѣшеніе схода исполнилъ, ибо у него въ тетрадкѣ записано: «Октября въ 9-й день купилъ я, староста, по мірскому приговору лисицу, а тое лисицу поднесли въ почестъ отцу архимандриту, а дано за тое лисицу мірскихъ денегъ»... Неизвѣстно только, угодили ли они ему этой лисицей, или нѣтъ. Отецъ Исакій любилъ вишни съ медомъ, какъ видно это изъ записей, и, будучи отличнымъ сутягой, былъ въ то же время никуда негоднымъ хозяиномъ, такъ что своихъ вишенъ и своего меду не имѣлъ, а потому, и то, и другое долженъ былъ ему покупать на мірскія деньги преображенскій староста, который, конечно, и покупалъ, записывая только все въ свою тетрадку: «Куплено на монастырскій дворъ на расходъ чесноку сотня, дано»... «Да для прїѣзду отца архимандрита куплено жъ

чесноку двѣ сотни, дано»... «Взято про отца архимандрита овсянаго масла два ведра, дано»... «Про него жъ, отца архимандрита, куплено ягодъ вишенья, къ нимъ меду, патоки, дано»... «Куплено про его жъ архимандритскій обиходъ чесноку двѣ сотни, дано»... «Въ вишни ягоды взято меду горшокъ, дано»... «Куплено про служебниковъ его, отца архимандрита, задъ говядины, дано»... Изъ рыбы отецъ Исакій любилъ больше всего, кажется, шукъ, по крайней мѣрѣ, югда говорится о купленной (и это покупали, своего, ничего въ деревнѣ не было заведено) свѣжей рыбѣ для его стола упоминаются все щуки. Хорошей соленой рыбы по близости, должно быть, нельзя было доставать и потому за ней, по приказу отца архимандрита, ѣздили въ Саратовъ и покупали ее тамъ. А староста записывалъ въ книжку: «По приказу отца архимандрита слугѣ Ѳедору Зайцеву дано мірскихъ денегъ на покупку рыбы въ Саратовѣ на монастырскій обиходъ 9 рублей», — деньги по тогдашней ихъ стоимости громадныя. Что такое тогдашніе 9 рублей и сколько на нихъ тогда можно было купить рыбы, лучше всего станетъ понятно изъ такого примѣра: за цѣлый говяжій задъ платилось 20 коп. Въ задѣ ужъ не меньше шести, семи пудовъ, слѣдовательно, пудъ мяса стоилъ 3 коп. Сколько стоилъ пудъ рыбы и сколько этихъ щукъ можно

было купить въ Саратовѣ на 9 рублей? Рыба, какъ извѣстно, тогда была еще дешевле мяса... И это посылалось монахамъ на съѣденіе изъ одной только ихъ вотчины, а у нихъ она не одна была, а цѣлыхъ пятнадцать или двѣнадцать... Просто непостижимо, сколько всякихъ припасовъ потребляли эти 50—60 человѣкъ въ Солотчинскомъ монастырѣ.

Вотъ какъ радушно и покорно встрѣчали своихъ господъ-монаховъ монастырскіе крѣпостные. И иначе они и не могли ихъ встрѣчать. Отецъ Македоній, говоря объ объемѣ власти солотчинскихъ настоятелей-архимандритовъ, говоритъ: «Власть древнихъ настоятелей Солотчинскаго монастыря по отношенію къ управленію подчиненными имъ селеніями была обширна. Отъ одного своего имени, а иногда съ согласія братскаго, настоятели посылали указы къ посельскимъ своимъ монахамъ, (тѣмъ, которые жили постоянно въ селахъ) и ихъ приказчикамъ для объявленія царскихъ указовъ или рязанскаго епархіальнаго начальства, или посылались указы о присылкѣ изъ вотчинъ всякаго хлѣба въ монастырь, или о присылкѣ рабочихъ людей для монастырскихъ подѣлокъ, какъ-то: плотниковъ, кирпичниковъ, возчиковъ съ лошадьми и телѣгами и проч.». Отецъ Македоній рассказываетъ дальше и о томъ, какъ эти затребованія выполнялись и въ какихъ размѣрахъ.

«Чернорабочіе люди, трудившіеся при Солотчинскомъ монастырѣ, перемѣнялись черезъ годъ. Для замѣны прежнихъ тружениковъ новыми, по братскому приговору, посылались указы изъ домовотчиннаго монастырскаго приказа къ посельскимъ монахамъ о высылкѣ изъ монастырскихъ вотчинъ изъ крестьянъ со 100 человекъ по одному въ монастырь труднику».

Власть солотчинскихъ архимандритовъ простиралась и на церкви и причтъ этихъ церквей въ принадлежащихъ имъ имѣніяхъ, не смотря на то, что эти имѣнія ихъ и церкви были совсѣмъ въ другихъ даже епархіяхъ. «При опредѣленіи въ должности сельскаго причетника или дьякона въ приходъ, крестьяне коего находились подъ управленіемъ Солотчинскаго монастыря, непременно требовалось на то согласіе солотчинскаго архимандрита, и даже прошенія къ преосвященному о замѣщеніи открывшихся должностей оныхъ при церквахъ посылались отъ домовотчиннаго приказа». Также точно и весь бытъ, весь домашній обиходъ этихъ причтовъ, въ районѣ совершенно другой епархіи, весь цѣликомъ зависѣлъ отъ солотчинскихъ архимандритовъ. «Обоюдныя жалобы духовныхъ лицъ въ приходахъ, зависѣвшихъ отъ Солотчинскаго монастыря, какъ-то: о неправильномъ раздѣлѣ дохода, земли, о воровствѣ, о причиненіи безчестія однимъ лицомъ дру-

гому, разбирались самимъ настоятелемъ, равно и обоюдныя жалобы крестьянъ на духовныхъ лицъ въ подобныхъ проступкахъ отсылались на обсужденіе архимандритамъ». О постройкѣ новыхъ церквей или о ремонтѣ ихъ въ деревняхъ и селеніяхъ, принадлежавшихъ Солотчинскому монастырю, требовалось испрашивать разрѣшеніе не у мѣстнаго епархіальнаго начальства, а у солотчинскаго архимандрита: «Въ монастырскихъ селахъ и храмы Божіи строились съ согласія же солотчинскаго архимандрита трудами и иждивеніемъ монастырскихъ крестьянъ». Солотчинскіе монахи иногда, впрочемъ, помогали имъ: давали на это займы денегъ. Въ монастырскіе стряпчіе и подъячіе, въ мірскіе старосты назначались люди тоже по указанному предписанію отъ архимандритовъ солотчинскихъ. Монастырскіе крестьяне, какъ видно, посылались на работу даже и въ Москву. За производившіяся поправки и постройки, кромѣ того, собиралось съ крестьянъ на уплату по одной и по двѣ копѣйки съ души. И эти сборы были, какъ и всѣ другіе, совершенно произвольны и зависѣли отъ архимандрита всецѣло. Къ праздникамъ съ мужиковъ монахи собирали еще «праздничное». Это праздничное выражалось также въ очень почтенныхъ цифрахъ: «Тушъ говяжьихъ 22, гусей 33, ососовъ (поросятъ полугодовыхъ) 44, барановъ 39, яицъ 2,200,

утокъ 11, куръ 34, меду 140 пудовъ». И все это пятьдесятъ-шестьдесятъ человѣкъ монаховъ куда-то потребляло, да еще и не хватало. Но вѣдь это только «праздничное», это, такъ сказать, только такъ, подарокъ, гостинецъ отъ крестьянъ... «Всѣ вышеозначенные припасы очень тщательно собирались съ крестьянъ»...

«И женскій полъ,—говоритъ отецъ Македоній,—всѣхъ селеній, подлежащихъ вѣдѣнію Солотчинскаго монастыря, былъ въ зависимости отъ онаго». На женскомъ полѣ всѣхъ селеній монастырскихъ лежала обязанность представить въ монастырь грибовъ разнаго сорта, клюквы, брусники и орѣховъ по количеству, налагавшемуся отъ домовотчиннаго монастырскаго приказа». Надо думать, что этого всего собиралось и доставлялось въ монастырь въ такомъ изобиліи, что грибовъ и клюквы покупать монахамъ изъ своихъ еще денегъ не приходилось. Даже въ покупкахъ на мірскія деньги, произведенныхъ старостой, ни разу не упоминается, чтобы эти припасы покупались имъ по случаю пріѣздовъ отца архимандрита или простыхъ старцевъ... «Женщины,—продолжаетъ отецъ Македоній,—не были изъяты отъ работы на монастырскихъ огородахъ и на ручныхъ мельницахъ; онѣ же употреблялись и для ношенія камней, кирпичей, извести и проч. при работахъ».

«Отцы и матери,—дальше говорится, во всѣхъ селеніяхъ монастырскихъ сами собою не смѣли выдавать своихъ дочерей въ замужество даже и въ свое селеніе безъ дозволенія на то настоятельскаго; а если нужно было отдать дѣвицу въ другое селеніе, то не иначе отдавали оную, какъ съ выдачею за нее 50 коп. и по 1 р. 50 к., такъ называвшихся выводныхъ денегъ. Вообще власть настоятелей въ селеніяхъ, принадлежавшихъ Солотчинскому монастырю, была вполне правительственная. Солотчинскіе архимандриты посылали свои указанныя предписанія содержать подъ крѣпкимъ карауломъ и мужчинъ и женщинъ и наказывать ихъ плетми и батогами нещадно, смотря по важности преступленія». Мы видѣли ужъ, впрочемъ, какія это такія важныя преступленія наказывались у нихъ плетми. Игнатій архимандритъ за такія важныя преступленія принималъ и жмурки, и снѣжки, въ которыя на масляницу играли въ селѣ «дѣвицы», и сихъ «дѣвицъ» посельскій монахъ его, по его приказу, пересѣкъ плетми. Любопытно только, знали-ли эти «дѣвицы» что онѣ подарены монахамъ рязанскими княгинями «съ душеполезной цѣлью, въ подражаніе супругамъ»?...

Не менѣе завидно было положеніе монастырскихъ крестьянъ и въ отношеніи мірскихъ властей. Какъ ни велика и полна была власть со-

лотчинскаго архимандрита надъ своими крѣпостными, но однимъ подчиненіемъ ей еще не исчерпывались всѣ ихъ горести и бѣды. Для гражданскихъ. или, какъ выражались тогда, для властей», оставалось еще достаточно свободы обирать этихъ крестьянъ, и въ этомъ отношеніи, вѣроятно, немало завидовали они крѣпостнымъ помѣщичьимъ, до которыхъ подъячіе только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ могли добираться. Въ монастырскихъ селахъ подъячіе, повидимому, чувствовали себя совершенно какъ дома. Не касаясь имущества собственно монастырскаго, они нисколько не стѣснялись имуществомъ мірскимъ, принадлежащимъ міру, т. е. крестьянамъ. И въ этомъ отношеніи записная прихода-расходная книжка преображенскаго старосты даетъ богатый матеріалъ. Читая ее подрядъ, не знаешь, чему удивляться—наглости ли подъячихъ, или недобросовѣстности монаховъ, оставившихъ своихъ кормильцевъ совершенно на произволъ судьбы. Вѣдь не могли же они не знать, что дѣлаютъ подъячіе у нихъ въ вотчинахъ, надъ ихъ крѣпостными. Объ этихъ же несчастныхъ говорить нечего—можно только удивляться ихъ глупости или терпѣнію, что въ данномъ случаѣ было рѣшительно одно и то же. Подъячіе тоже, должно быть, смотрѣли на монастырскія вотчины, какъ на злечныя мѣста для

всякихъ прогулокъ, *partie de plaisirs* и пикниковъ. Они тоже, какъ и сами хозяева этихъ селъ, прїѣзжали въ нихъ не одни, а съ цѣлой ватагой челяди и даже родственниковъ, а можетъ и родственницъ, И все это ѣло, пило, пьянствовало и еще брало съ собой на дорогу «въ почетъ». Въ записной книжкѣ есть мѣсяцы, когда саранча эта не переводилась въ селѣ, и каждый день на мирскія деньги ей покупались угощеніе и всякій харчъ. Большею частью случалось такъ: одинъ подъячій поживетъ-поживетъ въ селѣ, насосется въ немъ досыта, какъ пїавка, и отвалится—пропадетъ, уѣдетъ на нѣкоторое время; а черезъ день, черезъ два, глядишь, объявился новый подъячій—надо этого угощать и ублажать. Новый, голодный, былъ ужасенъ, должно быть, потому что съѣдалъ невѣроятное количество тетеревей, гусей и говяжьихъ задовъ. И все это они ѣли съ какимъ-то овсянымъ масломъ, которое покупалось для нихъ ведрами и пудами. Чесноку для нихъ ни разу не было куплено—они вѣрно не любили его или довольствовались тѣмъ, что оставался отъ монаховъ. Изъ записной книжки, къ сожалѣнію, не видно, съѣзжались ли вмѣстѣ монахи и подъячіе, а также и проводили ли время они вмѣстѣ. Также не видно, чтобы подъячіе ѣли рыбу свѣжую или соленую. Въ книжкѣ ни разу не значитъ, чтобы

рыба для нихъ покупалась. Но медъ они тоже любили и ѣли его охотно, повидимому съ калачами, такъ какъ медъ для подъячихъ записывался всегда вмѣстѣ съ калачами: «А поставлено ему, подъячему, меду и калачей, дано мірскихъ денегъ»... и проч. Ягодъ, грибовъ, клюквы подъячіе тоже не требовали никогда. Орѣхи ещ брали, но только съ собою на дорогу или дѣтямъ гостинцы, да и то объ этомъ упоминается всего только разъ, или два. За то не было ни одного приѣзда подъячихъ, чтобы они, кромѣ всякаго угощенія, не увезли бы съ собою еще и скольконибудь мірскихъ денегъ.

Ужасную эпопею представляетъ эта записная книжка, веденная безграмотнымъ старостой, конечно, и не подозрѣвавшимъ никогда, что она увидитъ свѣтъ и, въ свою очередь, такъ ярко освѣтитъ неприглядную ихъ жизнь — жизнь людей, Богъ знаетъ за что отданныхъ на двойное поруганіе и издѣвательство.

«1713 годъ. Августъ... Дано подъячему за ѣзду мірскихъ денегъ 2 рубля».

Того-жъ числа, подъячій Никита Заварзинъ съ солдаты и съ деньщиками взяли они въ Тамбовъ мене, старосту, со крестьяны Сафрона Дроганова, да Ивана Бакина, да Нилу Аникина для правезу провіантскаго хлѣба и везли они насъ дорогою въ Тамбовъ въ колоткахъ, и ѣдучи

били челомъ вышеписанному подъячему и служивымъ людямъ, чтобы они колотки поснимали съ насъ. Взято про нихъ на кружалѣ вина, дано мірскихъ денегъ»...

«А какъ мы пріѣхали въ Тамбовъ, ему жъ, подъячему Никитѣ Заварзину, и служилымъ людямъ, поставлено на кружалѣ вина».

«На другой день про него жъ, подъячаго поставлено на кружалѣ водки и меду».

«И какъ мене, старосту, съ вышеписанными со крестьяны отдали насъ за караулъ въ приказную палату, и въ томъ приказѣ четверымъ сторожамъ для свободы поставлено на кружалѣ вина»...

«Молодому подъячему Якову Кунавину поставлено на кружалѣ вина».

«Да ему жъ, подъячему Якову Кунавину, калачей»...

«Вышеписанный подъячій Никита Заварзинъ съ служилыми людьми, какъ отдавали насъ, мене старосту съ товарищи, въ приказную палату за караулъ, и въ томъ числѣ приказные палаты сторожа взяли съ насъ пожелѣзнаго 10-ть алтынъ»...

«А какъ изъ приказу меня, старосту, съ товарищи отдали насъ и посадили въ тюрьму, тюремщикамъ влазнаго дано за четыре человека 11 алтынъ, 4 деньги (35 коп.)».

«Поставлено тюремнымъ сторожамъ за свободу, взято на кружалѣ вина»...

И только освободится этотъ несчастный староста, только откупится онъ отъ одного подъячаго, пріѣдетъ домой, глядь, черезъ день, черезъ два, проявился другой подъячій, и опять начинается сначала. Невѣроятно просто, какъ это такъ могли люди жить — безъ передышки почти, изо дня въ день, всю жизнь перенося эти мученія и эту убійственную нравственную духоту.

Брали рѣшительно всѣ, кто бы ни пріѣхалъ въ деревню, по какому бы то ни было дѣлу — это рѣшительно все равно.

«Да какъ по наряду посланъ на работу крестьянинъ Остахъ Максимовъ, отъ работы съ дороги сбѣжалъ и деньщикъ (который везъ его), Егоръ Кольцовъ, вмѣсто Остаха взялъ, связавъ выборнаго Левона Герасимова и того выборнаго, а староста съ дороги поворотилъ, и тому деньщику вмѣсто откупа дано мірскихъ денегъ 16 алтынъ 4 д.».

«Того-жъ числа, по указу пріѣзжалъ изъ Тамбова дворянинъ для высылки подводчиковъ съ подводы на Романовъ подъ пушки дано дворянину и двоимъ служивымъ»...

«Того-жъ числа, пріѣхалъ изъ Тамбова съ указомъ пушкаръ для высылки восьми подводъ

въ Тамбовѣ на драгунскій дворъ, дано ему, пушкарю»...

Рѣшительно все равно, кто бы не пріѣхалъ — деньщикъ, пушкарь, подъячій, дворянинъ, — давать имъ, все равно, считалось обязательнымъ, и староста давалъ имъ мірскія деньги.

При этомъ характерна еще одна черта. Подъ большей частью такихъ записей добавляется краткая, но очень въ то же время характерная фраза: «за нескорую высылку». Это значило, что дано подъячему, деньщику и вообще кто тамъ пріѣзжалъ, за то, чтобы онъ не настаивалъ на своемъ требованіи, не требовалъ бы денегъ сейчасъ, или сейчасъ же везли хлѣбъ, давали подводы, чтобы онъ далъ, однимъ словомъ. отсрочку, время имъ собраться съ силами. И подъячіе, повидимому, охотно соглашались на отсрочки, также точно, какъ охотно соглашались на отсрочку ростовщики, очень хорошо зная, что жертва ихъ не уйдетъ отъ нихъ. И дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ по тому же дѣлу, опять пріѣзжалъ подъячій и опять требовалъ, ему опять давали «за нескорую высылку», опять его кормили гусятиной, тетеревами, медомъ, опять давали «въ почетъ» свиную тушу или говяжій задъ и онъ уѣзжалъ на мѣсяцъ еще. Эти отсрочки — платить въ концѣ концовъ, все таки надо — было обходились монастырскимъ «трудникамъ» не дешево.

У монастыря, въ каждомъ принадлежавшемъ ему селѣ, были, однако, свои подъячіе, которые и должны были вести борьбу съ казенными подъячими; но, по пословицѣ, воронъ ворону глаза не выклюетъ, эти, свои «собственные подъячіе» никакой борьбы въ суетности не вели, а тоже только грабили мужиковъ, придумывая совмѣстно съ казенными подъячими предлоги къ тому. Свои собственные подъячіе, повидимому, были поставлены если не въ зависимость, то ужъ во всякомъ случаѣ, обязаны были слушаться, совѣтоваться, руководствоваться указаніями стараго подъячаго, жившаго въ Тамбовѣ. Къ нему на консультацію они и ѣздили. Кромѣ того, просить защиты ѣздилъ къ нему и староста, когда наѣхавшіе казенные подъячіе, припивъ все и пріѣвъ, заковывали его въ кандалы и утаскивали съ собой въ Тамбовъ. Тамъ, заплативъ приказнымъ сторожамъ за свободу, староста улучалъ удобное время и являлся къ старому подъячему принося ему «въ честь» битаго гуся, говяжі задъ или что нибудь въ этомъ родѣ. И старый подъячій выручалъ. По всей вѣроятности, это тоже была облава, устроенная сообща: вы, дескать, поѣзжайте, погуляйте, а потомъ захватите его съ собою, и привезите, что выжьмешь изъ него — барышъ пополамъ. Эти томленія мужиковъ, которыхъ подъячіе увозили съ собой или

заманивали подъ какимъ либо предлогомъ въ Тамбовъ, были поистинѣ способны довести до отчаянія. Мужикъ цѣлый день только и дѣлалъ, что ходилъ все это время отъ одного подъячаго къ другому, куда ихъ посылалъ старый подъячій, несомнѣнно руководившій всѣми предпріятіями и только показывавшій видъ, что онъ борется за нихъ со всѣми другими подъячими. Приѣмъ вполнѣ и всецѣло сохранившійся у адвокатовъ и нашихъ временъ: игра въ двойную съ закономъ въ рукахъ считается и въ наши дни въ адвокатской практикѣ самой прибыльной. Только вотъ теперь все на принципахъ это основано у нихъ... Доведенные до отчаянія, совершенно ужъ вымотанные, все распродавшіе, что было съ собою, мужики наконецъ отпускались, но не освобожденные совсѣмъ, а за новыми лишь средствами для веденія процесса.

«Того жъ 713 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, какъ будучи въ Тамбовѣ, слуга Тимофей Щекудѣевъ да крестьянинъ Іовъ Ганшинъ, для выручки изъ тюрьмы крестьянъ Сафрона Дроганова, Данилы Аникина, и живя они въ Тамбовѣ, заложили на харчи лошадь крестьянина Степана Филатова за два рубля за мірское дѣло, выкупу дано за тое лошадь, мірскихъ денегъ 2 рубля».

И скоплялась тогда въ Тамбовѣ, центрѣ пра-

восудія подобнаго, масса простаго люда. Мужики толпами стояли «у подъѣздовъ судовъ и палатъ». Къ нимъ выбѣгали и шмыгали между ними молодые подъячіе, которыхъ они водили съ собою на кружала и поили тамъ, ублажали. Довѣріе къ чиновничьему правосудію съ тѣхъ поръ очень слабо окрѣпло еще и до сихъ поръ: мужикъ и нынѣ все какъ-то вздрагиваетъ, какъ увидить чиновника. Онъ еще очень мало сдѣлалъ для его успокоенія.

Какъ и въ наше время, большому кораблю и тогда требовалось большое плаваніе. Если мелкіе, простые подъячіе довольствовались мелочью, угощеніемъ на кружалѣ, калачами, гусями и пр., изводя мужика больше томленіемъ и продолжительностью своего на немъ сидѣнія, то большіе, крупныя персоны оглушали, такъ сказать, деревню сразу, пріѣзжая въ нее съ цѣлой аравой всякой челяди, вѣроятно, замѣнявшей имъ тогда нынѣшнія канцеляріи. Такъ, «проѣзжалъ въ октябрѣ мѣсяцѣ по указу великаго государя черезъ село Преображенское стольникъ изъ Тамбова, Иванъ Даниловичъ Вельяминовъ—Зерновъ, стоялъ у Тимоеея Осипова, и бралъ онъ подъ его обиходъ и подъ служилыхъ его людей сорокъ подводъ»... А пріѣзжавшій потомъ черезъ два мѣсяца комиссаръ, произвелъ помпу еще большую:

«Декабря въ десятый день, по указу великаго государя, приѣхалъ комиссаръ Ѳедоръ Каверинъ для сбора душевныхъ денегъ со двора по рублю по пяти алтынъ, взято про него, комиссара, овсянаго масла полтора ведра, и то масло поднесено ему, комиссару, въ почетъ»...

«Ему жъ, вышеозначенному комиссару, взято горшокъ меду, поднесено въ почетъ».

«Коммиссарскому дворецкому вмѣсто почета, дано мірскихъ денегъ».

«Ему жъ, дворецкому, поднесено орѣховъ четверикъ».

«Да съ нимъ, съ вышеписаннымъ комиссаромъ, были служилые люди, разсылщики и дворовые люди его, дано имъ всѣмъ вопче»...

«Коммиссарскому повару дано особо»...

«Да какъ будучи онъ, комиссаръ, на Вышенки и хотѣлъ меня, старосту, бить батоги и держать за карауломъ изъ подводъ за малые подводчики, и въ томъ дѣлѣ поставлено комиссарскимъ людямъ его овсянаго масла».

«Коммиссарскому подъячему, вмѣсто почета, поднесено мірскихъ денегъ»...

Кормилась и жила на счетъ села цѣлая орда, жадная, немилосердная, пьяная, разгульная, разнузданная, въ полной увѣренности въ своей безопасности и безнаказанности. И не было кому

заступиться за это село, потому что не было человека, которому оно было бы дорого, хоть какъ личная собственность. Быть монастырскихъ крѣпостныхъ—вотъ что было въ Россіи еще ужаснѣе быта помѣщичьихъ крѣпостныхъ. И этотъ быть ждетъ еще своего изслѣдователя и историка. Богатая ему предстоитъ задача.

РАСКАТЫ СТЕНЬКИНА ГРОМА ВЪ ТАМБОВСКОЙ ЗЕМЛѢ.

I.

Самъ Стенька Разинъ Тамбовской земли не воевалъ. Не воевали ее также и ближніе и подручные атаманы его. Главная грозная туча прошла стороной, зацѣпивъ только однимъ краемъ своимъ Тамбовскую землю. Но и этого было достаточно, чтобы вызвать въ ней такой переполохъ, о которомъ и до сихъ поръ, черезъ двѣсти лѣтъ, еще вспоминаютъ, и живы преданія. Можно поэтому представить себѣ, что происходило тогда и особенно тамъ, гдѣ проходилъ самъ «батюшка Степанъ Тимоѣевичъ съ дѣтками своими»...

Тамбовскій переполохъ, т. е. радость однихъ при извѣстіи о приближеніи Стеньки и ужасъ другихъ, произошелъ совершенно по тѣмъ же причинамъ, какъ и вездѣ, куда подходилъ Стенька; радость и надежда у бѣднаго (подлаго) и крѣпостнаго люда избавиться отъ помѣщичьяго и чиновничьяго гнета и смятеніе и ужасъ помѣщиковъ и чиновниковъ (подъячихъ и воеводъ)

передъ расплатой и неминуемыми страшными истязаніями за вымогательства и угнетенія.

Новооткрытые и новообъявленные документы — находки и труды архивныхъ комиссій, преимущественно Тамбовской и Рязанской — относящіяся къ этой эпохѣ, столь поучительной и назидательной, — новаго, въ смыслѣ установленія новаго взгляда на событіе, даютъ не особенно много; но за то они даютъ такую массу детальныхъ подробностей, такъ характеризующихъ ужасную, темную, безотрадную жизнь населенія, что, перечитывая ихъ, поразительно ясно представляешь себѣ, что тогда происходило и невольно останавливаешься, не зная чему болѣе удивляться: наглости и безстыжеству ставленниковъ тогдашней власти и ихъ помощниковъ и приспѣшниковъ, или одичалой тупости и терпѣнію, въ конецъ почти, запуганнаго, забитаго и загнаннаго населенія.

Перечитывая теперь повѣствованія о томъ, что тогда дѣлалось, не меньше удивляешься и невѣжеству, и близорукой тупости стоявшихъ у власти въ Москвѣ. Нельзя предположить, чтобы въ Москвѣ обо всемъ этомъ не знали — еще меньше, чтобы не хотѣли знать, — точно такъ же какъ нельзя предположить, чтобы хаосъ этотъ былъ желательнымъ для Москвы: — свои соки и силы она брала оттуда же, изъ провинцій — и въ

то же время мы видимъ, что она ровно ничего не дѣлала, чтобы завести для населенія правду и порядокъ: все ограничивалось одной канцелярской перепиской—бездушной, безсмысленной, безсодержательной — да присылкой новыхъ воровъ-воеводъ, голодныхъ, на мѣста старыхъ воровъ-воеводъ, уже сытыхъ.

Тутъ, въ эту пору, у Москвы уже не было никакихъ политическихъ и династическихъ соображеній, чтобы держать провинціи въ черномъ тѣлѣ. „Тишайшій“ Алексѣй Михайловичъ могъ сидѣть и сидѣлъ „на Москвѣ“ въ этомъ отношеніи совершенно спокойно. Ему не угрожали никакіе самозванцы, никакіе конкуренты-претенденты; никто не думалъ отъ него отдѣляться, никакая провинція не думала о самостоятельности — напротивъ, въ это время, болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде и послѣ, чувствовалось всѣми желаніе сплотиться въ одно цѣлое, и сплотиться именно вокругъ него. Царская власть и на дѣлѣ, и какъ идея, какъ принципъ, всѣми давно уже была признана за наилучшую, и противъ нея не только не спорилъ, не интриговалъ противъ нея, не подкапывался, но даже сами предводители, потерявшаго терпѣніе и, наконецъ, возставшаго населенія, чтобы сплотить вокругъ себя и морализировать затѣянное дѣло, обращались для этого все къ той же самой идеѣ цар-

ской власти. Плывя по Волгѣ, Стенька одну свою барку велѣлъ отдѣлать краснымъ сукномъ и „прелестники“ его говорили народу, что на ней ѣдетъ царевичъ Алексѣй, сынъ царя, „который приказываетъ всѣхъ бояръ, думныхъ людей, и дворянъ, и всѣхъ владѣльцевъ помѣщиковъ, и вотчинниковъ, и воеводъ, и приказныхъ людей искоренять, потому что они измѣнники и народные мучители“, т. е. заставлялъ рассказывать какъ разъ то, что было желательно слышать народу отъ самого царя. Это было значить не „колебаніе основъ“, какъ принято выраженіе на этотъ счетъ въ наше время, а только подлогъ, отъ имени царя, болѣе энергичнаго, сильнаго и свободолюбиваго человѣка, къ которому онъ прибѣгалъ, чтобы успокоить совѣсть и придать рѣшимость запуганной, забитой и загнанной чиновниками и помѣщиками, возставшей, наконецъ, народной массѣ. Устрой „тишайшій“ Алексѣй Михайловичъ у себя въ царствѣ порядки и не давай народа въ обиду помѣщикамъ и чиновникамъ, не было-бы и Стеньки, какъ никогда не было и не бывало огня, если не бывало матеріала для горѣнія.

А дровъ — всякой неправды и всякаго утѣшенія — тогда было много, — столько, что хоть отбавляй. И всѣ эти дрова наломала Москва, а сложили ихъ въ кучу и приготовили для Стень-

ки, для Булавина и потомъ для Пугачева, помѣщики и, главнѣйше, чиновники, разумѣя тутъ, подъ этимъ названіемъ, и мелкихъ подъячихъ и крупныхъ бояръ и князей-воеводъ. Всѣ они постарались и потрудились.

Существуетъ взглядъ, что движеніе при Разинѣ такъ разрослось потому, что не совсѣмъ еще исчезъ тогда изъ народнаго представленія и народной памяти удѣльно-вѣчевой порядокъ и складъ жизни. Едва-ли это вѣрно. Что при удѣльно-вѣчевомъ порядкѣ народу жилось лучше, чѣмъ потомъ, особенно первое время, подъ властью Москвы, это не только можно предположить съ вѣроятностью, но это несомнѣнно такъ и было на самомъ дѣлѣ. Для маленькаго удѣльнаго князя удѣль его былъ, разумѣется, дороже, чѣмъ онъ былъ потомъ для воеводы, намѣстника-чиновника, который сегодня тутъ, а завтра тамъ, и который, по самому существу своему, какъ намѣстникъ, хотя-бы и отъ государства, не могъ и дѣйствительно не относился къ своему намѣстничеству иначе, какъ къ источнику только доходовъ, и притомъ такому источнику, изъ котораго сегодня черпаетъ онъ, а завтра будетъ черпать другой. Слѣдовательно, чѣмъ больше онъ изъ него вычерпаетъ, тѣмъ лучше—завтра еще неизвѣстно, придется-ли ему изъ него черпать. Это самое мы видѣли потомъ,

гораздо позже, на примѣрахъ совершенно тождественныхъ съ этимъ: помѣщичьи имѣнія, какъ ни плохи были помѣщики, все-таки не раззорялись ими такъ, какъ ихъ раззоряли потомъ чиновники, подъ разными наименованіями расплодившіеся съ невѣроятной быстротой въ удивительномъ количествѣ и доведшіе населеніе тамъ, гдѣ удавалось засѣсть имъ поплотнѣе, до того, что у половины крестьянъ не осталось лошадей—ни пахать, ни возить стало не на чемъ. Точно также должно было быть и при воеводахъ-намістникахъ, замѣнившихъ собою удѣльныхъ князей-собственниковъ.

Но при чемъ тутъ политическая тенденція—это совершенно непонятно. Ни при Алексѣѣ Михайловичѣ, ни при сынѣ его, ни раньше, при отцѣ его, даже передъ его отцомъ, въ междоцарствіе и раньше междоцарствія, при Шуйскомъ и Борисѣ Годуновѣ, не было ни одной, сколько-нибудь серьезной, попытки къ отдѣленію какого-либо бывшаго княжества: ни одно изъ нихъ не искало независимости, не старалось жить отдѣльной жизнію отъ всего общаго отечества съ головой въ Москвѣ. Не было точно также и никакихъ попытокъ къ отдѣленію и къ возвращенію своей утраченной политической независимости и со стороны бояръ и князей, потомковъ владѣтельныхъ нѣкогда родовъ. Все

слилось и сплотилось на вѣки вѣчные и мѣнять политическаго порядка никому не приходило и въ голову.

Но не было порядка гражданскаго, не было его внутри, ни въ администраціи, ни въ судахъ, ни въ выборахъ, ни во взаимныхъ отношеніяхъ сословіи другъ къ другу. «Сильный давилъ слабого, и силой, произволомъ своимъ, и къ тому же еще и закономъ. И законы были таковы, что и у нихъ, помимо несправедливости судей, нечего было искать защиты слабому противъ сильнаго. Дворянинъ, убившій крестьянина, особенно собственнаго, рѣдко отвѣчалъ. По «Уложенію», холопъ, котораго господинъ не кормилъ, могъ являться въ «Холопій приказъ» и требовать свободы, но получалъ ее тогда, когда жалоба его оказывалась справедливою, а она признавалась справедливою только въ такомъ случаѣ, если господинъ сознавался въ томъ, и, напротивъ, одного отрицательнаго слова его было достаточно, чтобы опровергнуть жалобу холопа. Въ случаѣ, если владѣлецъ убьетъ въ дракѣ крестьянина другого владѣльца, послѣдній бралъ изъ имѣнія убійцы лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми, вовсе безъ спроса о желаніи ихъ идти къ другому господину. Законъ разсматривалъ человѣка совѣмъ какъ скотину — за убитаго чужого вола отдай своего вола, за убитаго чужого человѣка

отдай своего человѣка. Дворянинъ, или сынъ боярскій, могъ, вмѣсто того, чтобы самому подвергаться правезу, посылать на истязаніе своихъ людей. Въ случаѣ, если дворянинъ, или сынъ боярскій, медлилъ явиться въ срокъ на службу, — брали его людей и крестьянъ и держали въ тюрьмѣ, пока господинъ явится. Самъ господинъ могъ наказывать, какъ хотѣлъ, своего подвластнаго. Къ довершенію всего, иногда люди и крестьяне, по приказанію своего господина, нападали на людей и крестьянъ другого, бывшаго съ нимъ во враждѣ, и, такимъ образомъ, изъ угожденія къ своимъ господамъ, люди и крестьяне били, грабили и убивали другъ друга».

Царскіе воеводы — довѣренныя царскіе люди — смотрѣли на свою должность, прямо какъ на доходъ и сами, ни сколько не стѣсняясь, открыто и откровенно высказывали этотъ свой взглядъ въ своихъ челобитныхъ. Такъ, напри- мѣръ, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ просился на Бѣлоозеро князь Звенигородскій. Хотя на Бѣлоозерѣ былъ тогда воевода на мѣстѣ, но князь представлялъ, что этотъ воевода живетъ на воеводской должности уже второй годъ и имѣлъ возможность составить себѣ состояніе; а онъ, князь, задолжалъ и умираетъ съ голоду и людишки его пропадаютъ на правезѣ. «Воеводы — говоритъ современникъ — не пользуются ни лю-

бовью, ни уваженіемъ въ народѣ; каждый годъ прибываютъ они на воеводство, вновь свѣжи и голодны, — грабятъ и обираютъ народъ, не обращая вниманія ни на правосудіе, ни на совѣсть; а какъ окончатъ свой срокъ, то ѣдутъ къ отчету и отдаютъ часть своей добычи тѣмъ, которые ихъ повѣряютъ въ четвертяхъ и приказъ».

Сила выборнаго управленія въ XVII вѣкѣ упала. Она подчинялась всецѣло вліянію воеводъ и дьяковъ. Выборы производились подъ ихъ рукою и при томъ только богатыми членами общины. Понятно, что это были не выборы, а наборъ людей или заранѣе согласившихся молчать обо всемъ, или прямыхъ пособниковъ администраціи, такихъ же воровъ, какъ воеводы, дьяки и подъячіе ихъ. И ничего нѣтъ удивительнаго, что эти выборные нерѣдко превосходили воровствомъ даже тѣхъ, кому обязаны были своими выборными должностями и утвержденіемъ въ нихъ. Это было не выборное земское начало, а какое-то посмѣшище, издѣвательство въ дѣйстви, на самомъ дѣлѣ, надъ принципомъ и идеей земскаго управленія и вообще земскаго выборнаго начала. Сохранились рассказы, о подвигахъ такихъ выборныхъ, по истинѣ невѣроятные, но когда мы знаемъ подъ чѣмъ давленіемъ производились выборы и, вообще, во что они были

обращены,—дѣло становится совершенно понятнымъ и другимъ оно и не могло и быть.

Отъ всѣхъ подобныхъ злоупотребленій жители разбѣгались; пустѣли цѣлые посады и большія села. «Удивительно, говоритъ современникъ, какъ люди могутъ выносить такой порядокъ и какъ правительство, будучи христіанскимъ, можетъ быть имъ довольно?..» Дѣйствительно, это на свѣжаго человѣка дѣйствовало, должно быть, ужасно. Онъ не могъ представить себѣ, почему сильная и крѣпкая центральная московская власть не только мирилась съ подобнымъ порядкомъ, но, казалось, сама способствовала еще процвѣтанію его, точно полагала, что, для ея существованія и силы, необходимы всѣ эти издѣвательства надъ насиліемъ и всѣ эти старанія вывести его, наконецъ, изъ терпѣнія и заставить возстать, точно, казалось, въ Москвѣ дѣлали какой-то опытъ надъ терпѣніемъ народнымъ...

Вотъ въ чемъ была дѣйствительная причина успѣха Разинскаго возстанія и вотъ почему оно такъ жарко разгорѣлось и сразу почти охватило всю тогдашнюю Россію и если гдѣ и не разгорѣлось, то, тѣмъ не менѣе, и тамъ его ждало населеніе съ такою же жадностью и съ такимъ же нетерпѣніемъ. Достаточно было въ иныхъ мѣстахъ одного слуха, что «батюшка Степанъ Ти-

мооеевичъ» идетъ, или непременно скоро придетъ и сюда, чтобы возставали немедленно же цѣлые уѣзды, помѣщиковъ - истязателей, жгли воеводъ, дьяковъ и подъячихъ вѣшали. Но нигдѣ и никогда при этомъ не заходило и рѣчи объ отдѣленіи отъ Москвы, о возвращеніи къ своей политической, независимой отъ Москвы самостоятельности — причины были вовсе не политическія, въ нихъ ничего политическаго даже и не было, — былъ, вопросъ о внутренней неурядицѣ, сдѣлавшейся наконецъ невѣроятною, непереносимою, и терпѣніе у народа лопнуло, такъ какъ и его терпѣнію бываетъ предѣлъ.

II.

Тамбовскія и шацкія земли раньше были заселены мордвою. До сихъ поръ еще, говоритъ г. Дубасовъ, изслѣдователь тамбовскаго края, сохранилось множество сель, деревень и урочищъ съ мордовскими названіями. Самое названіе губернскаго города Тамбова есть, по всей вѣроятности, мордовское. По мордовски Тамбовъ значитъ омутъ. Не далеко отъ Тамбова есть рѣчка Нару-Тамбовъ. Справляясь съ мордовскимъ словаремъ, мы узнаемъ, что Нару-Тамбовъ означаетъ «травяные омуты», что, какъ разъ, подхо-

доть къ свойствамъ названной рѣчки. Въ 90 верстахъ отъ Тамбова есть село Пичаево. И это названіе несомнѣнно мордовское. Когда-то, очень давно—говорить мордовская легенда—одинъ мордовскій князь кочеваль на мѣстѣ этого села. Тутъ у него умерла любимая жена и въ память ея огорченный мужъ вырѣзалъ изъ дерева статую, Пичь-аву, т. е. сосновую бабу. Въ окрестностяхъ Тамбова еще есть много мѣстностей, носящихъ мордовскія названія: Ляда, Итмай, Сюмоляй, Пичеяръ и другія.

Вскорѣ на мордву—коренное населеніе—нахлынули съ одной стороны русскіе, съ другой—татары. Русскіе били татаръ, татары били русскихъ и тѣ и другіе вмѣстѣ били мордву. Наконецъ, русскіе окончательно осилили татаръ и завладѣли и мордовской землей, гдѣ ужъ начало къ тому времени осѣдать татарское населеніе, бывшее и тутъ сперва, разумѣется, кочевымъ. Русскіе, т. е. Москва, обращались съ татарами, т. е. покоренными татарскими князьками, мирзами и проч., не только любезно и деликатно, но даже, можно сказать, почти какъ по родственному, какъ съ соплеменниками и дорогими, и любезными сердцу своему родственниками. Всѣ эти князья, князьки, мурзы и проч. не только были признаны тотчасъ же въ правахъ своихъ, но и награждены еще, особенно тѣ изъ нихъ,

которые были такъ благоразумны, что приняли вскорѣ христіанство, что, надо полагать, для нихъ не было особенно затруднительно, такъ какъ они въ христіанство шли даже очень охотно, понимая, что это очень выгодно. Благоразумная развязность въ такомъ вопросѣ, какъ дѣло совѣсти—вѣра, незамедлила вскорѣ принести имъ и еще большіе плоды и еще больше сблизила ихъ съ Москвой: Москва начала буквально сыпать дворянскими и всякими жалованными грамотами, помѣстьями, пашнями, сѣнными покосами, бортными угодьями, рыбными ловлями, крестьянами, бобылями, даже цѣлыми вотчинами. А мурзы, князья и князьки все это подбирали «подъ себя». «Се язъ—писалъ въ грамотѣ Василій III-й, — князь великій всея Руси пожаловалъ есма Микитку Васильева Мордвою въ кормленіе и во всѣ люди тое мордвы чтите его и слушайте». До сихъ поръ, особенно въ сѣверныхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи, почти всѣ уцѣлѣвшія дворянскія фамиліи татарскаго происхожденія. «Служилъ ты намъ подъ Тулою,—писалъ въ своей грамотѣ Шуйскій на имя мурзы Барашева—и взяли тебя въ полонъ и приветчи въ Тулу били кнутами и медвѣдемъ травили, и на башню взводили, и въ тюрьму сажали, и голодъ, и нужду всякую терпѣлъ, и съ Тулы пришелъ къ намъ съ вѣстями. И мы, великій госу-

дарь, царь и великій князь всея Руси, велѣли есмы дати тебѣ жалованную грамоту на княже-
ніе». «Мурзѣ князь Балаеву—писалъ въ своей грамотѣ Алексѣй Михайловичъ — ногою Айкину да Артуганову — жалованье на дикое поле по 10 четви въ полѣ, а въ дву потому жъ. А чтобы межъ ими впредь о той землѣ спору не было, первый рубежъ отъ рѣчки Воодрей на большую кудрявую березу, а отъ той березы, прямо на березу жъ, что подлѣ тальника, а отъ тое березы сквозь тальникъ на воловатую березу и до орлова гнѣзда».

Такимъ образомъ былъ образованъ и созданъ во вновь завладѣнномъ краѣ дворянскій элементъ. Но, надо полагать, прелестью и удобствами дворянскаго званія, благодаря царившему тогда въ краѣ хаосу, пользовалось гораздо еще большее число людей. Такъ, когда впослѣдствіи, на первомъ дворянскомъ собраніи, стали разсматривать доказательства на дворянское достоинство отъ дворянъ и мурзъ татарскаго происхожденія, то оказалось всего лишь 330 несомнѣнныхъ дворянскихъ фамилій, а претендовавшихъ на таковыя было до трехъ тысячъ...

Но, надо полагать, что многіе мурзы татарскіе, князья и князьки, ранѣе еще принятія свѣта христіанскаго ученія, приняли попеченія и заботы о своихъ крѣпостныхъ изъ русскихъ, которые

были конечно всѣ христіане. Объ этомъ обстоятельстве сохранилась масса указаній. Князьки татары-магометане, а крѣпостные ихъ — русскіе христіане. И такой порядокъ, никого, повидимому, особенно не смущая (кромѣ разумѣется крѣпостныхъ, выносившихъ все это на себѣ), продолжался гораздо дольше и послѣ Стенькиной эпохи. Его кончилъ уже Петръ Великій: и «бусурманамъ крестьянами православной вѣры не владѣть. Владѣющіе же должны креститься конечно въ полгода», писалъ онъ въ своемъ указѣ. И татарское дворянство Тамбовской губерніи, владѣвшее все это время крѣпостными христіанами въ согласіи или по недосмотру Москвы, разумѣется, усиленно начало просвѣщаться свѣтомъ христіанскаго ученія, не желая разстаться съ правомъ владѣть крѣпостными и пользоваться всѣми правами и удобствами, соединенными съ нимъ. Тутъ только крестились Енгалычевы, Ишеевы, Татаевы, Кашаевы и т. д. и т. д.

Помимо ужъ вообще неудобства такого порядка, были еще повидимому и другія, частныя, специфическія причины, дѣлавшія жизнь крѣпостныхъ у помѣщиковъ-магометанъ непереносимою. Русскіе мужики, бабы и дѣвки, пожалованные Москвою въ крѣпостные татарскимъ князькамъ, бѣжали отъ нихъ безъ числа, осо-

бенно дѣвки. Въ описи бумагамъ и дѣламъ, опубликованнымъ Рязанской архивной комиссіей, чуть не на каждой страницѣ встрѣчаются такіа заглавія дѣлъ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно щекотливаго положенія бабъ и дѣвокъ и дворянъ татарскихъ князьковъ... Если жизнь крѣпостныхъ, и у помѣщиковъ чисто русскаго происхожденія, была не завидна и соблазнъ при первой же возможности выйти изъ такого положенія былъ великъ, то, о положеніи крѣпостныхъ у помѣщиковъ-татаръ или татарскаго происхожденія, и говорить нечего, во сколько разъ оно было болѣе тяжело: ко всѣмъ ужасамъ тутъ прибавлялись еще обычаи и привычки помѣщиковъ-магометанъ, освященные или по крайней мѣрѣ не воспрещенные ихъ закономъ и совершенно недозволенные и даже прямо запрещенные христіанскимъ ученіемъ, исповѣдывавшимся ихъ крѣпостными.

Но если пренебреженіе къ вопросамъ вѣры вмѣстѣ съ странными привычками и обычаями, вводимыми у себя въ имѣніяхъ помѣщиками-татарами, имѣло огромное значеніе въ глазахъ ихъ крѣпостныхъ изъ христіанъ, то сами помѣщики, этимъ нарушеніямъ и нововведеніямъ, повидимому, не придавали никакого особеннаго значенія и смотрѣли на это просто, какъ на развлеченіе и при томъ вполнѣ невинное.

Особенно выдѣлялся и отличался въ этомъ отношеніи дерзостью помѣщикъ князь Куланчакъ-Еникеевъ. На него даже жаловались царю Оедору Ивановичу, что отъ него житья нѣтъ: «Близъ Пурдышевской пустыни Рождества Пресвятыя Богородицы и Василья Блаженнаго владѣть деревнею князь Куланчакъ-Еникеевъ, и люди его чинятъ намъ обиду и насильство великое и крестьянской вѣрѣ поругаются, на монастырь палками бросаютъ, — писали про него монахи, — а какъ ходимъ мы около монастыря со крестомъ по воскресеньямъ и по Владычнымъ праздникамъ и на ердань, и князь Куланчакова люди приѣзжаютъ на коняхъ и крестьянской вѣрѣ поругаются, кричатъ и смѣются, и въ трубы трубятъ и по бубнамъ бьютъ, и въ смыки и въ даюры играютъ, и съ огнемъ подъ монастырь приходятъ и сжечь хотятъ, и пашню монастырскую косятъ и дубы и борты тешутъ насильствомъ и отъ его Куланчаковыхъ людей прожить намъ впредь не можно».

Надо однако сказать, что монахи того времени, какъ и вообще тогдашнее духовенство, гораздо ближе принимало къ сердцу свое матеріальное благополучіе, чѣмъ всякія страданія и даже мученія и истязанія своей паствы. До этой «паствы» имъ повидимому было также мало дѣла, какъ и татарскимъ князьямъ и мурзамъ. И мо-

нахи, и бѣльцы и мурзы, смотрѣли на эту «паству», съ одной и той же въ сущности точки зрѣнія,—какъ на свое достояніе, приносящее имъ доходы и прибыль. Заботы у тогдашняго духовенства объ облегченіи участи крѣпостнаго населенія было очень мало. Оно не прилагало въ этомъ отношеніи никакихъ стараній и относилось совершенно къ нему индифферентно, заботясь только объ увеличеніи своего матеріальнаго благополучія, выманивая и выклянчивая у казны себѣ лишь новые и новые «гоны», «борты и «угоды» съ лѣсами, полями и проч. Всѣ тогдашнія заботы монастырскихъ настоятелей съ братіею были направлены исключительно въ одну сторону и именно вотъ въ эту. Цѣлая страныцы заняты этимъ клянченьемъ и нѣтъ ни одного указація ни на одинъ случай заступничества и защиты за несчастное измученное населеніе со стороны бѣлаго или чернаго духовенства. Все только клянченье и клянченье у казны и еще жалобы на это же изстрадавшееся населеніе, что оно «малопродуктивно», мало приноситъ «пользы!... Эти отношенія духовенства къ паствѣ своей переходили иногда прямо во враждебныя, когда оно не только не заступалось за угнетенныхъ, прибѣгавшихъ къ нему искать защиты и заступничества, но рѣшительно и открыто становилось на сторону угнетателей и развратниковъ,

помѣщиковъ-татаръ и русскихъ, дѣлившихся съ духовенствомъ, особенно, когда оно взяло за-силъе, конечно, щедрѣе вымотанныхъ и раззоренныхъ ихъ крѣпостныхъ. У духовенства былъ для этого подъ рукой всегда готовый и удобный предлогъ отдѣлаться отъ заступничества, прибѣгавшихъ къ нему: власть помѣщиковъ утверждена правительствомъ и она законная: она, эта власть, отеческая, а какъ же дѣтямъ возставать противъ своихъ отцовъ? И такой образъ дѣйствій духовенства, истекавшій изъ побужденій чисто и исключительно наживныхъ, стяжательныхъ, принесъ результаты — плоды тоже чисто только наживные и стяжательные. Монастыри дѣйствительно росли не помѣрно быстро, умножаясь и въ своемъ числѣ. За стачку съ воеводской или помѣщичьей властью, за поддержку этой власти, за освященіе ея божескимъ происхожденіемъ, духовенство получало въ видѣ благодарности, или какъ пай въ общей прибыли, богатые дары и вклады, нажитые этой властью отъ спокойнаго владѣнія крѣпостнымъ населеніемъ. А когда, въ минуты душевныхъ сомнѣній, тяжелой болѣзни, или въ предчувствіи близкой кончины, у притѣснителей народа являлись пробужденія совѣсти и страхъ передъ загробной жизнью, въ виду неминуемаго отвѣта за всю неправду, содѣянную на землѣ — они жертвовали на монастыри, за-

вѣщая имъ разныя «угодья», «гоны», «борты», лѣса, рыбныя ловы и проч. Опять, значить, доходъ...

Но если такъ удачно и «находчиво» поступало духовенство въ практическихъ своихъ дѣлахъ, въ дѣлахъ собственно стяжательныхъ, оно много, такъ много, какъ нигдѣ, упустило и потеряло въ своихъ нравственныхъ интересахъ. «Бренное», стяжательное, собранное и «нажитое» такимъ образомъ не пошло въ прокъ. Пожили всласть монахи собственно перваго, начальнаго періода своей осѣдлости въ Тамбовскихъ и шацкихъ земляхъ. Вскорѣ явился Петръ Великій и потребовалъ отъ нихъ, и очень сурово, обильной жертвы на алтарь отечества, нуждававшагося тогда въ томъ же самомъ, что такъ высоко цѣнили и они—въ матеріальныхъ благахъ.

Въ то же время, забвеніе своихъ нравственныхъ интересовъ, «невниманіе» къ своимъ духовнымъ обязанностямъ, даже совершенное, можно сказать, упущеніе ихъ и, даже больше, корыстное, съ заранѣе обдуманнѣйшими умыслами, недостойное и постыдное извращеніе ихъ, принесло такіе плоды, съ которыми еще ранѣе матеріальнаго погрома духовенству черному и бѣлому пришлось познакомиться и отвѣдать всю ихъ горечь.

III.

Измученное условіями крѣпостной обстановки и всякими неправдами, не находя нигдѣ и ни у кого защиты, населеніе могло отдыхать и находить себѣ утѣшеніе развѣ только въ духовной, созерцательной жизни, для которой не надо никакихъ монаховъ, бѣльцовъ. Изстрадавшееся населеніе искало въ этой полумистической духовной созерцательной жизни себѣ указаній и совѣтовъ для спасенія себя хотя бы въ загробной будущей жизни. Въ реальной дѣйствительной жизни оно ужъ не надѣялось найти его; спасеніе не откуда было придти. Давили помѣщики свои же, русскіе, давили помѣщики и изъ татаръ, давили подъячіе и воеводы, давили помѣщики-архимандриты и настоятели монастырскіе. Даже терялась вѣра въ царя, такъ какъ всѣ эти неправды доходили до Москвы, покрывались тамъ, и не приходило оттуда никакого наказанія притѣснителямъ. Вѣра во всякую правду на землѣ пропала у населенія и оно обратилось, угнетенное, все къ созерцательной жизни. Спасеніе и улада будутъ тамъ, за гробомъ. Стоитъ думать только о томъ, что будетъ за гробомъ. Надо уготовить себѣ тамъ жизнь, а объ этой что ужъ думать...

«Секты развились у насъ, — говоритъ И. И. Дубасовъ,—главнымъ образомъ среди помѣщичьихъ крестьянъ. Тяжелая, крѣпостная обстановка невольно влекла изстрадавшееся крестьянство къ религіозной мистикѣ и фанатизму. Духовенство же своими дѣйствіями полицейскаго характера не только не умирало толпу, а еще болѣе волновало. Отсюда происходило взаимное раздраженіе, роль котораго въ исторіи развитія тамбовскаго сектантства, по нашему мнѣнію, далеко не послѣдняя. При такихъ-то условіяхъ развивался мѣстный религіозный критическій анализъ. Люди, незабытые только тѣми, кто нуждался въ ихъ скудныхъ достояніяхъ, тамбовскіе крѣпостные и имъ подобные обыватели естественно искали отраду для своей горемычной жизни въ религіи и находили ее по своему».

И примѣровъ, подтверждающихъ эти слова г. Дубасова, въ его сочиненіи, можно найти массу. Оно переполнено ими, хотя почтенный изслѣдователь, по миролюбію ли своему, по другимъ ли какимъ причинамъ, находящимися въ связи съ его скромнымъ служебнымъ положеніемъ въ провинціальномъ городѣ, постоянно дѣлаетъ оговорки, что лучше-де не говорить объ этихъ грустныхъ фактахъ... Эта вольная, или невольная, излишне деликатная застѣнчивость его дѣлаетъ однако то, что многіе, чрезвычайно ха-

ракетные и важные факты представляются въ его изложеніи блѣдными и вялыми, отрывочными, тогда какъ чувствуется по общему ходу, что они были, напротивъ, яркими, рѣзкими и составляли звенья одной и той же безконечной цѣпи.

Тѣмъ не менѣе, г. Дубасовъ находитъ все же достаточно въ себѣ смѣлости, чтобы сказать о тамбовскихъ сектахъ, зародившихся у насъ и развившихся отъ вышеупомянутыхъ причинъ при вышеупомянутыхъ условіяхъ нижеслѣдующее: — «Съ половины XVII вѣка Тамбовскій край начинаетъ обращать на себя вниманіе разнообразіями и силою мѣстнаго раскола и сектъ. Съ теченіемъ времени это мистико-раціоналистическое и обрядовое своеволіе религіозной мысли все развивалось и усиливалось и Тамбовская губернія стала наконецъ такимъ краемъ, въ раіонѣ котораго по преимуществу выразилась рознь религіознаго сознанія...»

Удручающее, безвыходное положеніе загоняло мысль, искавшую объясненія окружающаго и спасенія отъ него, иногда въ ужасныя дебри. Явились секты варварскія, звѣрскія и совершенно безсмысленныя. Человѣкъ, живущій въ нормальныхъ условіяхъ экономическихъ, нравственныхъ и правовыхъ, не можетъ даже объяснить себѣ, какъ могли люди дойти до такого

звѣрства и такого идіотическаго пониманія и представленія себѣ о путяхъ спасенія. Только отчаяніемъ, до котораго были доведены люди, и можно себѣ объяснить это. Въ частной обывденной жизни такіе случаи объясняются характерной пословицей: «утопающій хватается и за соломенку», какъ, быть можетъ, ни бессмысленно кажется это, стоящему внѣ опасности, на берегу...

Движеніе это было такъ сильно, душевное угнетеніе было такъ обще, что даже люди, стоявшіе въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ несравненно выше всего населенія, первые два тамбовскіе архіерея, Леонтій и Игнатій, не удержались и поплыли тоже за всѣми по теченію...

Современное тогдашнее духовенство — черное монастырское и бѣлое — городское и сельское — очень близоруко посмотрѣло на дѣло. Кромѣ, конечно, несомнѣннаго участія тутъ дьявола, котораго надо изгонять всякими мѣрами, оно объясняло силу движенія не разореніемъ, не безпомощностью, не отчаяніемъ, до которыхъ было доведено наконецъ населеніе, а вообще его «буйственностью» и «своеволіемъ», наилучшими мѣрами противъ которыхъ должно быть то же самое, что и противъ дьявола, т. е. строгости, т. е. для тушенія пожара, начали подливать

масло въ огонь. Результатъ получился указанный нами въ словахъ г. Дубасова, — чѣмъ стала наконецъ вскорѣ Тамбовская губернія въ сектантскомъ отношеніи.

Почтенный историкъ Тамбовскаго края прямо дѣлаетъ даже указанія на фактъ и называетъ дѣйствующихъ лицъ, особенно отличившихся въ раздуваніи пожара, когда они думали, что они гасятъ. Самое печальное при этомъ явленіи это то, что подобное грустное недоразумѣніе въ выборѣ средствъ для борьбы съ сектами и расколами продолжалось съ самаго начала и вплоть, до самаго послѣдняго почти времени. Если еще получались для кого при этомъ результаты хотя сколько-нибудь положительные, то только для мѣстной полиціи и приходскаго духовенства, сѣумѣвшихъ, изъ борьбы съ сектантами и раскольниками, сдѣлать изъ себя неизсякаемый источникъ всяческихъ вымогательствъ и поборовъ. Но эти цѣли личныя и государство и церковь, конечно, не могли имѣть въ виду, т. е. желать ихъ, хотя они, конечно, должны были имѣть ихъ въ виду, т. е. понимать, что гоненія въ такихъ дѣлахъ, какъ дѣло вѣры, дѣло совѣсти, всегда приводятъ къ подобнымъ результатамъ и что гонители совѣсти въ подобныхъ случаяхъ и хитители — синонимы.

Дѣйствительно, въ то время мы видимъ только

одинъ результатъ борьбы съ сектантами и раскольниками — это ихъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе. Удивительнымъ здѣсь является не то, что полуграмотное, воспитанное въ невозможно жестокихъ условіяхъ (бурса, семинарія и проч.) и, далеко не образцово безкорыстное, мѣстное духовенство въ союзѣ съ земской полиціей, набранной изъ отбросовъ помѣстнаго дворянства, стояли за продолженіе борьбы въ этомъ направленіи, — удивительно то, что этотъ же повидимому взглядъ раздѣляли и центральное управленіе церкви и государство, не обращавшія, кажется, никакого вниманія на провѣрку донесеній мѣстныхъ церковныхъ управленій, изъ году въ годъ показывавшихъ въ своихъ донесеніяхъ одну и ту же цифру сектантовъ, именно 9,000 для всей губерніи. Горькая правда въ концѣ концовъ открылась, разумѣется, но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, слишкомъ уже поздно...

Какъ на образецъ удивительнаго хаоса, царившаго въ краѣ передъ наступленіемъ эпохи Стеньки Разина, собственно въ церковномъ тогдашнемъ управленіи, можно указать здѣсь на Черніевъ мужской монастырь, основанный старцемъ Матѣемъ, въ XVI столѣтіи. «Это былъ, говорится въ очеркахъ Тамбовскаго края, въ сущности казачій монастырь. Сюда шла замали-

вать свои не малые грѣхи голутвенная казацкая вольница, буйная и непокорливая: сюда же несли свои достатки разбогатѣвшіе на разныхъ промыслахъ удалцы тихаго Дона. Ближайшею судебнo-административною инстанціею для игумена и старцевъ Черніевой Матѣевоѣ пустыни былъ Черкасскій казачій кругъ съ атаманомъ во главѣ и уже черезъ нихъ нашъ древній монастырь входилъ въ сношеніе съ московскимъ правительствомъ».

Но это «вольное» происхожденіе монастыря было для него и причиною многихъ бѣдъ.

Исключительное положеніе Черніева монастыря вызывало противъ него усиленную вражду шацкихъ воеводъ и приказныхъ людей и это обстоятельство отзывалось на монастырской жизни крайне тяжело, что видно изъ слѣдующей казацкой отписки:

«Шацкіе служилые люди берутъ съ нашихъ монастырскихъ вотчинъ полоняночныя и ямскія деньги и стрѣлецкій хлѣбъ вдвое и втрое сверхъ царскаго указа и посылаютъ многихъ людей, а они емлютъ многія взятки и тѣмъ монастырскимъ людямъ чинятъ великое утѣсненіе и тюремное сидѣніе».

А съ другой стороны, случалось не рѣдко, что и самъ Донской покровитель мучилъ чернѣвскихъ монаховъ смертнымъ боемъ и ссылкой. Грабили воеводы съ приказными и подъя-

чими съ одной стороны, грабили основатели и покровители — съ другой. Положеніе монаховъ очевидно было крайне затруднительное. Чернѣвскій игуменъ Моисей однажды жаловался даже въ Москву на казаковъ:

«И тѣ казаки, забывъ страхъ Божій, озорничали и неповинныхъ старцевъ били плетьюми и ослопами безвинно и въ смиреніе сажали, а крестьянъ монастырскихъ съ женами и дѣтьми увозили на Хоперь, на Донъ, и на Медвѣдицу, и про то вѣдаютъ старосты и выборные крестьяне. Да тѣжъ казаки въ кельяхъ изъ пищалей стрѣляли и въ гудки играли и въ ложки били и служилыхъ царскихъ людей плетьюми били и въ монастырь запирали».

И такой порядокъ продолжался долго. Онъ кончился ужъ послѣ Разинскаго возстанія, въ которомъ чернѣвскіе монахи, не смотря на свое казацкое происхожденіе и на свою зависимость отъ казаковъ, не только не принимали участія, но, напротивъ, держали прямо сторону московскаго правительства и помогали ему въ подавленіи возстанія своими средствами. Они израсходовали тогда на это дѣло около тысячи рублей.

Въ 1685 году Чернѣвъ монастырь былъ приписанъ къ Тамбову, отнять у казаковъ и отданъ «на пропитаніе преосвященному Питуриму со всѣмъ его причтомъ вѣчно»...

Въ это время у чернѣвскихъ монаховъ образовалось довольно кругленькое состояннѣе: «638 крестьянскихъ дворовъ, земли 744 четы въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 2,540 копенъ, да лѣсъ черный со всякими угодыями, и съ раменья, и съ перелѣсьемъ, и съ орловыми гнѣздами, и съ бобровыми гонами и съ лосиными стойлами»...

Все это тогдашній тамбовскій епископъ Питиримъ своевременно и на законномъ основаніи, не смотря на московскую волокиту, укрѣпилъ за собою, но продолжительнаго благополучія для монаховъ оттого однакожъ не воспослѣдовало. Двѣнадцать лѣтъ позже, когда Петръ потребовалъ отъ монаховъ «усердныхъ и обильныхъ жертвоприношеній на пользу отечества» и когда тѣ ему въ этомъ отказали, онъ очень просто покончилъ съ ними: епархію Тамбовскую велѣлъ закрыть, а монахамъ чернѣвскаго монастыря, которыхъ въ это время было 28 человѣкъ начали выдавать «по 2 р. на человѣка, да имъ же хлѣба по 5 четвертей каждому, соли по два пуда, масла конопляннаго по ведру и дровъ по одной сажени»...

А сосѣдній Козловскій женскій монастырь въ это время впалъ «въ совершенное нищенство и только городъ Козловъ помогаль ему изъ кабацкихъ сборовъ»...

IV.

Ко всѣмъ этимъ тягостямъ, административнымъ, судейскимъ и духовнымъ, которыя переносилъ несчастный край, слѣдуетъ еще, для безпристрастной и полной картины, прибавить непрерывныя, одно за другимъ слѣдовавшія, нашествія непріятельскія, отъ которыхъ всѣ эти обильныя, и даже излишне обильныя власти, поставленныя Москвою, не оберегали населенія ни мало, а можетъ быть и не были въ состояніи оберегать.

Изъ года въ годъ, даже по нѣскольку разъ въ одинъ и тотъ же годъ, слѣдовали на край — Тамбовскій и Шацкій — набѣги, то татаръ, то калмыковъ, то просто воровскихъ людей съ Дона и даже неизвѣстно откуда. Всѣ эти набѣги характеризуются въ современныхъ сказаніяхъ болѣе или менѣе одинаково и только изъ болѣе пространнаго, или менѣе, описанія ихъ можно судить, что такое-то нашествіе было болѣе жестоко и губительно, а такое-то менѣе.

Набѣгали татары: крымскіе, ногайскіе, кубанскіе и азовскіе и калмыки. «Не разъ, говоритъ тамбовскій историкъ, внезапно и стремительно прорывали они наши валовыя крѣпости, избивая засѣчныхъ и иныхъ стражей и съ ги-

комъ и съ дикими возгласами появлялись скуластыя и узкоглазыя калмыцкія лица передъ самыми крѣпостными тамбовскими воротами, смущали наши малосильныя воинскія команды и ихъ воеводъ... Звонили у насъ тогда въ набатный колоколь тревогу, становились пушкари, пищальники и стрѣльцы на стѣнахъ и башняхъ, близъ главныхъ воротъ выравнивались на всякій случай конные и пѣшіе, а въ соборной Преображенской церкви служили молебны до тѣхъ поръ, пока азіатскіе кочевники не уходили обратно въ свои приволжскія кочевья»...

Калмыки очень скоро, какъ только откочевали изъ Китая принялись за Тамбовскій край. Они откочевали изъ Китая въ 1630 году, а лѣтъ черезъ двадцать, и даже менѣе того, они уже вмѣстѣ грабили и Шацкую, и Тамбовскую провинціи, не встрѣчая, повидимому, никакого себѣ сопротивленія. Все что дѣлало московское правительство—это откупалось отъ нихъ: средство, какъ извѣстно, мало очень дѣйствительное, скорѣй даже подзадоривавшее ихъ на новые набѣги, развивавшее только въ нихъ аппетитъ, посѣявшее въ нихъ увѣренность въ безсиліи Москвы оберегать отъ нихъ свои окраины.

Калмыковъ откочевало изъ Китая 50,000 кибитокъ и всѣ они откочевали къ Волгѣ. Историкъ Тамбовскаго края говоритъ объ нихъ по

поводу ихъ набѣговъ: «Такимъ образомъ отплатили они Русскому государству за гостепріимство. И мы не знаемъ чему въ данномъ случаѣ болѣе удивляться: необузданной ли наглости полудикихъ азіатовъ, или же чрезмѣрной терпѣливости и уступчивости московскаго правительства. Во всякомъ случаѣ, приведенный нами фактъ, (т. е. ихъ постоянные и дерзкіе набѣги), изъ исторіи нашихъ отношеній къ калмыкамъ долженъ быть объясненъ между прочимъ тѣмъ, что въ XVII столѣтіи правительственная энергія почти исключительно расходовалась внутри государства, а для окраинъ ея уже не хватало»...

Это однако, не совсѣмъ такъ. Московское правительство въ своихъ отношеніяхъ къ калмыкамъ энергію проявляло, но только не совсѣмъ такъ, какъ слѣдовало, употребляло не тѣ приемы, а потомъ, и это главнѣйшее, люди, которымъ оно поручало проявлять эту свою энергію, были по большей части такіе же точно воры и грабители, какъ и сами калмыки, и они скорѣе подражали имъ въ ихъ приемахъ, чѣмъ уважали или боялись ихъ. Представители Московскаго государства поступали, напримѣръ, такъ: «Въ самый разгаръ Разинскаго бунта умеръ калмыцкій ханъ Пипцукъ, наслѣдовалъ ему Аюка. На слѣдующій же годъ онъ истребилъ подъ Астраханью цѣлый стрѣлецкій полкъ». Начались

съ нимъ переговоры. «Тогда Аюкъ-тайша и всѣ приволжскіе калмыцкіе тайоны и князьки дали Астраханскому воеводѣ боярину князю Якову Никитичу Одоевскому клятвенное обѣщаніе примить и служить великому государю и съ пограничными воеводами быть въ любви и согласіи. За это царь Алексѣй Михайловичъ ихъ пожаловалъ, повелѣлъ выдавать калмыкамъ ежегодное денежное жалованье, но нѣкоторые астраханскіе и царицынскіе воеводы были такъ разсѣяны, что калмыцкое жалованье удерживали у себя. Бывало и хуже. Такъ, однажды, ѣхавъ изъ Астрахани въ Москву, бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій съ ратными людьми и межъ Чернаго Яру и Царицына калмыцкій улусъ и калмыцкихъ людей погромили, да въ полонъ взяли 15 челорѣкъ, да онъ же взялъ 50 лошадей и кововъ, и барановъ, и то, учинивъ умыслъ съ княземъ Одоевскимъ».

Вслѣдствіе этого, немедленно начались со стороны калмыковъ новые сильные набѣги.

Такой порядокъ доводилъ населеніе, и безъ того раззоренное и удрученное всякими домашними тяготами, до совершеннаго ужъ отчаянія: «Многихъ людей, говоритъ лѣтописецъ, имали и побивали и арканомъ въ плѣнъ волочили, отговариваясь передъ царскими гонцами (калмыки)

тѣмъ, что царскаго обѣщаннаго жалованья они не получали. И отъ тоя непрестанныя войны крестьяне оскудѣли въ конецъ и врознь брели».

И сколько московское правительство не расходовало своей «энергіи», сколько своихъ князей и бояръ съ деньгами и дарами къ калмыкамъ ни посылало, толку все не выходило, потому что все ограничивалось одними канцелярскими формальностями, написаніемъ и подписаніемъ договоровъ, потомъ пьянствомъ и, въ довершеніе всего, нарушеніемъ мирныхъ договоровъ, тутъ же, сейчасъ же вслѣдъ за подписаніемъ ихъ, самими посланными князьями и боярами.

Такъ тянулось все XVII столѣтіе. Воеводы князья и бояре, посланные Москвы, только упрямлялись въ это время въ канцелярскомъ краснорѣчьи, съ которымъ составляли договоры. Точно, чѣмъ витіеватѣе и напыщеннѣе будетъ составленъ договоръ, который они привезутъ съ собою, тѣмъ въ Москвѣ ему будутъ болѣе рады и оцѣнять ихъ заслуги и старанія. Такія же точно произносились при этомъ и рѣчи. Нѣкоторыя изъ нихъ не знаешь просто какъ и понимать — отъ ироніи онѣ такія, или отъ пьянства и безумія.

И Москва оставалась всеѣмъ этимъ, повидимому, довольна. Такой порядокъ тянулся вплоть

до Петра—ужъ онъ его кончилъ. Калмыки при немъ сдѣлали на Тамбовскій и Шацкій край набѣгъ, много селъ и деревень пожгли, жителей помучили и увели въ плѣнъ. Онъ послалъ разъ, два сказать, чтобы этого не было. На третій разъ онъ покончилъ ужъ по своему...

Говоря собственно о населеніи, о народѣ населявшемъ Тамбовскую и Шацкую провинціи, тамбовскій историкъ говоритъ:

«Большинство тамбовско-шацкаго населенія, по старой привычкѣ, выносило свою судьбу, но иные не мирились съ своимъ положеніемъ и бѣжали босые и нагіе, на вѣкъ покидая свои дома и семьи, или же забирали съ собою и самыя семьи, оставляя на родинѣ совершенную пустынь. Бѣжали старики и дѣти, забывая немощи своего возраста».

Наибольшій контингентъ бѣглыхъ доставляли все-таки барскія вотчины.

И. И. Дубасовъ, много потрудившійся для освѣщенія прошлаго Тамбовской губерніи, говоритъ, что однажды въ губернскихъ архивахъ, разбирая связки дѣлъ о бѣглыхъ, ему между ними попалась одна, въ которой было до двухсотъ прошеній явочныхъ и вотчинныхъ бѣглецовъ и всѣ одного и того же года. «Крѣпостные бѣжали, по словамъ нашихъ документовъ, говоритъ онъ, съ голоду и отъ несносныхъ по-

боевъ». Бѣжали дѣти и древніе, совсѣмъ дряхлые старики и старухи. Сохранилось извѣстіе объ одной бѣглой старухѣ помѣщика Перепечина, Анисьи Акимовой, которой въ годъ ея побѣга съ барской усадьбы было 80 лѣтъ. «Значить желанія свободы и условія этого желанія были слишкомъ сильны!» замѣчаетъ историкъ. Между прочими причинами частыхъ побѣговъ былъ и обычай помѣщиковъ продавать своихъ крѣпостныхъ «въ розницу» — родителей въ однѣ руки, дѣтей въ другія.

Не довольствуясь всякимъ безчинствомъ и грабежами у своихъ крестьянъ, многіе помѣщики образовывали тогда шайки и съ ними ходили грабить сосѣдей и окрестныя села и даже пригороды. Противъ нихъ надо было иногда посылать воеводамъ цѣлые отряды. Сохранилось извѣстіе объ одномъ помѣщикѣ Карѣевѣ. Его очень часто ходили смирять командами, но «онъ чинился тѣмъ командамъ весьма противенъ и за тою его противностью была въ поимкѣ воровъ крайняя остановка».

Одновременно съ нимъ по Окѣ занимался грабежемъ помѣщикъ Самсоновъ. Онъ грабилъ купеческія и казенныя суда.

Подъ Темниковымъ грабилъ помѣщикъ Кашаевъ.

Даже помѣщицы выходили на разбойничье поприще. Тамъ особенно отличалась княгиня Марья

Алексѣевна Енгалычева. Между прочимъ, она съ своей шайкой однажды напала на людей Савельева и ихъ ограбила и «била ихъ дубьемъ смертнымъ боемъ и сняла съ нихъ господскихъ денегъ шестнадцать рублей, да шубу новую, цѣна 2 рубля, кушакъ новый верблюжій, цѣна 30 коп. да шапку съ рукавицами, цѣна 50 коп.». «И стали мы отъ тое лютости едва живы—разсказывали они потомъ — а наижесточайше били насъ княгининъ дьячекъ Силантій Семеновъ».

Въ другой разъ княгиня Марья Алексѣевна ночью напала на соннаго помѣщика Веденяпина, заѣхавшаго по дорогѣ переночевать къ своей знакомой помѣщицѣ Чурмонтѣевой. «И въ то число,—жаловался онъ потомъ на Марью Алексѣевну,—въ полночь къ одной вдовѣ Чурмонтѣевой пріѣхала воровски княгиня Енгалычева съ людьми своими и со крестьяны и съ попомъ своимъ Семеномъ Акимовымъ, да съ дьячкомъ Силантіемъ Семеновымъ и, связавъ меня, били смертно и топтали и деньги 70 рублей моихъ отняли, и лошадь мерина гнѣдого отнялижъ»...

Княгиня Енгалычева въ этомъ отношеніи была не единственная въ своемъ родѣ: одновременно съ нею упоминается между прочими помѣщиками-воительницами еще и какая-то помѣщица Моисеева. Въ разные мѣсяца и числа, деннымъ и ночнымъ временемъ съ ружьями и

со всякимъ дреколіемъ, — писали про нее, — та Моисеева, съ своими дворовыми умышленно, какъ разбойники, приѣзжаетъ и безъ всякаго милосердія бьетъ и разоряетъ напрасно и то чинить со многими почастно...»

Не отставали отъ помѣщиковъ и помѣщицъ въ этомъ отношеніи и духовныя особы.

Кромѣ вышеупомянутыхъ атамановъ енгальчевской шайки, дьячка Силантія, Семенова и попа Семена Акимова, дѣйствовавшихъ подъ княгининымъ началомъ, имѣется многое множество случаевъ грабежей и разбоевъ, произведенныхъ духовными особами за свой, такъ сказать, личный счетъ и совершенно самостоятельно.

Такъ, напримѣръ, въ шацкихъ лѣсахъ грабилъ и особенно отличался дьячекъ Ѳедоръ Поповъ съ братьями. Въ его же шайкѣ отличались: попъ Степанъ и дьяконъ Иванъ, оба съ своими дѣтьми церковниками. По ночамъ эти «духовныя особы» выходили изъ лѣсовъ «и всѣ тѣ люди съ рогатинами ходили по селамъ и чинили разбой и огнемъ людей жгли и было отъ нихъ огненное хоромное запаленіе».

А въ другомъ углу шацкихъ лѣсовъ въ это же время грабилъ попъ села Сосновки съ своимъ братомъ и дѣтьми. Въ полночь уѣдутъ на грабежъ, а къ утру вернутся и все время потомъ и пьянствуютъ.

Въ Темниковѣ былъ такой случай. «Однажды въ деревню Кяргу пріѣхалъ съ солдатами протопопъ миссіонеръ Казанскій. Не долго думая и не тратя краснорѣчія, онъ приказалъ своимъ спутникамъ вязать кяргинскую мордву и приготовился насильно крестить ее. Такая проповѣдь язычникамъ не понравилась и они съ трудомъ отбились отъ протопоба и усакали въ лѣсъ. Между тѣмъ, имуществомъ ихъ вполне воспользовался Казанскій».

Даже цѣлые монастыри выходили на разбой и грабили крестьянъ. «Саровской пустыни строитель Ефремъ съ братіею,—жаловались сосѣдніе починковскіе крестьяне,—завладѣлъ нашею мельницею на рѣкѣ Сошѣ и травятъ тѣ саровскіе монахи собаками овецъ нашихъ, гусей, утокъ, отняли у насъ рыбную ловлю въ устьѣ Сатоса, завладѣли нашими сѣнными покосами, и еще владѣютъ нагластно дачами нашими на рѣкѣ Пущѣ и лубки и мочалы наши свезли».

Историкъ тамбовскій по поводу всего этого замѣчаетъ: «Въ числѣ народныхъ обидчиковъ и нарушителей общественнаго спокойствія въ это время не послѣднее мѣсто занимали и монастыри и приходское духовенство...»

И все это тогда — всѣ эти насилія, грабежи и разбои — помѣщикамъ, духовнымъ, подъячимъ и воеводамъ сходило съ рукъ благополучно, какъ

будто всему этому такъ и должно было быть и они на это имѣютъ права. Простыхъ же и бѣглыхъ людей, попадавшихся въ лѣсахъ, въ разбойномъ дѣлѣ, привозили въ Шацкъ къ допросу, и тогда, какъ на торжество какое или на представленіе, всѣ собирались на городскую площадь «и смотрѣли какъ вырѣзывали людямъ поздри и клеймили имъ лбы и какъ полосовали ихъ плетьюми и батогами».

Особенно прославился въ то время въ Шацкѣ заплечный мастеръ Молоствовъ. «Это былъ человѣкъ отличавшійся крайнею жестокостью и въ свое суровое время исполнявшій свои обязанности съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ убилъ своего сына-младенца и питался молокомъ своей жены, грудь которой сосалъ до крови...»

Вотъ какими воспитательными зрѣлищами «умиротворяли» ограбленное, разоренное, измученное населеніе, надъ которымъ, вмѣсто удовлетворенія его нуждъ, еще издѣвались и глумились...

V.

Сѣверная часть Тамбовской провинціи, въ тогдашнее время — теперешніе уѣзды Шацкій, Кадомскій и Темниковскій — представляла почти сплошное, лѣсное пространство. Теперешніе

уѣзды Тамбовскій, Моршанскій и Козловскій, были тоже покрыты лѣсами, но уже не такими сплошными и непроходимыми. Сосѣдніе уѣзды нынѣшнихъ Рязанской и Пензенской губерній были также лѣсные. На всемъ этомъ пространствѣ было житье всѣмъ тѣмъ, кто вольно или невольно хотѣлъ жить звѣриной жизнью и отказывался отъ общества и отъ общины.

И лѣса эти были заселены. Въ нихъ жили и укрывались какъ звѣри, бѣглые крѣпостные, «воровскіе казаки», всякій сбродъ, промышлявшій ночами подъ ближними селами и усадьбами. Наконецъ, жили въ нихъ бѣглые «духовные особы» и скрывавшіеся отъ безпрестаннаго «сидѣнья въ осадахъ» дворяне и дѣти боярскіе. Впослѣдствіи ужъ, гораздо позже, въ нихъ же начали скрываться и проживать дѣти боярскіе, не желавшіе учиться и служить.

Передъ Стенькинымъ возстаніемъ населеніе этихъ лѣсовъ было особенно сильно. Тамъ скопилось и жило десятки тысячъ всякаго народа, озлобленнаго, отчаяннаго, готоваго примкнуть къ какому угодно протесту противъ существующаго общественнаго и государственнаго строя, въ который они ужъ извѣрились и отъ котораго не ждали для себя ничего лучшаго и въ будущемъ.

Всѣ попытки выманить ихъ оттуда обѣщаніями

и посулами не приводили ни къ чему, а выгнать силою у помѣщиковъ, приказныхъ и воеводъ, не хватало на это ни средствъ, ни силы.

Было нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ, но они всѣ ни къ чему не приводили, кромѣ какъ къ новому и еще большему раздраженію населенія и новымъ побѣгамъ въ лѣса.

Съ другой стороны, съ этимъ лѣснымъ населеніемъ, ожесточеннымъ, озлобленнымъ и одичавшимъ, было и не безопасно вступить въ открытыя враждебныя отношенія... Оно собиралось тогда въ шайки, въ цѣлыя банды и, подъ предводительствомъ атамановъ, дѣлало оттуда набѣги, жестоко мстя за свое безпокойство своимъ грабителямъ и утѣснителямъ, отъ которыхъ оно туда, въ эти лѣса, ушло.

Такъ, однажды, это лѣсное населеніе не побоялось напасть даже на самого шацкаго воеводу Карташева въ самомъ городѣ Шацкѣ, и онъ едва спасся изъ своего дома.

Понятно, что, рано или поздно, существовавшему тогда общественному и государственному строю предстояло неминуемо придти съ этимъ лѣснымъ и бродячимъ населеніемъ въ столкновение и свести жестокіе счеты.

Но представители власти и законнаго порядка, зная очень хорошо всю трудность подобной задачи, не торопились съ этимъ дѣломъ и только

такъ, больше для проформы, чѣмъ для острастки, дѣлали по окраинамъ лѣсовъ нѣчто въ родѣ военныхъ прогулокъ и захваченныхъ одинокихъ бѣглыхъ и разбойныхъ людей, какъ сказано было выше, приводили на городскія площади и тамъ, болѣе въ назиданіе мирныхъ гражданъ, чѣмъ для дѣйствительной пользы, мучили и истязали.

На лѣсное населеніе все это нисколько не дѣйствовало или, если и дѣйствовало, то совершенно обратно тому, какъ это бы было желательно, и, ни набѣги, ни разбои, оттого нисколько не прекращались.

Московская центральная власть, до которой все же доходили слухи о разбояхъ и грабежахъ, о бѣглыхъ и воровскихъ людяхъ, собиравшихся въ банды и цѣлыя скопища, дѣлала предписанія мѣстнымъ тамбовскимъ и шацкимъ воеводамъ ходить на нихъ и разбивать ихъ, и ловить ихъ, но ни средствъ на это не давала, ни указывала откуда ихъ взять. Воеводы объ этомъ отписывали и дѣлали вотъ такія невинныя военныя прогулки по опушкамъ.

Да если бы воеводы и проникали далеко, въ глубь лѣсовъ и ловили бы скопища, собравшіяся тамъ, то, все равно, изъ этого ничего бы не выходило, такъ какъ общественный и государственный строй тогдашній безпрестанно и все больше и больше поставлялъ туда обиженныхъ

и недовольныхъ, потому что и самихъ обидчиковъ становилось съ каждымъ годомъ все больше и больше: помѣщиковъ все прибавлялось, подъячихъ расплодилось видимо-не-видимо.

Додуматься до простого и разумаго соображенія, что нечего считаться съ послѣдствіями, и это даже совершенно бесполезно, пока не устранены причины, порождающія эти послѣдствія, въ Москвѣ не хотѣли, или не могли, тогда по причинамъ, имя которымъ легионъ.

Такъ дѣло и стояло.

Въ лѣсахъ и на рѣкахъ образовалось и укрѣпилось совершенно особое населеніе, понятія о которомъ ни у кого не было при удѣльныхъ князьяхъ, специально и специфически обязанное своимъ происхожденіемъ Москвѣ и московскимъ порядкамъ, и жившее на соблазнъ и искушеніе всему остальному мирному и покорному населенію городовъ, полянъ, и всякихъ открытыхъ и неудобныхъ для «буйственнаго скопленія» мѣстъ.

Соблазнъ этотъ и искушеніе для мирнаго населенія былъ великъ.

Оттуда, изъ лѣсовъ, во-первыхъ, приходили ихъ грабить «буйственные» и «воровскіе» люди, слѣдовательно, оно, это мирное и покорное населеніе, содержало ихъ, потомъ, они же, эти «буйственные» съ дерзостью и глумленіемъ, смѣялись надъ ними, говоря:

— Ну, что вы тутъ сидите, чего вы боитесь, холопы вы, подлые трусы, по дѣломъ вамъ, такъ вамъ и надо.

И ничего имъ не могло отвѣтить кроткое и терпѣливое, покорное, остававшееся вѣрнымъ, населеніе на ихъ зажигательныя рѣчи, потому что выходило, повидимому, такъ, что и въ самомъ дѣлѣ бояться было нечего.

— Вѣдь, вы видите, бояться нечего, мы грабимъ васъ, а не вы насъ. Вы содержите и помѣщиковъ вашихъ, и воеводъ, и подъячихъ, и приказныхъ, и не могутъ они васъ, кормильцевъ своихъ, защитить отъ насъ и даже самихъ себя не могутъ защитить.

Зажигательныя эти рѣчи дѣйствовали, во-первыхъ, потому что, у этого кроткаго и остававшегося вѣрнымъ населенія, при всей его покорности, все же на сердцѣ, на душѣ и на спинѣ наболѣло ужъ достаточно, а потомъ, и въ самомъ дѣлѣ: кормятъ, поятъ, содержать они всѣхъ этихъ воеводъ, помѣщиковъ, подъячихъ и приказныхъ, а они защитить не могутъ даже и самихъ себя. Лучше, чѣмъ работать да содержать и кормить и тѣхъ и другихъ — и воеводъ, и помѣщиковъ съ одной стороны, и разбойныхъ и бѣглыхъ людей — съ другой, — пойти самимъ туда въ лѣса и то же самое дѣлать, зажить той же жизнью, какъ и бѣглые, и воровскіе люди...

Вопросъ этотъ, такимъ образомъ, становился вездѣ, повсемѣстно, давно уже, и становился ребромъ, потому-что «буйственныя» и «воровскіе люди», предлагая его къ добровольному и свободному разрѣшенію, не всегда долго давали размышлять и ждать отвѣта, а прямо и просто уводили съ собою «на низы» и въ лѣса колеблющихся и нерѣшающихся.

— Насъ били, мучили, огнемъ жгли, всячески истязали и въ неволѣ держали, — говорили въ свое оправданіе эти уведенные, когда они потомъ попадались, или ихъ изловятъ, или сами встосковавъ о семьяхъ своихъ, возвращались въ свои села и деревни, но это не всегда и не со всѣми такъ было; воеводы, подъячіе и помѣщики знали это очень хорошо и, конечно, не довѣряли имъ.

И это лѣсное и рѣчное, голодное, озлобленное населеніе увеличивалось изъ года въ годъ, становясь изъ года въ годъ сильнѣе и смѣлѣе поэтому. Обнищалые дворянчики, утекая отъ царскаго московскаго или мѣстнаго воеводскаго гнѣва, разстриги попы и просто виноватыя въ дерзости или проворовавшіеся, а также и опытные въ «воровскихъ» дѣлахъ казаки съ низовьевъ Дона, бѣжавшіе почему-либо отъ своего мѣста и нашедшіе теперь пріютъ въ этомъ угрюмомъ и отчаянномъ населеніи, верховодили въ

немъ, сплачивая его по временамъ въ банды и шайки для отдѣльныхъ, разрозненныхъ случаевъ грабежа, нападеній или отраженія нападеній на себя самихъ со стороны воеводъ и властей.

Матеріаль для возстанія, для всякой дикой расправы съ притѣснителями и съ властями, которые этимъ притѣснителямъ покровительствовали, а въ большинствѣ случаевъ и сами были притѣснителями, — давно ужъ былъ готовъ. Отдѣльныхъ случаевъ организованнаго отпора царившему произволу и насилію сильныхъ и богатыхъ надъ бѣдными было множество и почти всѣ они были удачны. Дерзость, ушедшаго въ лѣса и въ степи населенія отъ этихъ удачъ, весьма понятно, росла. Сознаніе, что терять нечего, что хуже теперешняго ужъ положенія ничего и придумать нельзя, укрѣпляло рѣшимость на самыя отчаянныя попытки, посчитаться и съ своими притѣснителями и съ властями, у которыхъ эти притѣснители были въ охранѣ.

Не доставало только одной общей, связующей всѣхъ, центральной силы, которая бы объявила свой планъ, программу, и подняла бы знамя для общаго и повсемѣстнаго со всѣхъ сторонъ нападенія на угнетателей и на ненавистную за попустительство и за участіе въ притѣсненіяхъ власть.

Такой, объединяющей, всѣхъ недовольныхъ,

угнетенныхъ и обиженныхъ, силой, объявился казацкій атаманъ Разинъ, котораго власти помѣщики и подъячіе называли «Стенькой», а казаки и народъ «батюшкой Степаномъ Тимоѣевичемъ». Онъ идетъ съ совершенно опредѣленной программой; помѣщиковъ, поповъ и подъячихъ вѣшать и жечь, имѣнія ихъ и имущество грабить и брать себѣ, а народъ объявлять вездѣ вольнымъ и устроить его на вольный казацкій манеръ. И идетъ онъ не самъ по себѣ, а сопровождаетъ царевича Алексѣя Алексѣевича, бѣжавшаго отъ жестокостей царя-отца своего, утѣснявшаго его всячески по навѣтамъ боярѣ, которые совсѣмъ съ толку сбили царя и властвуютъ имъ, какъ хотятъ. Идетъ, плыветъ по Волгѣ вверхъ и патріархъ Никонъ, который тоже стоялъ за народъ и за старую вѣру, и которую тоже, какъ свою помѣху, бояре вмѣстѣ съ духовными свергли, но онъ спасенъ отъ нихъ и теперь идетъ, благословляя за свободу и за вѣру.

Эти слухи, распускаемые «прелестными» людьми, встрѣчались жадно въ лѣсахъ и имъ внимали, какъ давножданной и благословенной вѣсти о свободѣ и разгулѣ, которыми потѣшались наконецъ надъ своими утѣснителями загнанные и обиженные. Обобранное, поруганное населеніе сель и деревень, еще хранившее кое какъ, страха ради и отупѣнія, свою покорность, внимало

имъ съ затаенной радостью въ сердцахъ, и вѣря и не вѣря въ скорое свое освобожденіе.

Начали получаться воеводами въ городахъ угнетеннаго края грамоты изъ Москвы, въ которыхъ говорилось, чтобы «Божіимъ и нашимъ государевымъ дѣломъ промышляли сопча и провора и измѣнника, про Стеньку Разина и про воровскихъ казаковъ, провѣдывали всякими мѣрами и промыслы и поиски надъ ними чинили».

Грамоты эти въ секретѣ оставаться не могли, слухи объ нихъ проникали изъ приказныхъ избъ въ населеніе осѣдлое и «убѣжавшее» и только подтверждали слухи, распускаемые бѣглыми людьми и казаками, вызывая общую радость.

Скоро стали появляться люди, рассказывавшіе, что своими глазами видѣли плившіе по Волгѣ струги — одинъ краснымъ бархатомъ покрытый и на немъ царевича Алексѣя Алексѣевича, а другой крытый чернымъ бархатомъ и на немъ великаго патріарха Никона. И провожаетъ ихъ «батюшка, Степанъ Тимоѣевичъ, а силы его и не счесть»...

Переполохъ, который начался по городамъ послѣ полученія этихъ грамотъ и со всѣхъ сторонъ доходившихъ вѣстей о могуществѣ и побѣдахъ надвигавшейся по Волгѣ силы, дѣйствовалъ на населенія и мирное, и бѣглое, тѣмъ рѣшительнѣе, что всѣ отлично знали то безпомощ-

ное и убогое состояніе, въ которомъ находились средства сопротивленія и защиты у этихъ городовъ, и начавшихъ собираться для отсиживания въ нихъ бояръ и дворянъ съ своими семьями и челядью, очень сомнительной преданности.

Населеніе — есть прямое указаніе на это — знало отлично отписки воеводъ въ Москву въ отвѣтъ на эти грамоты. Эти отписки были жалкаго и убогаго характера: признавалась полная невозможность сопротивленія, выражалось уже не подозрѣніе, остававшагося еще мирнымъ, осѣдлаго населенія въ вѣрности, а прямо увѣренность въ непремѣнной его измѣнѣ, при первомъ появленіи Стенькиныхъ передовыхъ бандъ.

Воеводы писали о своихъ силахъ просто, по-видимому, невѣроятное даже. Въ одномъ городѣ оказывалось «сорокъ пищалей и семь пистолей», въ другомъ «пятнадцать мушкетовъ» и т. п. Въ такихъ же приблизительно размѣрахъ были и запасы свинца и «зелья», т. е. пороха. Жалоба на недостатокъ оружія и на полную ненадежность населенія и мѣстной воинской силы была общая у всѣхъ у нихъ и всѣ они только и молили, что о скорѣйшей присылкѣ того и другого.

Но и понимая всю опасность пустить въ этотъ край Стеньку или его атамановъ, московское правительство все-таки было безсильно оказать воеводамъ немедленную и сколько-нибудь серъ-

езную помощь. Оно все писало имъ, чтобы они собирали «безъ всякаго мечтанья дворянъ и дѣтей боярскихъ», вооружали ихъ и вели съ собою противъ «воровъ и воровскихъ казаковъ, забывшихъ Бога и его, государеву, милость, чинить промысль и розыскъ».

А дѣти боярскіе и дворяне шли отъ этого на утекъ и охотнѣе прятались въ лѣсныхъ трущобахъ, чѣмъ соглашались выступать въ бой съ казаками и воровскими людьми, ни малѣйше не сомнѣваясь въ своемъ пораженіи и будучи въ то же время убѣждены въ неминуемой своей казни, какъ только попадутъ въ руки къ «вору Стенькѣ» на расправу.

Кое-что только Москва могла выслать и выслала. Такъ, она выслала незначительный отрядъ иноземцевъ, бывшихъ и тогда уже у насъ на службѣ и потомъ прислала въ Тамбовъ офицеровъ-начальниковъ: «1 полковника, 1 маіора, 7 ротмистровъ, 1 капитана, 10 поручиковъ, 1 квартирмейстера, 10 прапорщиковъ, 1 адъютанта, всего 32». Всѣ они были отосланы изъ Иноземнаго Приказа.

Были присланы также и тоже въ незначительномъ числѣ и московскіе стрѣльцы.

Организація всѣхъ остальныхъ силъ была представлена самимъ мѣстнымъ воеводамъ и изъ мѣстнаго же населенія.

Москва однако прислала знамена, шнуры, кисти, бахрому и проч. для войска. Такъ, было прислано, вмѣстѣ съ «квартирмейстерами», «поручиками» и пр., 10 знаменъ рейтнерскихъ съ древками, и въ томъ числѣ одно знамя камчатное, бѣлое, въ серединѣ крестъ и звѣзда, камчатное черное да 9 знаменъ тафтяныхъ тоусинныхъ въ серединѣ крестъ и звѣзда, тафтяное жъ бѣлое, около знамени бахромы шелковыя разныхъ цвѣтовъ, да къ тѣмъ же знаменамъ 10 снуровъ шелковыхъ съ кистями и съ ворвоки; 10 трубъ мѣдныхъ съ завѣсы и съ шнуры, а завѣсы у нихъ тафтяныя, бахромы тонкія. трои литавры; 30 паръ пистолей съ олетры, 30 карабиновъ съ ремени и съ крюки».

Становится, читая эти всѣ грамоты и отписки, ярко рисующія картину совершенной безпомощности власти, совершеннаго ея убожества, понятнымъ, чтобы такое неминуемо произошло въ краѣ, еслибъ эти всѣ передовые шайки и атаманы Разина появились ранѣе неудачи его подъ Симбирскомъ, когда онъ, какъ лава, текъ по всему пространству Волги, широко и на далеко захватывая и берега ея... Но тутъ ужъ онъ былъ поколебленъ, обаяніе его падало, доносился громъ его прежнихъ побѣдъ: передовые его атаманы шли, но ужъ ихъ никто и не подкрѣплялъ, опереться было имъ не на кого. Были только сшибки

передовыхъ безъ поддержки за ними слѣдовавшихъ главныхъ силъ: этихъ силъ уже не существовало,—гудѣлъ, наводя ужасъ, старый громъ: громъ слышался, а ужъ туча разсѣялась; тамъ на Волгѣ ужъ прояснилось...

VI.

Едва ли не первое извѣстіе о томъ, что передовые изъ Стенькиной силы ужъ объявились и начали «чинить всякое худо», получилъ шацкій воевода Остафьевъ: отъ 12-го октября онъ доносилъ въ Москву «Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу». Онъ писалъ: «Холопъ твой Андрюшка Остафьевъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ, часу въ четвертомъ ночи прибѣжалъ въ Шатцкой (г. Шацкъ) вотчины боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго, села Сотницына, приказной человѣкъ Микифоръ Микулинъ; а въ распросѣ передо мною, холопомъ твоимъ, сказалъ: въ Шатцкомъ де уѣздѣ въ селѣ Кабяковѣ объявились воровскіе казаки, и боярина князя Одоевскаго, приказнова человѣка Ѳедора Межина, на проѣздѣ убили до смерти; до того жъ, государь, числа пробѣжалъ въ Шацкъ крестьянинъ Кло-

кова Ивашка Ѳедоровъ, а въ распросѣ сказалъ: ѣздилъ де онъ за рѣку Цну съ помѣщицею своею и съ сыномъ еѣ, и въ селѣ Кошебѣевѣ объявились воровскія жъ казаки и сына де еѣ при немъ, Ивашкѣ, срубили, а ево де отпустили и приказали ему молить Бога за нечаю царевича Алексѣя Алексѣевича, да за патріарха Никона, да за Стеньку Разина. Да того жъ, государь, числа шацкихъ селъ воевода Василей Строевъ посылалъ въ твою государеву въ дворцовую Ивину слободу для провѣдованья тѣхъ же воровскихъ казаковъ поляка Лунку Алексѣева, и онъ де Лунка прибѣжалъ къ нему Василю и въ распросѣ сказалъ, что де въ той слободѣ объявились воровскіе казаки, да онъ же Лунка видѣлъ у нихъ два значка; а та слобода отъ Шатцка въ 20 верстахъ»...

Затѣмъ и пошло. Товарищъ Тамбовскаго воеводы Якова Хитрово писалъ: «Холопъ твой Еремка Пашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ пошелъ изъ Танбова думной дворянинъ и воевода Яковъ Тимофѣевичъ Хитрово въ походъ, а меня, государь, холопа твоего, оставилъ въ Танбовѣ, взялъ съ собою твоихъ государевыхъ ратныхъ людей всякихъ чиновъ, разныхъ городовъ и танбовцовъ жалованныхъ людей розныхъ чиновъ, а со мною, государь, холопомъ твоимъ, въ Танбовѣ оставилъ

только московскихъ стрѣльцовъ, полуголову Григорья Салова, да стрѣльцовъ московскихъ съ нимъ 208 человѣкъ, да на чертѣ въ красномъ городкѣ 83 человѣка; и на тѣхъ, государь, танбовецъ въ нынѣшнее смутное время надѣтца не на ково, потому что у тѣхъ, государь, танбовцовъ на Дону братья и племянники и дѣти, а иные, государь, у вора, у Стеньки Разина, а иныхъ, государь, городовъ твоихъ государевыхъ ратныхъ людей не оставилъ въ Танбовѣ со мною, хлопомъ твоимъ, ни одного человѣка, и съ тѣми, государь, малыми людьми мнѣ, холопу твоему, въ Танбовѣ сидѣть не съ кѣмъ, а будетъ, государь, въ Танбовѣ иныхъ городовъ твоихъ великого государя ратныхъ людей не будетъ, и въ Танбовѣ, государь, въ приходъ воровскихъ казаковъ чаеть всякаго дурна; а по отписке, государь, изъ Шацкого воеводы Андрея Остафьева, что воровскіе де казаки пришли въ Шацкой уѣздъ отъ города за двадцать верстъ, а Шатцкой, государь, отъ Танбова только во стѣ въ двадцати верстахъ, и что, государь, учинится въ Танбовѣ отъ малолюдства какое дурно, и за то, государь, мнѣ бѣ, холопу твоему, отъ тебя, великого государя, въ опалѣ не быть; и о томъ, государь, мнѣ холопу твоему, что то, великій государь, укажешь!»

Муромскій воевода «холопъ Оеонька Шеховской», ударивъ челомъ, писалъ: «въ нынѣшнемъ

октябрѣ пришедъ въ Муромъ въ приказную избу касимовской воевода Тимоѳеѣй Карауловъ сказалъ: пріѣхалъ де онъ Тимоѳеѣй изъ Касимова боясь отъ приходу воровскихъ людей, потому что въ Касимовѣ города и острогу нѣтъ, а уѣздные де всякихъ чиновъ люди въ Касимовъ не идутъ, а Кадомъ и Кадомской и Шатцкой уѣзды воровскіе люди разорили и нынѣ во многихъ мѣстѣхъ разоряютъ же, и онъ де Тимоѳеѣй, слыша тотъ, ихъ воровскихъ людей, проходъ изъ Касимова въ Муромъ и пріѣхалъ, а отъ Мурома, государь, Касимовъ только въ семидесяти верстахъ, и отъ того приходу воровскихъ людей въ Муромѣ въ осадѣ безъ служилыхъ людей быть опасно; а снаряду, государь, въ Муромѣ только одна желѣзная пушечка небольшая да 29 мушкетовъ, и о томъ снарядѣ я, холопъ твой, къ тебѣ великому государю къ Москвѣ въ пушкарской приказъ въ нынѣшнемъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ съ пушкаремъ Куземкою Стюферинымъ писалъ и ко мнѣ, холопу твоему, и по се число твоего великого государя указу не бывало; и о томъ, что ты, великій государь, мнѣ холопу своему укажешь?»

Черезъ нѣсколько дней еще шацкій воевода тотъ же «холопъ Андрюшка Остафьевъ», ударивъ челомъ, въ Москву писалъ: «Октября въ 17-й день приходили къ Шацкому къ слободамъ

воровскіе казаки многимъ собраніемъ съ пушками... а съ тѣми воровскими казаками приходили къ Шацкому, проѣзжихъ твоихъ государевыхъ дворцовыхъ сель Конабѣва и конабѣвскаго присуду и всего Шацкаго уѣзду сель и деревень крестьяне многіе и въ городѣ, государь, отъ того воровскаго заводу Шатцкаго уѣзду всякова дурна надъ городомъ Шацкимъ чаемъ, что въ Шатцкомъ твоихъ великого государя служилыхъ людей мало всякова чину 104 человекъ, а городъ и острогъ большіе, и безъ твоихъ великаго государя ратныхъ людей, безъ полку города Шацка оберечь будетъ не кѣмъ и некому; а я, холопъ твой, заскорбѣлъ и одряхлѣлъ и обезпамятель, города строить въ осадное время и призрѣть не могу; и чтобъ, государь, въ моей болѣзни и въ дряхлости и въ безпамятствѣ городу Шацку какіе порухи не учинилось, и чтобъ мнѣ, холопу твоему, отъ тебя, великого государя, въ опалѣ не быть; а что, государь, въ Шацкомъ въ твоей, великого государя, казнѣ было зелья и свинцу и того зелья и свинцу роздано твоимъ великого государя ратнымъ людямъ, а нынѣ того зелья и свинцу въ твоей великого государя казнѣ въ остаткѣ не много»...

Отъ 21-го октября, товарищъ тамбовскаго воеводы Хитрово, бывшаго въ это время «въ по-

ходѣ», холопѣ Еремка Пашковѣ, ударивѣ челомѣ, писалѣ: «Вѣ ночи прибѣжали ко мнѣ, холопу твоему, вѣ Танбовѣ Филька Клеметьевѣ да Бунка Кулаковѣ, а вѣ распросѣ, государь, передо мною, холопомѣ твоимѣ, сказали; были де они на сторожѣ вѣ Танбовскомѣ уѣздѣ у проѣзжихѣ Моршенскихѣ воротѣ, а начальнымѣ де человекомѣ у нихѣ былѣ мещеренинѣ Петрѣ Ордабьевѣ и пришла де имѣ перемѣна, и они де съ той сторожи поѣхали вѣ Танбовѣ и съ начальнымѣ человекомѣ, съ Петромѣ Ордабьевымѣ да съ иноземцемѣ съ Андреемѣ Лесковскимѣ, и стали де они ночевать вѣ Танбовскомѣ уѣздѣ вѣ деревнѣ Княжой, и вѣ той де, государь, деревнѣ Княжой вѣ полночь наѣхали на нихѣ Танбовскаго жѣ уѣзду твои великаго государя пашенные крестьяне изо многихѣ деревень, измѣня тебѣ, великому государю, и того де Петра Ордабьева и иноземца и ихѣ стрѣльцовѣ бивѣ покинули, а мещеренина де Петра Ордабьева убивѣ мало не до смерти и коловѣ рогатиною и съ иноземцомѣ повели де ихѣ связавѣ къ Моршенскимѣ воротамѣ къ воровскимѣ казакамѣ; а сколько, государь, воровскихѣ казаковѣ пришли вѣ Танбовской уѣздѣ, и про то де, государь, они стрѣльцы подлинно не вѣдаютѣ, и для, государь, провѣдаванья про тѣхѣ воровскихѣ казаковѣ вѣ Танбовской уѣздѣ вѣ деревни

послалъ я, холопъ твой, Танбовскихъ же служилыхъ людей, а иныхъ, государь, городовъ служилыхъ людей со мною, холопомъ твоимъ, въ Танбовѣ нѣтъ, опрочѣ московскихъ стрѣльцовъ полуголовы Григорья Салова съ стрѣльцами съ двѣмястами человѣка; а въ приходѣ, государь, воровскихъ казаковъ мнѣ, холопу твоему, въ Танбовѣ такими малыми людьми безъ присыльныхъ твоихъ государевыхъ иныхъ городовъ ратныхъ людей поиску учинить надъ воровскими людьми и осады укрѣпить не кѣмъ, и о томъ, великій государь, какъ укажешь мнѣ, холопу своему».

Шацкій воевода «холопъ Андрюшка Остафьевъ» писалъ еще: «Въ нынѣшнемъ, государь, году октября въ 1-й день прибѣжалъ въ Шацкой въ приказную избу Шацкаго уѣзду села Почкова церковной дьячокъ Пронька Патрекѣевъ и въ распросѣ передо мною, холопомъ твоимъ, сказалъ: въ нынѣшнемъ де, государь, году, сентября въ 30-й день въ вечеру прибѣжалъ де Елисеевъ человѣкъ Лачинова Петрушка Коровинъ въ Елисеево въ Шацкое помѣстье Лачинова въ село Подболотье изъ Кадомскаго уѣзда изъ села Усть-парцы и сказывалъ ему. что донескіе казаки воры, въ томъ селѣ Усть-парцы и въ иныхъ селехъ многое разореніе чинять, людей до смерти бьютъ и рубятъ и животы статки

емлють; а Пензу городъ осадили; а онъ де Петрушка едва у нихъ ушолъ и выючную лошадь съ добромъ у него отбили; а Елисѣевы крестьяне Лачинова села Усть-парцы съ тѣми ворами съ донскими казаками сложились за единъ и хотѣли ево Петрушку убить до смерти; а села Жукова церковь Божію сожгли и мордвина до смерти убили; а Кадомской воевода Дмитрей Аристовъ съ женою и съ подъячимъ изъ Кадома бѣжалъ и жилъ въ Шацкомъ уѣздѣ въ селѣ Подболотѣ дня съ три, а изъ села Подболотья куды съѣхалъ, и того онъ не вѣдаетъ; а на Инсарѣ тѣхъ воровскихъ людей стоитъ большая сила и къ Шацкому чае тѣхъ воровскихъ людей вскорѣ во вторникъ нынѣшней; а велѣдъ де тотъ Елисеевъ человѣкъ Лачинова Петрушка въ Шацкомъ мнѣ, холопу твоему, и грацкимъ людямъ о томъ вѣсно ему учинить; о томъ мнѣ, холопу своему, что ты, великій государь, укажешь?»

Черезъ три дня изъ самага Тамбова писали: «Октября въ третій день привелъ въ Танбовъ въ приказную избу ряшенинъ Ѳеодоръ Колюбакинъ съ товарищи ломовца сына боярскаго Савелья Невѣжина съ сыномъ ево Самошкою, и сказалъ, съѣхался де онъ Ѳеодоръ съ нимъ Савельемъ на дорогѣ, не доѣхавъ до Керенска верстъ за 10, и взялъ де ево Савелья въ Танбовъ съ собою для распросу вѣстей про воров-

скихъ казаковъ и тотъ ломовецъ распрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ: въ нынѣшнемъ де году, сентября въ 27-й день, пришли въ Ломовкой уѣздъ отъ вора отъ Стенки Разина товарищи ево воровскіе казаки и помѣщиковы крестьяне, приставъ къ воровству ихъ многіе люди, и въ томъ де Ломовскомъ уѣздѣ въ деревнѣ ихъ Невѣжинѣ воровскіе казаки были и брата ево Савельева роднаго Трофима съ зятемъ его Ѳедоромъ взяли и отвели въ томъ же Ломовскомъ уѣздѣ въ село Никольское къ Григорью Андрееву сыну Мещеренину на дворъ ево и держали де ихъ у него Григорья подъ повилушею сутки и вывелъ де ихъ Трофима и зятя его Ѳедора и Григорьева сына Мещеринова Ульяна да Благовѣщенскаго собора протопопа Андрея Совиновича крестьянина ево Оску порубили до смерти и трехъ де чловѣкъ брата ево Трофимова и зятя ево Ѳедора и Григорьева сына Ульяна, тутошніе люди схоронили въ одну могилу и ево де Савельевъ домъ и иныхъ многихъ людей, тѣ воровскіе казаки разграбили и жену его пытали, а онъ де Савелій съ сыномъ да съ племянникомъ своимъ, боясь отъ тѣхъ воровскихъ казаковъ смертнаго убивства, побѣжалъ было въ Шацкой. А пришли де тѣ воровскіе казаки въ Ломовской уѣздъ съ Норовчатовскаго городища, а того де Норовчатовскаго городища жильцы

городъ тѣмъ воровскимъ казакамъ сдали, а приказнаго де человѣка съ сыномъ ево ограбя до нага и посадили въ тюрьму, и послѣ де его Савелья тѣ воровскіе казаки пошли къ нижнему городу Ломову. А изъ Ломовскаго де уѣзду прибѣжалъ онъ, Савелій, въ Керенскъ, и керенскіе де жильцы ихъ воровскихъ казаковъ ожидаютъ къ себѣ въ Керенскъ вскорѣ. Да они жъ де воровскіе казаки были въ Кадомскомъ уѣздѣ въ селѣ Жуковѣ, и Матвѣя де Жукова домъ разграбили и церковь Божию въ томъ селѣ Жуковѣ и ево Матвѣевъ дворъ сожгли. А ѣздя де они воровскіе казаки по уѣздамъ рубятъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за которыми крестьяне, а черныхъ де людей крестьянъ и боярскихъ людей и казаковъ и иныхъ чиновъ служилыхъ людей и никою не рубятъ и не грабятъ. Да онъ же, Савелій, слышалъ въ Ломовскомъ уѣздѣ отъ мужиковъ, говорятъ де боярскіе мужики межъ собою, прислана де къ тѣмъ воровскимъ казакамъ отъ вора отъ Стенки Разина ево воровская грамота, чтобъ де черные люди крестъ цѣловали государю царевичу Алексѣю Алексѣевичу и батюшку нашему, а называютъ де они батюшкомъ бывшаго Никона патріарха. А про него вора про Стенку Разина съ товарищи говорятъ, что онъ де Стенька на Волгѣ, а въ которомъ де мѣстѣ онъ, Стенька, на

Волгѣ, про то де онѣ Савелей не вѣдаетъ. Да того жп числа въ распросѣ сказалъ: Шацкаго уѣзду деревни Берестенокъ Ивановъ крестьянинъ Свищова Филька Шелудякъ, сидѣлъ де онѣ Филька въ тюрьмѣ въ Керенскѣ годы съ 4-е въ лошадиной кражѣ; и въ нынѣшнемъ де году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а котораго числа того не вѣдаетъ, увѣдалъ де керенской воевода, что вора Стеньки Разина воровскіе казаки пришли въ Ломовской уѣздъ и хотятъ приходить въ Керенскъ, и онѣ де керенской воевода изъ тюрьмы тюремныхъ сидѣльцевъ всѣхъ выпустилъ, и въ Керенскомъ де уѣздѣ селѣ Жуковѣ помѣщика убили и церковь Божію и дворъ его сожгли. Да въ Керенскомъ же де уѣздѣ въ деревнѣ Тимашовѣ они же, воровскіе казаки, побили помѣщиковъ трехъ человѣкъ и дома ихъ разграбили и пожгли и женъ ихъ и дѣтей побили до смерти. А тѣхъ де воровскихъ казаковъ было съ 500 человѣкъ, а съ ними черкасы и калмыки съ копья, да съ ними жъ де знамена вязалъ лошадиный хвостъ. Да онѣ же де, Филька, видѣлся съ воровскими казаками въ Ломовскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Шелдоисѣ, и ему де, Филькѣ, они воровскіе казаки сказывали, что итти имъ въ Шацкой, и въ Танбовъ, и въ Козловъ и въ иные города. Да какъ де онѣ Филька шолъ изъ Керенска домой въ Шацкой уѣздъ и

заходилъ де въ деревню Ракову къ новокрещену къ Василью князь Кудашеву и при немъ де, Филькѣ, прибѣжалъ изъ нижева города Ломова, воевода Андрей Пекинъ съ подъячимъ пѣши въ однихъ рубашкахъ, и сказали, побѣжали де они изъ того Нижнего города Ломова отъ воровскихъ казаковъ, боясь отъ нихъ смертного убійства».

Оттуда же, изъ Тамбова, нѣсколькими днями позже:

«Пріѣхалъ въ Танбовъ, танбовской станичной вожь Ивашка Болта, котораго посылалъ изъ Танбова для провѣдыванія вѣстей, думной дворянинъ и воевода Яковъ Тимоѣевичъ Хитрово на Царицынъ къ воеводѣ къ Тимоѣею Тургеневу 20 человѣкъ; а въ распросѣ вожь Ивашка Болта сказалъ: — отпущены де они съ Царицына за два дни до Покрова и пріѣхавъ де онъ, Ивашко Болта, съ товарищи на рѣку Хопру къ пристанскому казачью городку и товарищевъ де своихъ танбовскихъ станичниковъ восемнадцать человѣкъ отпустилъ въ Танбовъ, а самъ де онъ, Ивашко, остался съ товарищемъ своимъ съ Гришкою Дементьевымъ у пристани въ казачьемъ городкѣ для провѣдыванья вѣстей и слышалъ де онъ, Ивашка, въ томъ пристанскомъ городкѣ у казака у Петрушки Гайдука, сказывалъ де онъ, Петрушка, въ томъ пристанскомъ казачьемъ городкѣ своей братьи казакамъ, звали

де Фролку Разина казаки съ собраньемъ ево подъ Танбовъ нынѣ вскорѣ, и онъ де, Фролка, посылаетъ подъ Танбовъ войною танбовца отоманомъ Ивашка Мартинова съ воровскими казаками».

Нѣсколькими днями еще позже шацкій воевода «холопъ Андрюшка Остафьевъ», ударивъ челомъ, доносилъ о положеніи, совсѣмъ ужъ отчаянномъ: половина воеводъ была ужъ побита или разбѣжались.

«Въ нынѣшнемъ, государь, году, октября въ 7-й день, писалъ въ Шацкой ко мнѣ, холопу твоему, твоихъ государевыхъ дворцовыхъ Шацкихъ сель, села Конобѣева воевода Василей Строевъ, а въ отпискѣ его написано: посылалъ де онъ въ Керенскъ для провѣдыванія воровскихъ казаковъ конобѣевскихъ приставовъ Аѳонку Иванова съ товарищи, и того жъ де числа писалъ изъ Керенска къ нему Автомонъ Безобразовъ совѣтною грамотку съ тѣми конобѣевскими приставами, а въ той де ево совѣтной грамоткѣ написано: — октября въ 4-й день вѣдомость отъ многихъ людей, что воровскіе казаки въ Инзары, убивъ воеводу, ходили на Пензу и на Пензѣ воеводу Елисея Лачинова убили, а въ Нижнемъ Ломовѣ грацкіе люди воеводу въ тюрьму посадили и къ воровскимъ казакамъ посылали, и воровскіе казаки изъ Норовчатого, а иные съ Пензы пришли;

и нынѣ въ Нижнемъ городѣ Ломовѣ; и воровскіе казаки съ Нижняго города присылали атаманы казаковъ въ Верхній городъ Ломовъ, и Верхняго города Ломова воеводу Игнатія Корсакова взяли въ Нижней Ломовѣ; а что надъ Ондреемъ Пекинымъ учинилось и надъ Игнатьемъ Корсаковымъ, того не вѣдомо; а въ Керенскъ де хотятъ быть октября въ 5-й день, а грацкіе де люди ему сказали, что имъ битца съ казаками не въ мочь, всѣ приклонились къ ворами; а уѣздные люди давно предались, и нынѣ воровскіе люди объявились въ семи верстахъ отъ Керенска, и грацкіе люди его (воеводу) стерегутъ, чтобы не ушелъ и его де ворами отдадутъ, и чтобъ ему о томъ отписать къ великому государю къ Москвѣ, а ему послать некого; да конобѣевскіе жъ приставы передъ нимъ въ распросѣ сказали: какъ де они поѣхали отъ Керенска съ тою совѣтною грамоткою и къ Керенску пришли де воровскіе казаки и учили къ городу Керенску приступать, и они то изъ-за города Керенска видѣли; а въ Шацкомъ, государь, служилыхъ людей мало, стрѣльцовъ 80 человекъ, пушкарей и затинщиковъ, и разсыльщиковъ 24 человекъ, и на нихъ къ приходу не надежа, а уѣздные люди въ осаду не идутъ; и хотябъ они въ осаду пришли, на нихъ не надежа, что шатаніе въ нихъ большое; а подъ городомъ твоя

государева дворцовая черная слобода, а въ ней съ 500 дворовъ, и они въ осаду ни единъ человѣкъ не идутъ, ожидаютъ всякого дурна.

VII.

Вотъ въ какомъ отчаянномъ состояніи находились не только воеводы, попы и подъячіе этого несчастнаго изстрадавшагося отъ всякаго безправія края, но и вообще все населеніе! Воеводы съ своей призраной властью, вызывая къ порядку и покорности ими же всякой неправдой озлобленнаго и разореннаго населенія, грозили страхами Божьяго и царскаго суда и бѣжали сами, утекали, куда попало, какъ только показывались казаки и воры или вооруженные дубинками мужики; а воровскіе казаки и свои же, приставшіе къ нимъ односельчане, разные «уѣздные люди силой забирали къ себѣ въ свои банды тѣхъ, кто не хотѣлъ или боялся открыто и прямо становиться на ихъ сторону. Но воеводы пока-то еще приведутъ свою угрозу въ дѣйствіе, да еще и станутъ ли когда-либо это дѣлать — гдѣ ужъ имъ, сами бѣгутъ! — а казаки и своя братья, всякаго чина уѣздные люди, приставшіе къ нимъ, скоры на расправу. Да наконецъ, и что же терять? Въ лѣсахъ вонъ жили же люди, которые

теперь повыходили оттуда и рассказываютъ, что имъ жилось хоть порой и холодно и голодно, но зато не въ примѣръ вольнѣй и лучше во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ помѣщичьимъ и монастырскимъ крестьянамъ, непрекословно исполнявшимъ волю господскую. Ну, избави Боже, воеводы одолѣютъ, побьютъ казаковъ — хотя какъ же это можетъ быть, когда эти воеводы безъ войска и сами бѣгутъ первые? — ну, тогда можно уйти въ лѣса, на рѣки, гдѣ вонъ сколько и ранѣе того жило народу и жили они — сами говорятъ — не въ примѣръ лучше смирныхъ и терпѣливыхъ, которые все какой-то милости ждали да награды за свое спокойствіе и терпѣніе и не дождались такъ-таки ни отъ кого ничего... Остававшееся еще смирнымъ населеніе видѣло съ одной стороны претензію на власть уже ускользнувшую изъ рукъ у воеводъ, самихъ воеводъ перетрусившихъ, побросавшихъ все и въ однихъ рубашкахъ въ холодъ и въ морозъ, по снѣгу (осень стояла въ томъ году холодная и былъ въ октябрѣ уже снѣгъ), бѣжавшихъ за десятки верстъ, ночью, отъ одного извѣстія, что казаки идутъ; а съ другой — эти же казаки — побѣдители, которыхъ воеводы и подъячіе зовутъ «ворами», на самомъ дѣлѣ частые и настоящіе ихъ спасители и благодѣтели, такъ какъ самихъ ихъ не трогаютъ, охотно помогаютъ имъ и бьютъ и гра-

бять только ихъ общихъ притѣснителей и грабителей воеводъ, подъячихъ и помѣщиковъ, а какъ придетъ, что тамъ, позади ихъ, идетъ съ главными силами самъ «батюшка Степанъ Тимоѣевичъ» а съ нимъ нечай царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ и Никонъ патріархъ, то и совсѣмъ все новое устройство имъ дастъ, вольное, казацкое. Въ «прелестныхъ грамотахъ Стеньки говорилось прямо, что онъ дѣйствуетъ по приказанію царевича и Никона и чтобы и присягали имъ. Онъ требовалъ «повидимому» совершенно законнаго, онъ ничего не требовалъ такого, чтобы не было освящено ихъ волей, ихъ приказами. Онъ и помѣщиковъ, и воеводъ, и подъячихъ грабилъ и вѣшалъ только потому, что они ему это дѣлать приказали и вообще все дѣло расправы съ непокорными и злоупотреблявшими властью поручили ему. Онъ исполнитель распоряженій царскаго сына и патріарха, онъ самъ по себѣ ничего, онъ творитъ волю пославшихъ его. Онъ и населеніе призываетъ къ этому же и если принуждаетъ нерѣшительныхъ и робкихъ идти съ собою, то это потому только, что спасаетъ ихъ отъ могущаго обрушиться на нихъ гнѣва царевича: зачѣмъ они не встрѣчали его и не помогали исполнить его волю, направленные имъ же на благо и на спасеніе...

Да, наконецъ, и безъ всякихъ размышленій о

будущемъ и о законности возстанія, шли къ ка-
закамъ и своимъ смѣлымъ людямъ просто отвести
въ вольномъ житьѣ душу, погулять, попить на
волькѣ, а тамъ, пусть будетъ, что будетъ: хуже
не будетъ того, что было. И такихъ безшабаш-
ныхъ людей безъ всякаго сомнѣнія было еще
больше, потому что такихъ легкомысленныхъ все-
гда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ больше, а
потомъ это видно и изъ того, что такіе люди все-
гда первые бѣгутъ, какъ только настанетъ пора
неудачъ, а ужъ такой паники и такого общаго
поголовнаго бѣгства, какое было при концѣ Стень-
кинова возстанія, и представить себѣ нельзя. Какъ
легкомысленно бѣжали прежде воеводы, подъя-
чіе, помѣщики и всякіе «государевы служилые
люди», все время безшабашно кутившіе и чинив-
шіе всякую неправду населенію, обращавшіеся
въ бѣгство при одномъ слухѣ только, что идутъ
воровскіе казаки и ужъ близко воеводы Стень-
кины, такъ точно потомъ, послѣ первыхъ же не-
удачъ, стали разбѣгаться и утекать Стенькины
банды при одномъ извѣстіи, что идутъ и ужъ
близко государевы люди съ воеводами, знаменами
и пушками, отбитыми вначалѣ у нихъ казаками
и теперь вновь попавшими къ нимъ въ руки.

Но это все случилось, какъ сказано выше, бла-
годаря тому только, что Стенькѣ не посчастли-
вилось подъ Симбирскомъ и онъ не достигъ лѣ-

систыхъ и неприступныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ Тамбовской земли. Окоротить его успѣли рано и этимъ только и спаслись.

Теперь же среди этой общей паники и поголовнаго почти возстанія всего края, изъ всѣхъ воеводъ, сидѣвшихъ въ городахъ съ «пушками» и «мушкетами» не потеряли головъ, повидимому, только двое—Тамбовскій воевода думный дворянинъ Яковъ Тимоѣевичъ Хитрово да воевода Козловскій Степанъ Хрущовъ. Эти двое только и не сробѣли, по крайней мѣрѣ не растерялись, не жаловались, что они «одряхлѣли, уныли и стало имъ оттого тошно». Они оба сейчасъ же, какъ началось возстаніе, обнаружили и энергію въ принятіи необходимыхъ къ защитѣ и успокоенію своихъ городовъ мѣръ и стали готовиться не бѣжать, а сразиться съ грознымъ врагомъ.

Оба они, распорядительные и энергичные, все время, даже въ самое худшее, при началѣ возстанія, когда Стенькины казаки только что разлились по Тамбовской землѣ и начали поднимать населеніе, когда доходили слухи все объ однихъ только побѣдахъ Стенькиныхъ и его самого ждали ужъ чуть не со дня на день, и то они оба держали высокій тонъ, недопуская сомнѣнія, что они не отступятъ передъ врагомъ, а скорѣе лягутъ мертвыми въ неравной съ нимъ битвѣ.

Отъ 10-го октября Хрущовъ писалъ царю на

Москву: «Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ въ 10-й день писалъ ко мнѣ, холопу твоему изъ Шацкого воевода Андрей Остафьевъ, а въ отписке ево, государь, написано: прибѣжали де въ Шацкой Шацкіе сторожевые казаки Екимка Ковылинъ съ товарищемъ отъ Керенского лѣсу изъ Ининой слободы, а въ распросе де, государь, передъ нимъ сказали: были де они для вѣстей въ Ининой слободѣ, и того жъ де, государь, числа пришолъ въ тое слободу изъ Керенска крестьянинъ, а сказывалъ де, государь, имъ, что Керенскъ городъ воровскіе люди взяли и изъ Керенска идутъ въ Шацкой, а въ Ининой де слободѣ крестьяне черезъ рѣку Цну мостятъ мостъ, а въ тотъ же де день чаетъ ихъ въ Инину слободу, а Инина де слобода отъ Шацкаго всего въ 20 верстахъ; и по тѣмъ, государь, вѣстямъ въ Козловской уѣздѣ во вся села и въ деревни послалъ я, холопъ твой, козловскихъ разбѣщиковъ, а по наказнымъ, государь, памятямъ, велѣлъ я, холопъ твой, козловцовъ дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ людей съ женами ихъ и съ дѣтьми и съ запасы выбивать наскоро въ Козловъ въ осаду и для разбору либо мнѣ, холопу твоему, мучитца итти въ походъ противъ твоихъ государевыхъ непріятельскихъ людей отъ Козлова не въ дальнихъ мѣstechъ; а что, государь, вѣстовой въ Шацкой отписке написано, что ломовцы и ке-

ренцы твои государевы грацкіе люди и уѣздные тебѣ государю измѣнили, воеводѣ въ тюрьму посадили и къ воровскимъ казакамъ приклонились, и я, холопѣ твой, слыша такую ихъ шатость, велѣлъ въ Козловѣ посадцкихъ слободѣ твоихъ государевыхъ служилыхъ людей козловцовъ дѣтей боярскихъ и сторожевыхъ и полковыхъ казаковъ и стрѣльцовъ и пушкарей и затинщиковъ и воротниковъ и посадцкихъ и грацкихъ всякихъ чиновъ людей пересмотрѣть по спискамъ и, пересмотрѣвъ, государь, велѣлъ ихъ, для подкрепленія твоей государевы службы, привести къ вѣрѣ въ соборной Апостольской церкви по чиновной печатной книгѣ; а сверхъ, государь, чиновника велѣлъ я, холопѣ твой, написать статью къ вѣрѣ жъ, чтобъ они, козловцы, въ нынѣшнее въ смутное время къ вору и къ измѣннику и крестопреступнику, къ Стенкѣ Разину и къ ево товарищамъ къ воровскимъ казакамъ къ ихъ воровству и къ дьявольской ихъ душепагубной прелести не приставали ни въ чемъ и бунту и скопу и заговору и мятежу не заводили и надъ Козловомъ городомъ и надъ иными твоими государевыми городами и надъ твоею государевою казною и надъ воеводы, и надъ приказными и надо всякими мірскими людьми убивства и грабежу и никакіе хитрости лукавствомъ не чинили и изъ Козлова на Хоперь и на Донъ и на Волгу къ вору

и измѣннику къ Стенкѣ Разину и къ товарищамъ ево не отѣхали и не збѣжали и тебѣ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу и твоимъ государскимъ дѣтемъ благовѣрному государю царевичу и великому князю Ѳедору Алексѣевичу и благовѣрному государю царевичу и великому князю Іоанну Алексѣевичу и благовѣрнымъ царевнамъ служили въ Козловѣ и не измѣняли; а козловцы, государь, на томъ крестѣ цѣловали въ соборной Апостольской церкви; а какъ, государь, изъ уѣзду козловцы жъ всякихъ чиновъ люди въ Козловъ по высылкѣ будутъ и я, холопъ твой, въ томъ по тому жъ велю ихъ привести къ вѣрѣ для подкрѣпленія твоей государевы службы и осаду, государь, велю крѣпить и въ походъ не въ дальные мѣста противъ твоихъ государевыхъ непріятельскихъ людей стану готовитца тотчасъ; а въ Шацкой, государь, для подлинныхъ вѣстей послалъ я, холопъ твой, въ станицу козловца сына боярскаго Родіона Толкачева съ товарищи 12 человекъ того жъ числа, и что, государь, какихъ вѣстей о воровскихъ казакахъ прибудетъ впредъ и что у меня, холопа твоего, станетъ чинитца, и о томъ о всемъ къ тебѣ, великому государю, я, холопъ твой, учну писать въ Розрядъ того жъ числа».

Воевода тамбовскій, думной дворянинъ Яковъ Хитрово былъ еще энергичнѣе. Ему первому пришлось сразиться съ воровскими казаками и ходилъ онъ для этого изъ Тамбова «подъ Шацкой». Онъ ходилъ туда «на спѣхъ», собравши все, что было у него подъ рукой своего тамбовскаго войска и присланныхъ къ нему на подмогу рейтаръ; московскихъ же стрѣльцовъ онъ почему-то не смѣлъ съ собою брать въ походъ и о томъ, чтобы впослѣдствіи было ему дозволено употребить ихъ въ дѣло, онъ писалъ особо къ царю, просилъ его разрѣшенія. Хитрово поспѣшно прибылъ подъ Шацкъ и поспѣлъ во время, какъ разъ наканунѣ прихода туда же Мишки Харитонова съ тремя другими Стенькиными воеводами.

Этотъ походъ Хитрово «подъ Шацкой» былъ дѣломъ очень рискованнымъ, особенно съ такими силами, которыми онъ располагалъ. Хитрово выходилъ биться на встрѣчу къ передовому Стенькину атаману Харитонову, не имѣя за собой никакой помощи, и въ то же время зная, что за Харитоновымъ, напротивъ, стоитъ вся Стенькина сила и весь поднятой Стенькою край.

Этотъ походъ Хитрово былъ огромнымъ съ его стороны подвигомъ. Онъ шелъ на вѣрную гибель и неудайся разбить ему Харитонова, никто бы не спасся. Въ Шацкѣ сидѣть нельзя

было, да и безцѣльно, такъ какъ не откуда было бы ждать помощи. Воеводы всѣхъ сосѣднихъ городовъ — одни разбѣжались, другіе были побиты или сидѣли у мятежниковъ въ тюрьмахъ, въ ожиданіи своей участи. Воевода козловскій Хрущовъ хоть и энергичный былъ человѣкъ, но ему гдѣ же было идти къ Шацку и бросить на произволъ свой городъ, да у него и сила была самая пустая, ничтожная. Если Барятинскій, разбивъ Разина подъ Симбирскимъ, остановилъ вообще разливъ всего возстанія, то Хитрово своей побѣдой подъ Шацкимъ остановилъ дальнѣйшій разливъ передовыхъ бандъ Стеньки по Тамбовской землѣ и далѣе. Нельзя, конечно, равнять побѣду Хитрово подъ Шацкимъ съ побѣдой Барятинскаго подъ Симбирскимъ; но значеніе ея огромно для всего края, который разстилался на далекое пространство совсѣмъ беззащитнымъ, и на которомъ эти передовые Стенькины банды даже и послѣ разбитія его самого съ его главными силами подъ Симбирскимъ, сплотившись, могли образовать новую страшную силу, и, кто знаетъ, не явился какъ бы къ ней вновь, въ качествѣ главнаго атамана и руководителя-организатора дальнѣйшаго развитія возстанія, разбитый подъ Симбирскимъ самъ Стенька Разинъ. Изъ рассказовъ тамбовскаго лѣтописца и изъ грамотъ московскихъ и воеводскихъ отписокъ

мы видѣли, какой богатый матеріалъ скопился во всемъ краѣ для Стеньки и какой громадный контингентъ озлобленныхъ, отчаянныхъ, на все готовыхъ людей поставилъ бы онъ Разину въ его «войско».

Но этого не случилось только благодаря неудачѣ Харитонова «съ товарищи» подъ Шацкимъ, котораго одолѣлъ Хитрово. Побѣдѣ этой какъ-то мало до сихъ поръ придавали значенія, а между тѣмъ она несомнѣнна и огромна. Будущій историкъ возстанія Разина, конечно цѣнить ее, особенно имѣя въ виду вновь найденныя и опубликованныя данныя о положеніи края, открытаго для разлива по немъ передовыхъ Стенькиныхъ бандъ...

Хитрово повидимому и самъ понималъ, отправляясь въ походъ, на какое отчаянное, рискованное, но и огромной важности дѣло онъ идетъ. Онъ понималъ также, что тутъ медлить и собираться съ силами, собирать ихъ по крошкамъ, и оттягивать походъ, невозможно. Если бы собиралъ онъ свои силы, притягивая къ себѣ потомъ изъ сосѣднихъ еще не охваченныхъ возстаніемъ городовъ, то въ гораздо большей степени, сравнительно съ нимъ, успѣлъ бы усилиться отъ присоединявшихся къ нему въ изобиліи и со всѣхъ сторонъ Харитоновъ «съ товарищи», къ которымъ потомъ стекались и изъ этихъ «вѣр-

ныхъ» городовъ и изъ деревень, и изъ лѣсовъ, въ которыхъ кто же могъ знать сколько ихъ, этихъ «воровскихъ людей» тамъ?

Донесенія Хитрово, носящія на себѣ какой-то эпическій отпечатокъ, въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны:

«Въ нынѣшнемъ, государь, году по извѣту Танбовца земца посылалъ я, холопъ твой, изъ Танбова на рѣкѣ Хопру въ урочищи Березники, въ которыхъ мѣстехъ по рѣкѣ Хопру Земецкіе вотчины, что де будто въ тѣхъ урочищахъ стоятъ собрався воровскіе казаки съ три тысячи чело-вѣкъ Танбовцовъ и Козловцовъ служилыхъ людей, а тѣ, государь, посыльные люди, приѣхавъ въ Танбовъ мнѣ, холопу твоему, сказали, что де въ тѣхъ урочищахъ воровскихъ казаковъ и иныхъ никакихъ людей не видали; а тѣ, государь, ево Земецкіе вѣсти про тѣхъ воровскихъ казаковъ солгались. И въ нынѣшнемъ же, государь, году, октября въ 10-й день писалъ ко мнѣ, холопу твоему, въ Танбовъ изъ Шацкого Ондрѣй Остафьевъ о вѣстяхъ про воровскихъ казаковъ и я, холопъ твой, съ твоими великаго государя ратными людьми пошолъ изъ Танбова къ Шацкому на спѣхъ, октября въ одиннадцатый день, а въ Танбовѣ, государь, оставилъ я, холопъ твой, товарища своево стольника и воеводу Еремѣя Пашкова съ твоими великаго государя съ

ратными людьми; а со мною, государь, холопомъ твоимъ, въ походѣ твоихъ великого государя ратныхъ людей конныхъ и пѣшихъ 2,670 человекъ, а сколько, государь, какихъ чиновъ ратныхъ людей порознь въ походѣ со мною, холопомъ твоимъ, и сколько, государь, ратныхъ же людей оставилъ я, холопъ твой, въ Танбовѣ съ стольникомъ и воеводою съ Еремѣемъ Пашковымъ, и тому, государь, роспись послалъ къ тебѣ, великому государю, я, холопъ твой, подъ сею отпискою; а московскихъ, государь, стрѣльцовъ полуголову Григорія Салова, а съ нимъ московскихъ стрѣльцовъ 210 человекъ оставилъ я, холопъ твой, въ Танбовѣ, а съ собою, государь, въ походъ тѣхъ московскихъ стрѣльцовъ, безъ твоего великого государя указу, я, холопъ твой, взять не смѣлъ, и о тѣхъ, государь, о московскихъ стрѣльцахъ ты, великій государь, какъ мнѣ, холопу своему, укажешь. Да октября жъ, государь, въ одиннадцатый день, писалъ ко мнѣ, холопу твоему, изъ Шацкого воевода Ондрѣй жъ Остафьевъ о вѣстяхъ про воровскихъ же казаковъ, и съ той, государь, его Ондрѣевой отписки послалъ къ тебѣ великому государю я, холопъ твой, списокъ подъ его отпискою. А съ твоими, государь, съ ратными людьми по тѣмъ вѣстямъ иду я, холопъ твой, къ Шацкому на спѣхъ. Да того жъ, государь, числа прислалъ

ко мнѣ, холопу твоему, изъ Танбова товарищъ мой стольникъ и воевода Еремѣй Пашковъ списокъ съ отписки, какову отписку писалъ къ нему въ Танбовъ изъ Козлова воевода Степанъ Хрущовъ о вѣстяхъ про воровскихъ казаковъ, и тотъ, государь, списокъ съ отписки послалъ къ тебѣ, великому государю, я, холопъ твой, подъ сею отпискою; а на передъ, государь, изъ походу послалъ я, холопъ твой, къ Шацкому твоихъ великого государя, ратныхъ людей Левонтыя Букина съ мещеряны и съ рейтары съ полковыми казаками, всего съ нимъ 300 человекъ; а напередъ, государь, сево послано на заставу къ Кацмацкимъ воротамъ для береженія отъ воровскихъ же казаковъ и для промыслу твоихъ, великого государя, ратныхъ людей 300 жъ человекъ».

Хитрово, такимъ образомъ, «поспѣшая», пошелъ къ Шацкому на выручку 11-го октября, оставивъ въ Тамбовѣ, съ 2,118 человекъ стрѣльцовъ, рейтары и проч. своего товарища сотника Еремѣя Пашкова, которому пока не угрожала еще никакая опасность. Подробный списокъ оставшихся съ Пашковымъ вооруженныхъ силъ Хитрово послалъ на Москву къ государю. По этому списку въ Тамбовѣ съ Пашковымъ оставалось: «дѣтей боярскихъ 21 чел., бѣломѣсныхъ казаковъ 81 чел., сторожевыхъ казаковъ

40 чел., полковыхъ казаковъ разныхъ слободъ и сель 1,017 чел., Московскихъ стрѣльцовъ 210 чел., Тамбовскихъ стрѣльцовъ 243 чел., солдатъ 502 человекъ, пушкарей и затинщиковъ и воротниковъ 31 человекъ, станичныхъ вожей 3 чел. Всего въ Тамбовѣ всякихъ чиновъ ратныхъ людей оставлено 2,118 человекъ».

Этихъ силъ Пашкову, которому никто и ни откуда не угрожалъ безъ сомнѣнія, было достаточно. Ужъ если Хитрово пошелъ съ такимъ же числомъ людей къ Шацкому на встрѣчу Харитонову и тремъ еще Стенькинымъ атаманамъ, число войскъ которыхъ онъ не могъ даже приблизительно знать, такъ какъ къ нимъ ежедневно подходила помощь и изъ деревень, лѣсовъ и нагоняли задніе и отставшіе атаманы, замедлившіеся на своемъ ходу разореніями и грабежами городовъ и помѣщичьихъ усадебъ; то Пашкову съ его силами можно бы покойно сидѣть, не робѣя преждевременно. Но такъ великъ былъ у всѣхъ, за исключеніемъ Хитрово и Хрущова, страхъ и такъ всѣ оказались растерявшимися и малодушными, что этотъ же самый Пашковъ, въ тотъ же самый день, оставленный Хитрово сидѣть въ Тамбовѣ съ такой относительно все-таки солидной силой, послалъ на Москву къ царю явную и завѣданную ложь, повидимому, забывъ совершенно о томъ, что она тотчасъ же раскро-

ется: «Въ нынѣшній день пошелъ изъ Танбова думный дворянинъ и воевода Яковъ Тимоѣевичъ Хитрово въ походъ, а меня, государь, холопа твоего, оставилъ въ Танбовѣ; взялъ съ собою твоихъ государевыхъ ратныхъ людей всякихъ чиновъ разныхъ городовъ и танбовцовъ жалованныхъ людей розныхъ чиновъ, а со мною, государь, холопомъ твоимъ въ Танбовѣ оставилъ только московскихъ стрѣльцовъ, полуголову Григорья Салова, да стрѣльцовъ московскихъ съ нимъ 208 человекъ, да на чертѣ въ красномъ городкѣ 83 человекъ; и на тѣхъ, государь, танбовцовъ въ нынѣшнее смутное время надѣтца не на ково, потому что у тѣхъ, государь, танбовцовъ на Дону братья и племянники и дѣти, а иныхъ, государь, городовъ твоихъ государевыхъ ратныхъ людей не оставилъ въ Танбовѣ, со мною, холопомъ твоимъ, ни одного человека, и съ тѣми, государь, малыми людьми, мнѣ, холопу твоему, въ Танбовѣ сидѣть не съ кѣмъ, а будетъ, государь, въ Танбовѣ иныхъ городовъ твоихъ великого государя ратныхъ людей не будетъ, и въ Танбовѣ, государь, въ приходъ воровскихъ казаковъ чаеть всякаго дурна; а по отписке, государь, изъ Шацкого воеводы Андрѣя Остафьева, что воровскіе де казаки пришли въ Шацкой уѣздъ отъ города за 20 верстъ, а Шацкой, государь, отъ Танбова только во стѣ

въ двадцати верстахъ, и что, государь, учинится въ Тамбовѣ отъ малолѣдства какое дурно, и за то, государь, мнѣ бѣ, холопу твоему, отъ тебя, великаго государя, въ опалѣ не быть; и о томъ, государь, мнѣ, холопу твоему, что, ты, великій государь, укажешь!»

Что въ отвѣтъ на это донесеніе царю послѣдовало, — не извѣстно, но вскорѣ въ Тамбовъ былъ присланъ изъ Москвы стольникъ и воевода Иванъ Бутурлинъ. На одного Пашкова очевидно не надѣялись.

Въ числѣ вновь открытыхъ и обнародованныхъ Тамбовской Архивной Комиссіей документовъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подлиннаго донесенія Хитрово о битвѣ его подѣ Шацкимъ съ Харитоновымъ. Есть свѣдѣнія и нѣкоторыя подробности объ этомъ, но самаго донесенія нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно побѣда Хитрово была полная и ему дальше уже не приходилось сталкиваться съ такими силами. Имѣя Шацкой опорнымъ своимъ пунктомъ, Хитрово то и дѣло ходилъ по разнымъ направленіямъ разбивать отдѣльныя банды, какъ только узнавалъ, что онѣ гдѣ-нибудь собираются, но это все было ужъ не то. Главные атаманы: Харитоновъ, Чирокъ и Шиловъ были разбиты и убѣжали назадъ, побросавъ и пушки и знамена. А главное, побѣда эта, ободривъ, упавшій совершенно въ царскомъ

войскѣ духъ, имѣла несомнѣнно сильное вліяніе тотчасъ же на все окрестное населеніе. Важность побѣды Хитрово въ стратегическихъ и другихъ отношеніяхъ выяснилась уже позже; но теперь она была важна въ этихъ двухъ отношеніяхъ: ободрила упавшій духъ въ царскомъ войскѣ, дала ему вѣру въ самого себя и потомъ охладила увѣренность населенія въ непобѣдимость Стеньки и его атамановъ.

Послѣ Харитонова «съ товарищи» больше всѣхъ надѣлалъ хлопотъ воеводѣ Хитрово Тимошка Мещеряковъ. Съ нимъ воеводѣ пришлось много повозиться. Хитрово очень обстоятельно и характерно описываетъ въ своемъ донесеніи, какъ онъ бился съ Мещеряковымъ, побѣдилъ, какъ потомъ тотъ ему сдался, а онъ, имѣя въ виду разныя свои политическія соображенія, отпустилъ его на волю.

«Въ нынѣшнемъ, государь, октябрѣ, въ 21-й день, вѣдомо мнѣ, холопу твоему, учинилось въ Шацкомъ, что въ Шацкомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Печинищахъ, отъ Шацкаго въ 20 верстахъ, собрався розныхъ шацкихъ селъ и деревень воры и измѣнники крестьяне забунтовали и стояли для воровства многіе люди въ той деревнѣ Печинищахъ, да съ ними жъ де, государь, ворами и измѣнники въ той же деревни стояли танбовскіе казаки и солдаты розныхъ слободъ и селъ, ко-

торымъ, по твоему, великого государя, указу, велѣно быть на твоей, великого государя, службѣ въ Шацкомъ полку у меня, холопа твоего, и твое, великого государя, денежное жалованье для службы имъ казакомъ и солдатомъ дано въ Танбовѣ, и изъ твоей же, государь, деревни Печинищей тѣ воры и танбовскіе казаки и солдаты, боясь на себя твоихъ, великого государя, ратныхъ людей приходу, отошодъ въ Танбовскій уѣздъ на рыбную пустошь въ село Алгасово, ставъ обозомъ, и завели бунтъ, и призвали къ себѣ рыбной же пустоши розныхъ сель крестьянъ многихъ и стали побивать всякихъ чиновъ людей и животъ ихъ, грабить и твою, великого государя, казну, которая была послана съ начальными людьми ко мнѣ, холопу твоему, въ рейтарской полкъ полковника Семена Семенова сына Скорнякова-Писарева, знамена, и трубы, и литавры, и пистолы, и карабины взяли; и октября, государь, въ 22-й день на тѣхъ воровъ и бунтовщиковъ и на танбовскихъ казаковъ и на солдатовъ въ Танбовскій уѣздъ въ село Алгасово съ твоими, великого государя, ратными людьми и съ полковники, и съ рейтары изъ Шацкаго я, холопъ твой, ходилъ и пришодъ въ село Алгасово тѣхъ воровъ и казаковъ и солдатовъ и мужиковъ бунтовщиковъ въ селѣ Алгасовѣ осадили и къ обозу ихъ приступили жес-

токими приступы и изъ пушекъ били и побивали, въ обозѣ и у обозу ихъ многихъ, и то, государь, село Алгасово велѣлъ я, холопъ твой, въ то приступное время зажечь и разорить, потому что того села Алгасова крестьяне въ томъ же обозѣ съ тѣми ворами и съ казаками и съ солдаты сидѣли и съ твоими, великого государя, ратными людьми бились за одно; и октября жъ, государь, въ 23-й день милостію Божіею и твоимъ, великого государя, царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Росіи Самодержца и твоихъ государскихъ благородныхъ чадъ счастьемъ они воры и бунтовщики танбовцы казаки съ солдаты Тимошка Мещерековъ съ товарищи, видя надъ собою твоихъ, великого государя, ратныхъ людей промыслъ и жестокий приступъ и отъ пушечной стрѣльбы великую тѣсноту, а на себя упадокъ и пожарное разореніе, тебѣ, великому государю, въ той своей воровской винѣ де били челомъ; и я, холопъ твой, велѣлъ ихъ привести къ вѣрѣ на томъ, что имъ, казакѣмъ и солдатомъ впредь тебѣ, великому государю и твоимъ, великого государя, благороднымъ чадомъ служить по прежнему и ни къ какому воровству и къ воровскимъ прелестямъ не приставать и твоихъ, великого государя, бояръ и воеводъ и всякихъ приказныхъ людей не побивать и городовъ не сдавать и не измѣнить, а

гдѣ воровскихъ людей провѣдаютъ, и ихъ имать и въ города приводить, также гдѣ и про воровской заводъ увѣдаютъ и имъ извѣщать и воровскіе свои знамена мнѣ, холопу твоему, отдали и въ всемъ быть послушнымъ, а приветчи, государь, къ вѣрѣ тѣхъ танбовцовъ, казаковъ и солдатовъ, Тимошку Мещерекова съ товарищи отпустилъ я, холопъ твой, изъ того села Алгасова въ Танбовъ, октября, въ 23-й день для того, чтобъ они, видя къ себѣ такую твою, великого государя, милость, въ Танбовскомъ уѣздѣ по селамъ и по деревнямъ сказывали, что имъ вмѣсто смерти данъ животъ и вина имъ отдана, и видя бѣ такую твою государскую милость иные ихъ братья по селамъ и по деревнямъ ни на какую воровскую прелесть не прельщались; да вѣдомо, государь, мнѣ, холопу твоему, учинилось, что въ Шацкомъ уѣздѣ села Сасова и село Кобякова крестьяне заворовали и завели бунтъ и собрався тѣхъ села Сасова и села Кобякова и иныхъ разныхъ селъ крестьяне многіе люди стоятъ въ томъ селѣ Сасовѣ и отъѣзжая въ иные села людей побиваютъ и пытаются и на тѣхъ, государь, воровъ и заводчиковъ съ твоими, великаго государя, ратными людьми въ село Сасово иду я, холопъ твой, октября въ 25-й день; а что, государь, милостию Божіею и твоимъ, великого государя, счастьемъ надъ тѣми ворами отъ

твоихъ великогоогсударя, ратныхъ людей какой промысль и поискъ учинитца и о томъ къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ учну писать я, холопъ твой, вскорѣ съ гонцы».

И это село Сасово, гдѣ скопилось тоже много «воровскихъ казаковъ» Хитрово разгромилъ: «И октября, государь въ 26 день, писалъ царю Хитрово, по твоему великого государя указу, въ Шацкой уѣздъ въ то село Сасово ходилъ я, холопъ твой изъ Шацкаго съ твоими великого государя съ ратными людьми и съ полковниками и съ рейтары на воровскихъ казаковъ и того села Сасова на измѣнниковъ на мужиковъ; и воровскіе, государь, казаки и села Сасова измѣнники мужики, увидѣвъ приходъ къ тому селу Сасову со мною, холопомъ твоємъ, твоихъ великого государя ратныхъ людей и надъ тѣмъ селомъ промысль, изъ того, государь, села Сасова тѣ воровскіе казаки и измѣнники мужики и съ двѣмя знаменами побѣжали за рѣку Цну въ лѣса, а достальныхъ, государь, воровскихъ людей и измѣнниковъ мужиковъ твои великого государя ратные люди, которыхъ застали въ селѣ Сасовѣ, побили, и иныхъ, государь, пущихъ измѣнниковъ мужиковъ велѣлъ я, холопъ твой, въ томъ же селѣ Сасовѣ и перевѣшать; и то, государь, село Сасово твои великого государя ратные люди за ихъ измѣну и за непокорство тѣхъ са-

совскихъ мужиковъ выжгли, а достальныхъ, государь, села Сасова крестьянъ, которые были переиманы, велѣлъ я, холопъ твой, въ томъ же селѣ Сасовѣ привести къ вѣрѣ, что имъ впредь служить тебѣ великому государю по прежнему, и ни къ какому воровству и къ шатости не приставать».

Въ слѣдующемъ своемъ донесеніи въ Москву Хитрово жалуется и кается въ своей ошибкѣ, что отпустилъ на волю и простилъ взятаго въ плѣнъ подъ Алгасовымъ вора и измѣнника атамана Тимошку Мещерякова. Хитрово рассчитывалъ, что онъ почувствуетъ и поцѣнитъ милость его и будетъ ему еще полезенъ, отговаривая другихъ отъ бунта, а вышло наоборотъ. Мещеряковъ не только не пересталъ самъ лично принимать участія въ возстаніи, но еще черезъ своего подручнаго станичнаго вожа Гаврилку Карнауха поднялъ на возстаніе остальную часть Тамбовскаго уѣзда и вызвалъ этимъ новый походъ туда Хитрово для усмиренія.

«Въ нынѣшнемъ, государь, октября въ 29 день, писалъ объ этомъ Хитрово въ Москву, объявились мнѣ, холопу твоему, въ Шацкомъ на съѣзжемъ дворѣ Танбовцы дѣти боярскіе Ѳедоръ Клоковъ съ товарищи, а сказали посланы де, государь, они изъ Танбова отъ стольника и воеводы отъ Еремѣя Пашкова съ ротмистромъ

съ Даниломъ Броунтомъ да съ подъячимъ съ Тимошеемъ Хлѣбниковымъ въ Шацкой ко мнѣ, холопу твоему, съ вѣстовою отпискою, что де, государь, Танбовскіе казаки и солдаты, которые октября въ 23 день въ приходъ къ селу Алгасову со мною, холопомъ твоимъ, твоихъ великого государя ратныхъ людей въ воровствѣ своемъ тебѣ великому государю вины свои принесли и крестъ цѣловали и въ Танбовъ отпущены Тимошка Мещеряковъ съ товарищи, изъ того села Алгасова въ Танбовъ не пошли, и тебѣ великому государю измѣнили въ другой и завели въ Танбовскомъ уѣздѣ въ селахъ и въ деревняхъ воровской бунтъ большой и собираются для воровства въ Танбовскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Селквукинѣ и въ иныхъ селахъ; и октября въ 27 день въ Танбовскомъ уѣздѣ въ Вирятинскомъ лѣсу воровскіе люди ихъ Ѳедора Клокова съ товарищи разбили и разграбили порознь и ротмистра Данила Броунта и подъячаго Тимошея Хлѣбникова съ товарищи и съ отписками пойманы, а они де Ѳедоръ Клоковъ съ товарищи отъ тѣхъ воровскихъ людей ушли пѣши и прибѣжали въ Шацкой ко мнѣ, холопу твоему, съ вѣстою безъ отписокъ».

Но еще больше хлопотъ Мещеряковъ надѣлалъ Пашкову, который изъ Тамбова не выходилъ, ни съ кѣмъ не сражался, а все только

пугался и просилъ о пощадѣ. Когда Хитрово извѣстилъ его, что отпустилъ на свободу взятаго имъ въ плѣнъ подъ Алгасовымъ Мещерякова, Пашковъ, подождавъ нѣсколько времени, послалъ провѣдать объ немъ казаковъ «лучшихъ людей» и съ нимъ какого-то Рождественскаго попа Тимоѳея. Но черезъ два дня прибѣжалъ одинъ только попъ Тимоѳей, едва спасшійся отъ Мещерякова: «И октября, государь, въ 25 день, часу въ 1-мъ дни прибѣжалъ ко мнѣ, холопу твоему, въ Танбовъ тотъ Танбовскій Рождественскій попъ Тимоѳей, а въ распросѣ мнѣ, холопу твоему, сказалъ: какъ де онъ попъ съ тѣми казаками будутъ въ Танбовскомъ уѣздѣ въ селѣ Черленомъ отъ города въ 20 верстахъ, и въ томъ де селѣ Черленомъ казаковъ, изомногихъ селъ, и изъ деревень скопилось челоувѣкъ съ 400 и больши и тебѣ, великому государю, измѣнили да и многія твои великого государя танбовскіе служилые уѣздные люди многихъ слободъ и деревень, измѣнили жъ, и которыхъ цумной дворянинъ и воевода Яковъ Тимоѳеевичъ Хитрово приветчи ко кресту отпустилъ въ Танбовъ атамана Тимошку Мещеряка съ товарищи, тотъ Тимошка цѣловалъ крестъ тебѣ, великому государю, и прислалъ де отъ себя станичнаго вожа Гаврилку Карнауха наговаривать на воровство и на измѣну всѣхъ твоихъ

государевыхъ Танбовскихъ служилыхъ людей, и многія, государь, Танбовцы служилые и всякихъ чиновъ люди того прелестника Гаврилка Карнауха послушевъ, тебѣ великому государю, измѣнили и ево де попа Тимооѳея и товарищей ево въ томъ селѣ Черленомъ тѣ измѣнники, бивъ на смерть и снявъ съ него попа платья и связавъ, кинули на ночь въ потполь, а на утрее де хотѣли ево попа срубить; а товарищи де ево поповы, которые съ нимъ посланы изъ Танбова, живы ль или нѣтъ, а онъ де попь Тимооѳей про нихъ не вѣдаетъ, биты жъ де они, государь, на смерть; а онъ де попь Тимооѳей ушелъ изъ потполя въ окно ночью и прибѣжалъ въ Танбовъ пѣшъ; да онъ же де попь Тимооѳей, лежа въ потполь, слышалъ отъ тѣхъ мятежниковъ, что де идутъ, государь, къ нимъ воровскіе казаки; а со мною, государь, холопомъ твоимъ, только въ осадѣ въ Танбовѣ московскихъ стрѣльцовъ полуголова Григорей Саловъ съ стрѣльцами съ двумя стами челоуѣкъ да Танбовцевъ, государь, стрѣльцовъ и двухъ слободъ полковой и покровской всѣхъ 500 челоуѣкъ, и говорятъ, государь, тѣ Танбовцы градскіе люди, что тебѣ великому государю измѣнить они не хотятъ; а у тѣхъ государь, Танбовцовъ, которые хотятъ сидѣть въ осадѣ, въ измѣнѣ, братья ихъ и дѣти, и въ тѣхъ, госу-

дарь, Танбовцахъ будетъ ли правда или нѣтъ, и того, государь, вѣдать не почему» и т. д., и т. д., обычная пѣсня Пашкова о сомнѣніяхъ и подозрѣніяхъ.

Но это, кажется, было послѣднее его донесеніе, потому что слѣдующая грамота отъ царя послана въ Тамбовъ ужъ на имя воеводы Ивана Бутурлина.

VIII.

Возстаніе приходило къ концу. Хитрово продолжалъ хотя все еще переходить съ мѣста на мѣсто, преслѣдуя и разбивая шайки «воровскихъ казаковъ» и мужиковъ, но это все ужъ было не опасно. Возстаніе видимо улеглось. Приходили слухи и подробныя вѣсти о разгромѣ Разина Баятинскимъ подъ Симбирскомъ и о томъ, что все войско его разбѣжалось и самъ онъ неизвѣстно куда скрылся. Начало собираться къ Тамбову и войско, бывшее въ дѣлахъ противъ Разина. Начинался періодъ суда и расправа надъ зачинщиками и участниками возстанія. Не рѣшительныя мѣры и мѣры кротости, которыя практиковались доселѣ, частью въ предположеніи подѣйствовать этимъ на бунтовщиковъ, вызвать въ нихъ раскаяніе, частью по слабости и по неимѣнію силъ

поступить вездѣ энергично и рѣшительно, замѣнялись теперь мѣрами самой крутой строгости и даже просто жестокостью.

Изъ Москвы къ Бутурлину пришла грамота съ приказаніемъ какъ поступать съ бунтовщиками: ...«Писалъ къ намъ, говорится въ грамотѣ, изъ Танбова стольникъ нашъ и воевода Еремей Пашковъ, что Танбовскаго уѣзда села Черленаго и иныхъ селъ и деревень казаки намъ великому государю измѣнили, да Танбовскаго жъ уѣзду, казачей атаманъ Тимошка Мещерякъ съ товарищи, которые были въ измѣнѣ намъ великому государю въ винахъ своихъ доби́ли челомъ, крестъ цѣловали изъ полку думнаго нашего дворянина и воеводы Якова Тимоѣевича Хитрово отпущены въ Танбовскій уѣздъ въ дома свои, и тотъ воръ и крестопреступникъ танбовскихъ казаковъ атаманъ Тимошка Мещерякъ съ товарищи, забывъ Господа Бога и наше государево крестное цѣлованіе, намъ, великому государю, измѣнилъ въ другой рядъ и прислалъ отъ себя станичнаго вожа Гаврилка Карнау́ха и велѣлъ танбовскихъ служилыхъ и всякихъ людей наговаривать на воровство и на измѣну; и по ево де Гаврилкову наговору танбовцы служилые и всякихъ чиновъ люди многіе намъ, великому государю, измѣнили. И какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ, и вы

бъ по сему нашему великого государя указу съ нашими государевыми ратными людьми, которымъ по наряду съ Москвы съ вами въ полку быть велѣно, и съ резанцы дворяны и дѣтьми боярскими шли днемъ и ночью на спѣхъ, тотчасъ, не мѣшавъ нигдѣ ни малого времени ни для чего, а въ дорогѣ про воровскихъ людей развѣдывали... И вы бѣ надъ казаки и надъ измѣнниками, надъ Тимошкою Мещерякомъ и надъ Гаврилкою Карнауховымъ: и будетъ гдѣ объявлятца, прося у Господа Бога милости и у Пречистой Богородицы и у всѣхъ святыхъ помощи и заступленія, промышляли всякими обычаи, чтобъ съ Божіею помощію надъ нимъ поискъ и промыслъ учинить вскорѣ; а какъ дастъ Богъ надъ ними поискъ и промыслъ учинить а атамана Тимошку Мещеряка и товарища его станичного вожа Гаврилко Карнауха возмете или они, видя вашъ надъ собою промыслъ, сдадутца, и вы бѣ ихъ и товарищевъ ихъ къ тому воровству пущихъ заводчиковъ велѣли распросить и пытать накрѣпко и огнемъ жечь, а послѣ распросу и пытки, сказавъ имъ воровскіе ихъ вины при многихъ людехъ велѣли имъ обѣчь руки по локоть, а ноги по колѣни, казнить смертію повѣсить, чтобъ на то смотря инымъ не повадно было также воровать и къ такому воровству приставать: а сами бѣ есте въ Танбовѣ жили съ

великимъ береженіемъ и опасеньемъ и про сборъ и про приходъ воровскихъ казаковъ съ Хопра и съ Медвѣдицы и изъ иныхъ мѣстъ провѣдывать всякими обычаи и отъѣзжіе сторожи держали въ которыхъ мѣстахъ пригожъ, чтобъ воровскіе казаки къ танбовскимъ крѣпостямъ и къ Танбову и въ Танбовскій уѣздъ бездѣльно не пришли и надъ городомъ и въ уѣздѣ какова дурна и порухи не учинили; и гдѣ какіе воровскіе казаки объявятца, и на нихъ съ нашими государевыми ратными съ конными и съ пѣшими людьми и съ пушки и съ обозомъ ходили, и о томъ поискъ и промыслъ чинили, а Танбовцевъ служилыхъ и жилецкихъ всякихъ чиновъ людей нашею государевою милостію обнадежили и говорили имъ, чтобъ они намъ, великому государю, служили, а на воровскіе ни на какіе прелести не прельщались и ни къ какому воровству не приставали никакими обычаи, а за службу наша государева милость къ нимъ будетъ и служба ихъ у насъ, великого государя, никогда въ забвеніи не будетъ».

Подходилъ къ Темникову князь Юрій Долгорукій, прославившійся побѣдой надъ «воровскими казаками» подъ селомъ Паневымъ и потомъ своими казнями въ Арзамасѣ. Подходили другіе воеводы. Забунтовавшіе города и села сдавались одни за другими, прося помилованія и высылали

на встрѣчу войскамъ поповъ съ иконами и крестами. Стольникъ воевода Степанъ Лихаревъ безъ труда освободилъ Казатинъ и приказалъ всѣмъ возмутителямъ въ городѣ рубить головы, а въ селахъ и деревняхъ вѣшать ихъ. 14-го декабря Хитрово взялъ Керенскъ; 17-го января князь Щербатовъ овладѣлъ Нижнимъ-Ломовомъ; потомъ сдался ему Верхній-Ломовъ, потомъ покорилась Пенза. Возстаніе доживало послѣдніе дни...

Между тѣмъ дворяне и дѣти боярскіе, воеводы, бѣжавшіе съ воеводствъ и неизвѣстно гдѣ оказавшіеся, подъячіе, приказные, собирались снова на свои мѣста. Чѣмъ большій страхъ и даже паника овладѣвали населеніемъ при слухахъ и побѣдахъ царскихъ воеводъ и о казняхъ, которыя слѣдовали за побѣдами, тѣмъ теперь выше поднимали эти бѣжавшіе и возвратившіеся начальники головы. Начались безчисленные «указанія» и доносы. Вездѣ чинился судъ и за нимъ сейчасъ же слѣдовало наказаніе.

Растерявшееся населеніе приносило всюду повинную. Уличаемые въ соучастіи съ мятежниками увѣряли, что они взяты были въ банды и удерживались тамъ силою. Зачинщиковъ населеніе выдавало. Ихъ допрашивали, потомъ вѣшали, нѣкоторымъ рубили руки по локоть, ноги — по колѣни и въ такомъ видѣ отпускали на сво-

боду, чтобы было памятно имъ. Всѣхъ же вообще, сколько-нибудь причастныхъ воровству или только подозрѣваемыхъ въ немъ — а ихъ было безъ числа — пороли кнутомъ.

Стенькины грамоты и «прелетныя» письма сыскивали всюду, отбирали ихъ и отсылали въ Москву, а тѣхъ, у кого ихъ находили, вѣшали, чтобы не осталось ни одного человѣка, который видѣлъ эти письма его или грамоты.

Казни были ужасны и происходили въ ужасающихъ размѣрахъ. Жестокостью въ этомъ случаѣ больше всѣхъ прославился воевода князь Юрій Долгорукій, занимавшійся этимъ во все время своей стоянки въ Арзамасѣ: — «Страшно было смотрѣть на Арзамасъ, — говорить современникъ, — его предмѣстья казались совершеннѣйшимъ адомъ; повсюду стояли висѣлицы и на каждой висѣло по сорока и по пятидесяти труповъ; тамъ валялись разбросанныя головы и дымились свѣжею кровью; здѣсь торчали колья, на которыхъ мучились преступники и часто были живы по три дня, испытывая неописанныя страданія. Въ три мѣсяца Долгорукій казнилъ въ Арзамасѣ одиннадцать тысячъ человѣкъ: ихъ казнили не иначе, какъ соблюдая обряды правосудія и выслушавъ свидѣтелей и обвинителей. На вопросъ, какое было у нихъ намѣреніе, они всѣ въ одно говорили подъ пыткой:

— «Хотѣли мы Москву взять и васъ всѣхъ бояръ и дворянъ, и приказныхъ людей перебить на смерть».

Характерную черту обнаружили при этомъ побѣдители: они вздумали было взятыхъ въ плѣнъ мятежниковъ обращать въ рабство себѣ и многіе столько ихъ набрали, зачисливъ въ своихъ крѣпостныхъ, что правительство должно было наконецъ велѣть останавливать по дорогамъ воеводъ, бояръ и дворянъ, которые вели къ себѣ этихъ новыхъ своихъ крѣпостныхъ. Ихъ задерживали и возвращали назадъ за счетъ этихъ бояръ и дворянъ...

Такъ кончилось возстаніе и край затихъ впредь на цѣлыхъ сто лѣтъ, вплоть до возстанія Пугачева, вызвавшаго тѣ же ужасы при разгромѣ помѣщиковъ и чиновниковъ и потомъ при своемъ усмирении...

А еще черезъ сто лѣтъ великій актъ 19-го февраля 1861 года сдѣлалъ навсегда невозможнымъ дальнѣйшее ихъ повтореніе...

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Лѣто 1867 года я жилъ въ Тамбовской губерніи, въ имѣніи моей матери, и рѣшительно не зналъ, что мнѣ изъ себя дѣлать: поступать ли на казенную службу, брать ли на аренду какое-нибудь имѣніе, которыхъ тогда предлагалось множество, такъ какъ большинство помѣщиковъ-сосѣдей, испробовавъ веденіе хозяйства по новому, пришли къ заключенію, что вести имъ его невозможно, искали охотниковъ-арендаторовъ и отдавали по чемъ попало, не требуя ни какихъ залоговъ, гарантій, лишь бы поскорѣе развязаться и уѣхать куда-нибудь — въ Москву, Петербургъ, отдохнуть отъ тяжелыхъ, испытанныхъ въ теченіе семи лѣтъ, неудачъ, разочарованій и непріятностей... А пока, отъ нечего дѣлать, я цѣлые дни проводилъ на охотѣ съ ружьемъ и собакой. Собственно говоря, это не была

даже охота, а было какое-то безцѣльное, безъ начала и конца, шатанье по полямъ, по болотамъ, по окрестнымъ и дальнимъ деревнямъ, ночевки въ полѣ, на берегахъ рѣкъ, на гумнахъ, на сѣновалахъ. Мнѣ просто надо было куда-нибудь уходить отъ всѣхъ этихъ разговоровъ о «несчастіи», объ «огорченіяхъ», о «несправедливости» и проч., и проч., которые велись у насъ дома, и велись, когда пріѣзжали и сосѣди, одинаково совершенно смотрѣвшіе на посѣтившее ихъ «несчастіе», — т. е., Положеніе 19-го февраля. Разговоры эти меня донимали пуще всего, а къ тому же, тутъ еще и неопредѣленное свое личное положеніе, неизвѣстность, и самая полная, о своемъ будущемъ, т. е., по какой пойти дорогѣ. Уйду бывало въ поле и — легче. Даже иногда и не думаю ни о чемъ вовсе, а такъ отойду отъ дома версты на двѣ, на три, лягу гдѣ-нибудь подъ стогомъ или на берегу рѣки, руки подъ голову и смотрю, какъ тамъ, въ небѣ, высоко несутся надо мною облака. Возлѣ лежитъ ружье; гдѣ-нибудь свернулась въ комочекъ и спитъ собака. И хорошо. Иной разъ пролежишь такъ часа три, четыре, и очнешься, когда услышишь гдѣ-нибудь вдали громъ прогромыхалъ или на дорогѣ послышится чей-нибудь приближающійся все ближе и ближе колокольчикъ, а то просто мужикъ прямикомъ въ

телегѣ проѣдетъ по межѣ, совсѣмъ возлѣ, и на него подниметь голову и зарычить собака.

Это была жизнь чисто созерцательная, которой можетъ жить только человѣкъ, много испытавшій на своемъ вѣку и много настрадавшійся при этомъ; а я до той поры еще ничего не испыталъ, вся ломка жизненная была еще впереди у меня; я, можно сказать, тогда еще почти не начиналъ жить живой, реальной жизнью. Это убѣганіе въ поле, въ степь, было ничто иное, какъ излишняя впечатлительность и нервнораздраженность человѣка, еще не попавшаго на свою настоящую дорогу и чувствующаго одну только неудовлетворенность среди страшной пустоты и безсодержательности въ окружающей обстановкѣ. Я велъ тогда ужъ третій годъ такую жизнь и сколько бы продолжалась она еще, сколько бы еще я все соображалъ, рассуждалъ и не рѣшался начать что-нибудь иное, — я и самъ не знаю, если бы совершенно неожиданно не случилось со мною одно обстоятельство, которое сразу все въ моей жизни перевернуло, бросило сперва въ одну сторону, потомъ въ другую, пока наконецъ не попалъ я на ту дорогу, по которой бреду и на которой сталъ тѣмъ, чѣмъ я сталъ теперь, и которая вѣроятно и есть моя настоящая дорога: ни на какой другой я бы большого не сдѣлалъ ужъ во всякомъ случаѣ...

Живя въ Петербургѣ и будучи еще въ университетѣ, я познакомился съ А. А. Краевскимъ, издававшимъ тогда казенныя «Петербургскія Вѣдомости». Что-то такое я тогда ему пописывалъ. Ему нравилось, онъ бралъ у меня, печаталъ, но, будучи самъ отъ природы чело-вѣкъ серьезный и имѣя даже видъ серьезный, обстоятельный и дѣловитый, все совѣтовалъ мнѣ писать «въ серьезномъ родѣ».

— Да какъ же, Андрей Александровичъ, можно объ этомъ серьезно говорить? — спрашивалъ я его иногда.

— Все равно: относиться надо серьезно, ко всему надо относиться серьезно.

И читая въ это время въ корректурѣ какую-нибудь мою статейку, если въ ней попадались выраженія «день тому назадъ» или «годъ тому назадъ» вычеркивалъ слово «тому».

— Годъ назадъ, говорилъ онъ:—къ чему же тутъ еще «тому». Всѣ и такъ понимаютъ, что годъ былъ назадъ тому о чемъ вы рассказываете... И вотъ, видите какъ вы не внимательны: я вамъ каждый разъ вычеркиваю, а вы все пишете.

А я писалъ нарочно: меня занимало—пропустить, проглядить онъ, или нѣтъ, и даже держалъ нѣсколько разъ съ товарищами пари и всегда, конечно, проигрывалъ, потому что такого серьезнаго корректора какъ Андрей Алек-

сандровичъ не было у насъ, нѣтъ и никогда не будетъ.

Такимъ образомъ, съ А. А. Краевскимъ я былъ знакомъ. Теперь, живя въ деревнѣ, я началъ посылать ему въ «Голосъ» время отъ времени корреспонденціи и разныя замѣтки, очерки, подписывая ихъ буквами С. Т. Корреспонденціи эти нравились ему, должно быть, потому что онъ нѣсколько разъ присылалъ мнѣ, вмѣстѣ съ деньгами за нихъ, и свои одобрительныя замѣчанія, только всегда непремѣнно напоминалъ о серьезности и рекомендовалъ ея держаться. Въ Тамбовской же губерніи и особенно въ нашемъ уѣздѣ, онѣ, эти корреспонденціи, производили внушающій фуроръ. Меня боялись, какъ положительно и завѣдомо «вреднаго», «безпокойнаго» человѣка, который живетъ здѣсь несомнѣнно для того только и потому, что ему поручено изъ Петербурга отъ газетъ слѣдить за всѣмъ и обо всемъ сейчасъ же доставлять туда извѣстія; что можно, газеты печатаютъ, а чего нельзя—принимаютъ къ свѣдѣнію и откладываютъ до болѣе удобнаго времени. Мои скитанья съ ружьемъ и собакой объясняли тѣмъ, что я въ это время собираю «свѣдѣнія» и обдумываю о чемъ бы мнѣ еще и какъ написать. Мнѣ это нравилось, т. е. это такое отношеніе ко мнѣ, и я не опровергалъ ходившихъ обо мнѣ слуховъ: я на

ходилъ себѣ нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что мой смѣхъ смущалъ, тревожилъ и положительно не давалъ покою этимъ серьезнымъ глупцамъ, воображавшимъ, что они дѣлаютъ и Богъ вѣсть какое серьезное дѣло. И ни одинъ изъ тѣхъ, о комъ я говорилъ прямо, называя иногда по фамиліи — я не говорю уже о тѣхъ, о комъ я только намекалъ — не обратился, не посмѣлъ даже обратиться ко мнѣ съ выраженіемъ своего оскорбленнаго самолюбія. Такова была сила печатнаго слова въ провинціи въ то время. Можно было совершенно безопасно тогда писать, что угодно, разумѣется, только чтобы это была правда, и риску не было въ томъ ни малѣйшаго, никакого. Но тогда и не было ни шантажныхъ, ни личныхъ, направленныхъ противъ кого-нибудь изъ личностей, статей. Я говорю, конечно, объ общемъ характерѣ и при томъ сравнительно съ тѣмъ, что стало впослѣдствіи...

Пользуясь тѣмъ, что мнѣ все сходило съ рукъ безнаказанно, я все поднималъ и поднималъ тонъ въ своихъ корреспонденціяхъ, строго, конечно, продолжая провѣрять справедливость всего того, о чемъ или о комъ я писалъ. Это мнѣ создало сторонниковъ, защитниковъ, друзей. Я радовался, что я, человѣкъ безъ всякихъ средствъ, безъ всякаго положенія, не знающій, что съ собою дѣлать, убѣгающій отъ угнетавшей меня

скуки и окружающей пошлости въ поле, въ деревню къ мужикамъ, куда попало, куда глаза глядятъ,—тѣмъ не менѣе своего рода сила, которая вызываетъ непримиримую ненависть ко мнѣ у однихъ, которыхъ я считалъ пошляками, и самое живое, горячее участіе и даже благодарность у другихъ, къ которымъ хоть сколько-нибудь у меня лежало сердце.

Сходило, сходило мнѣ все съ рукъ, наконецъ и я наскочилъ.

Былъ въ томъ году голодъ, — въ Самарской, въ Уфимской губерніи — не помню теперь хорошо — газеты были полны описаніемъ ужасовъ, въ которыхъ жило населеніе голодающей мѣстности; была объявлена подписка въ пользу голодающихъ, собирались пожертвованія; былъ образованъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, теперь Государя. Въ этотъ комитетъ стекались всѣ пожертвованія со всѣхъ концовъ Россіи. Жертвовала, разумѣется, и наша губернія и преимущественно хлѣбомъ, котораго у насъ тогда уродилось много и уродился онъ все хорошій, отличнаго качества. Въ Козловѣ, нашемъ уѣздномъ городѣ, лежали, пожертвованные мѣстными купцами и привезенные изъ другихъ мѣстъ, громадныя запасы хлѣба въ зернѣ и въ мукѣ. Объ этихъ пожертвованіяхъ тогда много говорили. Однажды, въ это время я при-

ѣхалъ въ Козловъ, и мнѣ рассказываютъ, вдругъ что эти громадныя запасы не могутъ быть движуты въ голодающую мѣстность, потому что желѣзная дорога, козловско-рязанская, тогда только-что отстроенная и открытая для движенія, не беретъ ихъ къ отправкѣ.

— Это почему же?

Я сталъ спрашивать. Мнѣ рассказалъ одинъ, рассказалъ другой, третій и всѣ рассказывали одно и тоже. Это я спрашивалъ купцовъ. Потомъ я поѣхалъ къ предводителю дворянства, моему хорошему знакомому, спросилъ и его, — и онъ повторилъ буквально то же самое.

— Чтожъ вы молчите?

— Жаловались, всюду жаловались.

— И чтожъ?

— И — ничего.

Дѣло было вопіющее въ полномъ смыслѣ этого слова и заключалось въ томъ, что Дервизъ съ Мекомъ, хозяева дороги, выстроившіе ее за баснословно дорогую цѣну, недовольствуясь тѣми барышами, которые они получили отъ постройки дороги, задумали эксплуатировать ее еще и въ смыслѣ своей монополіи по отправкѣ грузовъ по ней. Они учредили съ этой цѣлью свое комиссіонерство для пріемки и отправки товаровъ, за что и взымали по копѣйкѣ съ пуда, а тѣ изъ отправителей, которые не хотѣли пользоваться

этими непрошенными ихъ услугами, должны были дожидаться съ своими товарами очереди послѣ отправки всѣхъ грузовъ комиссіонерства.

— Да помилуйте, говорили отправители, — на что намъ нужны ваши услуги? У насъ свои есть агентства, свои конторы въ Москвѣ и Петербургѣ, — зачѣмъ намъ ваше комиссіонерство?

Отправители, какъ сказано, жаловались, но все это оставалось безъ послѣдствій. Наконецъ, въ виду того, что Дервизъ съ Мекомъ сильны, у нихъ связи, на ихъ сторонѣ начальство, купцы-отправители убѣдились, что и здѣсь права пословица: «плетью обуха не перешибешь», и начали одинъ по одному покоряться и сдавать свои хлѣба для отправки комиссіонерству, плативъ, Богъ знаетъ за что въ пользу Дервиза и Мека по копѣйкѣ съ пуда дани, лишь бы не опоздать съ доставкой, исполнить контракты и не обанкротиться. Но пожертвованный хлѣбъ, всего около трехъ милліоновъ пудовъ, такъ и лежалъ, сваленный подъ открытымъ небомъ у самаго вокзала козлово-рязанской дороги. Объ немъ заботиться было не кому, или тѣ, на обязанности кого это лежало, не имѣли разрѣшенія приплачивать къ цѣнѣ за отправку еще лишнюю копѣйку дани Дервизу съ Мекомъ, переписывались съ своимъ начальствомъ, а сложенный грудами хлѣбъ поливался, ничѣмъ не прикрытый,

дождями. Когда я поѣхалъ смотрѣть это безобразіе, меня поразили просто наглость и безстыдство дервизовскихъ и мековскихъ инженеровъ, управлявшихъ порядками на дорогѣ. Представьте себѣ бугры или холмы, съ порядочные дома величиною, покрытые свѣжей яркой зеленью: это кули съ овсомъ и рожью проросли отъ бывшихъ передъ тѣмъ дождей, и это хлѣбъ, собранный и назначенный къ отправкѣ голодающимъ! И кто же все это дѣлаетъ? Два какихъ-то сенатскихъ чиновника, урвавшіе желѣзнодорожную концессию, нажившіе на ней десятки милліоновъ и теперь, изъ скаредности своей, отнимающіе послѣдній кусокъ хлѣба у голодающихъ!..

Я написалъ тогда горячую и рѣзкую корреспонденцію обо всемъ этомъ въ «Голосъ» и, кромѣ того, письмо къ г. Краевскому, въ которомъ завѣрилъ его честнымъ словомъ, что всѣ подробности мною лично провѣрены и что все это самая святая правда. Краевскій, осмотрительный, осторожный до щепетильности, не только напечаталъ всю корреспонденцію цѣликомъ, ничего изъ нея не выкинувъ, но еще мало того, напечаталъ, на основаніи ея, на другой день страшно рѣзкую передовую статью (ее писалъ М. П. Розенгеймъ). Эффектъ получился чрезвычайный...

Дальше таить шило въ мѣшкѣ стало уже невозможно. Сейчасъ же изъ Петербурга была

прислана комиссія—какая-то смѣшанная изъ чиновниковъ всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ,—которая и принялась засѣдать гдѣ-то, въ отведенномъ для нея помѣщеніи на вокзалѣ рязанско-козловской дороги. Ничего не зная объ этомъ въ глуши деревенской, я совершенно случайно въ это время зачѣмъ-то приѣхалъ въ Козловъ и мнѣ тамъ, къ удивленію моему, устроили цѣлую овацію. Что комиссія кончитъ дѣло ничѣмъ, виноватыхъ конечно не найдетъ,—въ этомъ никто не сомнѣвался, но не сомнѣвался никто въ то же время и въ томъ, что дни Дервизо-Мековского агентства отнынѣ ужъ сочтены и оно, не сегодня завтра, будетъ закрыто по распоряженію правительства или еще ранѣе, спасая свое самолюбіе, Дервизъ съ Мекомъ закроютъ его сами. Комиссія впослѣдствіи такъ и кончила, какъ всѣ ожидали: виновникомъ въ убыткахъ на милліоны, которые потерпѣли отправители, оказался какой-то помощникъ бухгалтера...

Изъ Козлова я уѣхалъ, на другой или на третій день совершенно съ отуманенной головой: я и теперь считаю эту свою корреспонденцію едва ли не самымъ плодотворнымъ своимъ литературнымъ трудомъ (по результатамъ), а тогда, мальчишка сравнительно, я былъ положительно, что называется, на седьмомъ небѣ. Меня радовало не то, что я дѣлался теперь въ глазахъ

всѣхъ у насъ, въ нашей губерніи, силой, съ которой надо обращаться, держа ухо востро,—меня радовалъ успѣхъ другой, общей силы, которой я былъ только частичкой—успѣхъ литературы или по крайней мѣрѣ печатнаго слова вообще...

Помню, я написалъ тогда, по поводу этого, восторженное, горячее письмо къ Краевскому, котораго благодарилъ и за себя и отъ имени всѣхъ, кому мы съ нимъ помогли, и поздравлялъ съ успѣхомъ, желалъ его газетѣ, чтобы она стала еще болѣе авторитетною, сообщая смѣло достовѣрныя, строго провѣренныя свѣдѣнія.

Но каково же было мое удивленіе, когда тотъ же посланный, съ которымъ я отправилъ на почту свое письмо, привезъ мнѣ письмо отъ Краевскаго, въ которомъ тотъ писалъ, чтобы я какъ можно скорѣе выѣзжалъ въ Петербургъ—сегодня же, завтра—и везъ съ собою оправдательные документы, такъ какъ раздраженные на насъ Дервизъ и Мекъ подали жалобу въ диффамаци и что у этихъ всесильныхъ милліонеровъ-желѣзнодорожниковъ и адвокатъ также всесильный, первая тогдашняя звѣзда адвокатуры, не закатившаяся и до нашихъ дней—В. Д. Спасовичъ... Спасовичъ, этотъ, если не богъ, то полубогъ нашъ въ университетѣ, котораго мы, студенты, когда-то съ благоговѣніемъ слушали,

который намъ представлялся олицетвореніемъ правды и справедливости, и вдругъ этотъ самый Спасовичъ берется, даже уже взялся защищать такое разбойное дѣло! Помню, первое мое впечатлѣніе отъ этого письма:—Что же это такое? разсуждалъ я. — Спасовичъ — и вдругъ... Нѣтъ, это что-нибудь не такъ. Тутъ какая-нибудь ошибка. Этого не можетъ быть...

Меня наводило на эти мысли, кромѣ обоянія имени любимаго профессора, еще и личная, какая-то желчная нотка въ письмѣ Краевского. Очень ужъ онъ негодовалъ на Спасовича и очень нехорошо объ немъ отзывался, а въ подтвержденіе всего приводилъ только то, что онъ полякъ... Чтожъ такое, что онъ полякъ? разсуждалъ я, — мы давно всѣ знали и знаемъ, что онъ полякъ, это же нисколько не мѣшаетъ ему быть порядочнымъ человѣкомъ—какъ будто изъ поляковъ и нѣтъ порядочныхъ людей—что за вздоръ такой, и его, все равно—будь онъ хоть еврей—надо непременно предупредить о томъ за что онъ берется, какую черную неправду онъ собирается защищать. Я хотѣлъ сейчасъ же писать къ нему, подробно рассказать въ чемъ дѣло и т. д., но сообразилъ, что письмо ранѣе меня все-таки въ Петербургъ все придетъ, а по приѣздѣ туда, я лично къ нему поѣду и объясню

въ чемъ дѣло гораздо лучше на словахъ, чѣмъ въ письмѣ.

На другой день я собрался наскоро и уѣхалъ въ Петербургъ. Въ Козловѣ, во время остановки поѣзда, я встрѣтилъ кое-кого изъ купцовъ на вокзалѣ.

— Господа, ѣду судиться, сказалъ я. — Краевского и, кажется, и меня подъ судъ тащутъ за то, что мы писали противъ Дerviза съ Мекомъ.

— Это какъ-же такъ? Да вѣдь комисарство закрыто ужъ.

— А вотъ такъ: какъ смѣли эдакихъ особъ тревожить. Они, вѣдь, по нынѣшнимъ временамъ, большія шишки.

— Да вѣдь вы же всю правду писали.

— Мало бы что!

— Вонъ, глядите-ка, зеленая гора-то стоитъ. Вѣдь больше половины хлѣба они погноили...

Меня провожали пожеланіями успѣха, полного оправданія, торжества правосудія и наперерывъ всѣ вызывались идти въ свидѣтели, хото-бы для этого и нужно было ѣхать на судъ въ Петербургъ.

II.

По приѣздѣ въ Петербургъ, прямо съ желѣзной дороги, я отправился къ Краевскому, на его квартиру, на углу Бассейной и Литейной. Я засталъ его дома, въ кабинетѣ, за газетами. Онъ былъ не одинъ. По другую сторону огромнаго его письменнаго стола сидѣлъ тоже какой-то сѣдой господинъ, тоже съ необыкновенно серьезнымъ лицомъ.

— А! Наконецъ-то. Ну, вотъ и спаситель нашъ теперь приѣхалъ!—воскликнулъ Краевскій.

Сѣдой господинъ съ необыкновенно серьезнымъ лицомъ всталъ и, молча покручивая свою бороду и усы, поглядывалъ на меня, держа въ одной рукѣ газету.

— Вы незнакомы?—спросилъ его Краевскій.

И вслѣдъ за тѣмъ представилъ насъ. Это, оказалось, былъ В. Н. Леонтьевъ, помощникъ, соредакторъ Краевскаго, человѣкъ, какъ я узналъ впоследствии, совершенно тупой, бездарный и даже ужасно безграмотный, котораго Краевскій держалъ при себѣ только за его серьезный видъ и, кромѣ того, какъ говорили, и за то, что онъ былъ «Леонтьевъ»: у Каткова былъ Леонтьевъ,

какъ же, чтобы не было и у него, конкурента Каткова, тоже своего Леонтьева?..

Мы усѣлись втроемъ. Краевскій обстоятельно и подробно изложилъ мнѣ въ чемъ дѣло, т. е. въ чемъ насъ обвиняють, и добавилъ, что это по такой статьѣ закона, гдѣ почти не можетъ быть оправданія, такъ какъ оправдаться почти нельзя. А ужъ особенно, заключилъ онъ, когда обвиняетъ Спасовичъ, и при этомъ опять не хорошо такъ его обозвалъ

— Но, помилуйте, воскликнулъ я, — онъ просто не знаетъ въ чемъ дѣло, онъ введенъ въ недоумѣніе. Я поѣду къ нему и все объясню. Онъ сейчасъ-же откажется.

— Это Спасовичъ-то введенъ въ недоумѣніе? возразилъ Краевскій, съ чувствомъ понюхавъ табакъ и разсмѣялся.

— Я поѣду и вы вотъ увидите, настаивалъ я.

Краевскій не сталъ больше мнѣ возражать, сказалъ, что, пожалуй, пускай я ѣду, но что изъ этого ничего не выйдетъ: тутъ-съ есть другія, кромѣ того, причины...

Тогда заговорилъ Леонтьевъ:

— Это дѣло вѣдь серьезное, сказалъ онъ: — Андрею Александровичу грозить...

— Да-съ, могутъ засадить, сказалъ Краевскій, а Спасовичъ навѣрно будетъ этого добиваться.

— Но вѣдь это же все правда, что мы писали! воскликнулъ я.

Краевскій махнулъ на это рукой, а Леонтьевъ взялъ со стола какую-то толстую книгу, порылся въ ней, что-то отыскивая, и показалъ мнѣ знаменитую и прискорбную для насъ 1,119 статью о диффамаци.

— Да вѣдь это, если клевета, неправда... а тутъ какая-же клевета?

— Это все равно, сказалъ Леонтьевъ, — правда, клевета, это все равно.

— Я ничего не понималъ и думалъ, что же это за мистификація?

— Ну-съ, а какіе-же документики вы намъ привезли? спросилъ Краевскій: — покажите. Надо, Владиміръ Николаевичъ, обратился онъ къ Леонтьеву, — за Ф. Ф. Ординымъ послать сейчасъ.

— Кто этотъ Ординъ? спросилъ я.

— Это нашъ адвокатъ, Онъ помощникъ Я. М. Серебрянаго, а этотъ!—воскликнулъ Краевскій— а этотъ двухъ Спасовичей по уму стоитъ.

У меня отлегло отъ сердца при этомъ, но въ то же время стало и обидно за Спасовича, какъ стало обидно тому арабу, который на какой-то клычѣ догналъ своего знаменитаго скакуна, котораго у него украли, и воръ, не зная какъ его погонять, далъ такъ опозорить его. Въ анекдо-

тѣ объ арабѣ разсказывается, что хозяинъ скакуна, видя, что ужъ онъ достигаетъ вора и тотъ, что ни дѣлаетъ съ лошадыю, какъ онъ ни погоняетъ ее, она все не идетъ полнымъ ходомъ, крикнулъ ему: «да ущипни его за ухо, за лѣвое ухо!» и тогда только его любимый скакунъ понесся съ воровъ какъ вѣтеръ... Но я, однако, какъ ни любилъ, или правильнѣе, какъ ни обожалъ Спасовича, все равно не былъ бы въ претензіи, еслибъ на предстоящемъ состязаніи обогналъ его г. Ординъ, помощникъ Серебряннаго, или самъ Серебряный — кто тамъ насъ съ Краевскимъ будетъ изъ нихъ защищать...

— Какія же бумаги? удивился я. — Оправданія наши всѣ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, а такъ, какія же еще могутъ быть документы у меня? Въ свидѣтели всѣ пойдутъ...

Въ то время пришелъ Ф. Ф. Ординъ, адвокатъ Краевскаго, за которымъ посылали, красивый брюнетъ съ окладистой черной бородой, съ добрыми глазами, человекъ вообще добродушнѣйшаго склада и вида. Я смотрѣлъ на него, слушалъ его и съ грустью думалъ: «и это противникъ Спасовича на судѣ? Это нашъ защитникъ, который долженъ вырвать наше оправданіе у Спасовича съ этой страшной статьей о диффамаци въ рукахъ!..

Краевскій представилъ насъ одному другому

и Ординъ началъ спрашивать меня о дѣлѣ и о томъ, какія письменныя доказательства нашей правоты я могу достать,

— Свидѣтельскія показанія въ дѣлахъ этого рода не допускаются, — мягко увѣрялъ меня Ординъ.

— Я право не знаю, какія же другія доказательства я могу представить, — отвѣчалъ я ему.

— Напримѣръ, квитанціи желѣзной дороги на принятый и не отправленный во время товаръ. Какія нибудь завѣдомо злостныя распоряженія гг. фонъ-Дервиза и фонъ-Мека. (Къ этому времени они ужъ величались «фонами»).

— Не знаю.

— Наконецъ свидѣтельскія показанія, но письменныя и собственно не свидѣтельскія показанія, а письма къ вамъ или въ редакцію въ большомъ количествѣ отъ товароотправителей, гдѣ они рассказываютъ тоже самое, что рассказывали и вы въ корреспонденціяхъ вашихъ и потомъ говорилось въ передовыхъ статьяхъ газеты.

— Это — сколько угодно! воскликнулъ я.

Совѣщаніе наше кончилось тѣмъ, что завтра же я ѣду обратно въ Козловъ и запасаясь письмами отъ товароотправителей, квитанціями на неотправленный товаръ и проч. и проч. Но вечеромъ, все-таки не покидая своей мысли лично повидаться съ Спасовичемъ и объяснить ему

настоящую суть дѣла, я поѣхалъ къ нему на квартиру, помнится, гдѣ-то на Ивановской или Кабинетской.

— Ихъ нѣтъ-съ дома, — сказали мнѣ на квартирѣ.

— Когда же они будутъ?

— Ихъ въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ. Они уѣхали...

— Когда же онъ будетъ?

— Черезъ недѣлю, или дней черезъ восемь.

Дождаться его возвращенія — нечего было и думать, потому что до суда оставалось всего на всего двѣ недѣли и я въ это время долженъ былъ успѣть собрать всѣ нужные документы и все приготовить.

Я съ грустью пошелъ отъ Спасовича домой и по дорогѣ завернулъ пообѣдать къ Палкину. Вдругъ, я вижу, черезъ столикъ отъ меня сидитъ и тоже одинъ обѣдаетъ мой товарищъ П—скій. Онъ увидалъ меня, узналъ, и мы улыбались вмѣстѣ.

— Скажи, пожалуйста, что это такое? Спасовичъ взялся за такое вдругъ дѣло? сказалъ я, и сталъ подробно излагать ему въ чемъ оно заключается.

Онъ долго, и внимательно слушалъ меня, просясь продолжать, когда я останавливался, то и дѣло.

повторялъ: это очень интересный юридическій случай, очень интересный.

— Но это вопіющее дѣло! Ты видишь самъ, воскликнулъ я.

— А это какъ судъ посмотреть, — возразилъ мнѣ П—скій.

— То-есть какъ: какъ судъ посмотреть? Ты самъ то развѣ не понимаешь, не можешь своего мнѣнія имѣть? какже не браться за такое дѣло? защищать его.

П—скій хитро улыбнулся при этомъ, слушая меня, и сказалъ;

— Вотъ видишь, сколько ты упустилъ, не окончивъ юридическій факультетъ. Ты бы тогда эдакъ не говорилъ. Судъ, въ интересахъ истины, функціонируетъ всѣми своими членами: и обвиненіемъ, и защитой и безпристрастной совѣстью присяжныхъ. Только такимъ образомъ онъ добивается истины и можетъ получить ее... И потому равно почтенно быть по каждому дѣлу, какое бы оно ни было, и прокуроромъ обвинителемъ и защитникомъ...

Я помню, я смотрѣлъ на него, слушалъ, и этотъ его судъ мнѣ представлялся со всѣми своими членами, которыми онъ функціонируетъ въ интересахъ истины, какимъ-то мягкотѣлымъ молоскомъ, который шевелить, изловляя свою до-

бычу, всѣми своими щупальцами, усиками и лапками.

А П—скій продолжалъ:

— Это все равно, какъ если бы кто на любительскомъ спектаклѣ отказывался взять на себя роль лакея или горничной подѣ тѣмъ предлогомъ, что это унижительная роль въ жизни. Жизнь сама собою, а это само собою... И подобно тому, продолжалъ онъ, какъ всѣ актеры, какую бы роль не играли, дружнымъ исполненіемъ пьесы достигаютъ ансамбля и производятъ сильное впечатлѣніе, такъ и тутъ...

— Ты кто? спросилъ я его:—Ты служишь?

— А что? съ удивленіемъ, въ свою очередь, спросилъ меня П—скій.

— Такъ, ничего.

— Служу: я помощникъ прокурора окружного суда.

Онъ назвалъ мнѣ гдѣ—въ Саратовѣ, въ Симбирскѣ, въ Пензѣ— гдѣ-то въ этой сторонѣ.

— Да, повторилъ онъ мнѣ, въ видѣ добраго совѣта: понять судъ безъ юридической подготовки къ тому — это чрезвычайно трудно, потому что это чрезвычайно сложная... сложная... Какъ бы это тебѣ сказать?..

Дальше, конечно, я не спрашивалъ моего пріятеля на эту тему, предоставивъ себѣ думать

объ этой «сложной функціи», какъ я нахожу пужнымъ; но спросилъ: не извѣстно ли ему чего объ отношеніяхъ Краевскаго съ Спасовичемъ, объ ихъ личныхъ отношеніяхъ, можетъ у нихъ была какая-нибудь ссора еще къ тому же?

— Я не могу тебѣ ничего по поводу этого сказать достовѣрнаго и опредѣленнаго, но все-таки думаю, едва ли они могутъ быть и въ хорошихъ отношеніяхъ.

— Это почему?

— Потому, что, вѣдь ты знаешь, Краевскій направленія консервативнаго...

— Ну, такъ не все ли равно какого онъ направленія?... Если онъ защищаетъ правое дѣло...

— Ну, это, я тебѣ скажу, странно сложный вопросъ. Какъ на это смотрѣть?..

— Я тоже не зналъ какъ и мнѣ послѣ этого смотрѣть на него...

— Однако мнѣ пора, сказалъ я, простился съ нимъ и вышелъ на улицу.

Было ужъ почти темно. На Невскомъ зажигали фонари. Я давно не былъ въ Петербургѣ и теперь онъ мнѣ показался такимъ шумнымъ, полнымъ жизни, движенія.

Я побродилъ по городу, зашелъ вечеромъ опять къ Краевскому, переговорилъ съ нимъ еще относительно нашего дѣла и, усталый съ дороги, вернулся домой въ номеръ гостиницы. На дру-

той день съ пассажирскимъ поѣздомъ я уѣхалъ изъ Петербурга обратно въ Козловъ добывать необходимые намъ документы.

III.

Въ Козловъ я пріѣхалъ, помню, на какой-то праздникъ, и знаменитый тамъ залъ Роговской гостинницы былъ биткомъ набитъ купцами, которые сидѣли по двое, по трое за отдѣльными столиками и пили изъ крошечныхъ чашечекъ чай въ прикуску. Мое появленіе въ залѣ, гдѣ тогда кто же меня не зналъ—произвело цѣлую сенсацію.

— А! возвратились? Ну, съ чѣмъ? Поздравить? Оправдали, Богъ далъ?—послышалось со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ столиковъ, и меня окружили съ разспросами.

Когда, наконецъ, и я усѣлся—долженъ былъ усѣсться за одинъ изъ столиковъ, къ которому всѣ подошли—и началъ имъ подробно и обстоятельно рассказывать въ чемъ дѣло и что мнѣ отъ нихъ нужно теперь,—всѣ горячо и искренно заговорили:

— Всѣ пойдемъ свидѣтельствовать, что это правда. А то такъ сдѣлаемъ: напишемъ здѣсь наши показанія и отправимъ въ Петербургъ де-

путацію. Она въ судъ и представитъ эти показанія наши.

— Это негодится, сказалъ я.

— Почему?

— Не то совсѣмъ надо.

— Какъ не то?

— Такъ—не то: надо документы.

— А это развѣ не документъ будетъ?

— Нѣтъ. Это свидѣтельскія показанія, а въ этихъ дѣлахъ свидѣтельскія показанія не принимаются.

Я помню, долго я имъ объяснялъ, что насъ судятъ не за то, что мы воровскихъ людей переловили, а за диффамацию, и меня мои слушатели такъ-таки дѣйствительно и не поняли...

Надо было что-нибудь предпринимать. Времени не много было у меня въ распоряженіи. На другой день я поѣхалъ къ городскому головѣ и къ другимъ авторитетнымъ купцамъ, все моимъ хорошимъ, старымъ знакомымъ, знавшимъ меня еще мальчикомъ. Просилъ ихъ дать мнѣ старыхъ квитанцій, писемъ, въ которыхъ они сообщаютъ о безобразіяхъ въ дервизовско-мековскомъ агентствѣ, а также и доказательства, что это такое вообще было за агентство. Всѣ, конечно, соглашались, однако, съ нѣкоторой опаской, какъ бы ихъ самихъ не притянули къ суду; очень ужъ хитрой казалась имъ отвѣтственность по

преступленію въ диффамаци; но все-таки я набралъ сколько-то квитанцій на принятый и неотправленный дорогою во-время товаръ, сколько-то писемъ, гдѣ рассказывалось о безобразіяхъ на дорогѣ.

Вдругъ нечеромъ на другой день, когда я сидѣлъ въ раздумьи у себя въ номерѣ, все-таки недовольный тѣмъ, что у меня собрано и находится въ рукахъ, ко мнѣ вошелъ одинъ изъ крупныхъ хлѣбниковъ, купецъ Д. К. Мартыновъ—замѣчательная личность, какъ самородокъ и самоучка—нѣчто въ родѣ козловскаго Кокорева—мельникъ, уже сѣдымъ почти выучившійся читать и бросавшій иногда все, всѣ дѣла на недѣлю и на мѣсяцъ, и зачитывавшійся въ это время Гоголемъ, Пушкинымъ, Тургеневымъ и Толстымъ. Онъ меня очень любилъ и любить, такъ какъ живъ еще и до сихъ поръ, и зоветъ «мой унучекъ», т. е. внучекъ, а я его дѣдушкой.

— Вотъ что унучекъ, сказалъ онъ. — Мы надумали такое дѣло: послѣ завтра соберемъ экстренное собраніе думы и напишемъ за общей всѣхъ насъ подписью благодарственный адресъ Краевскому за то, что онъ печаталъ правду объ этомъ разбойномъ комиссіонерствѣ, никого не боясь... Всѣ идемъ за круговой порукой къ отвѣту... Ничего, не боимся мы этой диффамаци!...

Старикъ былъ страшно взволнованъ, обнялъ меня и расцѣловалъ: — Ничего, будь покоенъ, ничего. Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ, — говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Двадцать три года прошло съ тѣхъ поръ. Я много испыталъ съ тѣхъ поръ на своемъ вѣку, видѣлъ и получалъ и шумныя оваціи, аплодисменты, читалъ и горячіе восторженные отзывы о своихъ трудахъ — видѣлъ, словомъ, и испыталъ много удачи, успѣха, но чтобы это могло сравниться съ тѣмъ, что цѣлый городъ и притомъ сильный торговый городъ, поголовно въ лицѣ всѣхъ своихъ представителей выражаетъ публично мнѣ свою благодарность и идетъ въ судъ свидѣтельствовать за меня (они, я увѣренъ, были убѣждены, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, въ томъ, что и имъ придется дойти до суда) — никогда! — выше этого нравственнаго радостнаго потрясенія не испытывалъ я никогда ничего...

Когда было въ думѣ это засѣданіе, я не поѣхалъ туда, не рассчитывая на свои нервы: до до того они были у меня тогда всѣмъ этимъ разстроены и я былъ взволнованъ. Адресъ или постановленіе думы по этому засѣданію, за поголовной всѣхъ до одного подписью, привезъ ко мнѣ на квартиру городской голова. Я сейчасъ же телеграфировалъ обо всемъ Краевскому. Онъ

отвѣчалъ, что больше ничего и не нужно, что онъ ничего подобнаго не ожидалъ. Копію съ постановленія думы я просилъ городского голову отправить къ Краевскому по почтѣ, засвидѣтельствовавъ подписью и приложивъ печать. Такъ онъ и сдѣлалъ.

До суда у меня еще осталось нѣсколько времени и я рѣшилъ имъ воспользоваться, чтобы съѣздить на день или на два домой, въ деревню.

Теперь, явившись туда побѣдителемъ (нравственно — до суда мнѣ ужъ не было дѣла и я бы даже съ удовольствіемъ отсидѣлъ сколько нужно, если бы это потребовалось), я не узналъ и эти стѣны, которыя мнѣ казались чуть не тюрьмой столько лѣтъ во время моего въ нихъ сидѣнья, эти поля, степь, берега узкихъ и заросшихъ рѣчекъ... Я пошелъ по знакомымъ мѣстамъ, опять, какъ и тогда, отойдя отъ дому, съ версту или болѣе, легъ на траву, но ужъ мнѣ не лежалось покойно, я ужъ не могъ, какъ тогда по цѣлымъ часамъ, ни объ чемъ не думать, смотрѣть на облака, бѣгущія надъ моей головой. Меня манило къ дѣятельной жизни, туда гдѣ столько движенія и этой жизни — въ Петербургъ.

И я помню, у меня было какое-то предчувствіе, что я ужъ больше не вернусь сюда,

т. е., не вернусь ужъ осѣдлымъ здѣшнимъ жителемъ, что я теперь застряну навсегда въ Петербургѣ, и я прощался глазами со всѣмъ, какъ дѣлають это отъѣзжающіе надолго, а можетъ быть и навсегда... Мое предчувствіе это оправдалось: я сталъ здѣсь съ той поры, если не чужимъ, то ужъ во всякомъ случаѣ рѣдкимъ-рѣдкимъ гостемъ...

Въ деревнѣ я переночеваль и на другой день уѣхаль въ Петербургъ.

IV.

Краевского, получившаго уже адресъ, я засталъ теперь гоголемъ. Онъ былъ даже, мнѣ показалось, заносчивъ и высокомеренъ въ отношеніи своего врага, когда въ разговорѣ заходила объ немъ рѣчь.

— Вы понимаете, — нравственно мы теперь чисты. Мы, если напечатаемъ этотъ адресъ — за насъ будетъ вся Россія — мы страшно выиграемъ въ общественномъ мнѣніи... Вы не понимаете того, что вы сдѣлали.

— Да я ничего не сдѣлалъ, смѣясь, говорилъ я. Это они сами придумали. Мнѣ и въ голову этого не приходило.

— Это большое дѣло. Это очень большое дѣло, — повторялъ онъ все.

Леонтьевъ, все съ тѣмъ же серьезнымъ видомъ, но уже дружески, какъ, должно быть, два генерала послѣ побѣды, встрѣтившись на полѣ сраженія, пожимаютъ другъ другу руки въ виду обѣжавшаго ихъ общаго врага, — пожалъ и онъ мнѣ руку.

— Ловко, хорошо сдѣлано, — проговорилъ онъ.

Я и ему тоже объяснилъ, что я тутъ не при чемъ, что это не я до этого додумался.

— Это все равно — главное: хорошо. — отвѣтилъ онъ.

Ф. Ф. Ординъ, тоже ужъ прочиталъ адресъ, говорилъ, что объ обвиненіи насъ теперь не можетъ быть и рѣчи. Что ужъ если статья о диффамаци и потребуетъ какихъ жертвъ, то онъ во всякомъ случаѣ не будутъ превышать двадцати пяти рублевки.

— Но это небывалый фактъ въ Россіи. — говорилъ Краевскій: журналистъ получилъ за свою дѣятельность и оказанную имъ услугу обществу благодарственный адресъ отъ цѣлаго рода...

— Но вѣдь что же мы для нихъ и сдѣлали, — говорилъ Леонтьевъ.

— Конечно я рисковалъ, но... безъ риску

что же можно у насъ сдѣлать? — соглашался Краевскій.

Я опять было началъ о томъ, что съѣзжу къ Спасовичу и объясню ему, уговорю его отказаться отъ этого дѣла; но Краевскій не хотѣлъ уже и слышать:

— Нѣтъ, нѣтъ, пускай въ этой грязи выкупается...

Я замѣтилъ, что ему видимо хотѣлось хвастнуть на судѣ адресомъ и даже потомъ быть можетъ и напечатать его у себя въ газетѣ, а поѣзжай я къ Спасовичу и удайся мнѣ его уговорить— это все пропало бы. Я понялъ это и оставилъ его наслаждаться. Съ Спасовичемъ я увидался ужъ на судѣ.

Я не знаю, какъ теперь судятъ сочинителей и издателей, но тогда это было торжественно и къ тому же какъ бы съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ подсудимому. Видно по всему было, что это судъ собрался судить не татя какого-нибудь, а человѣка можетъ быть и виноватаго, но винить его суду какъ-то будто даже и неловко: все-таки онъ представитель слова, а какъ судить слово... Повторяю, это чувствовалось въ воздухѣ. Краевскому поставили даже кресло не далеко отъ стола, за которымъ сидѣли судьи, и онъ всѣ показанія и отвѣты давалъ сидя. Я, какъ неподсудимый, и не свидѣтель даже, помѣстился на

первой скамейкѣ въ публикѣ, гдѣ сидѣли и всѣ почти тогдашніе сотрудники «Голоса», съ которыми я тогда не успѣлъ еще познакомиться.

Началось судебное дѣйство... Я вообще очень плохой юристъ, да къ тому же еще никогда не судился, такъ что не могу хорошо сказать, не путаю ли я тутъ чего-нибудь, если скажу, что первымъ говорилъ Спасовичъ. Но это не была рѣчь его, — рѣчь была послѣ, а это было нѣчто прелиминарное, нѣчто похожее на то, какъ виртуозы, когда ихъ упрасиваютъ что-нибудь сыграть, сперва берутъ отдѣльные аккорды... Такъ и Спасовичъ взялъ тутъ нѣсколько такихъ аккордовъ, ему что-то отвѣтилъ Ординъ, и затѣмъ судъ удалился, объявивъ, что дѣлаетъ на сколько-то времени перерывъ. Вся публика изъ зала повалила — кто въ корридоръ, кто въ курильную комнату. Я пошелъ въ курилку, и вдругъ передо мною точно изъ земли выросъ Спасовичъ, по обыкновенію, живой, веселый, съ вѣчнымъ своимъ нервнымъ смѣхомъ, отзывающимся какимъ-то душевнымъ подергиваніемъ. Я поздоровался съ нимъ.

— А, здравствуйте, вы что тутъ дѣлаете? — спросилъ онъ.

— Какъ что? Да вѣдь это я писалъ корреспонденціи, за которыя вы вотъ тянете Краевского.

— Да-а-а?—воскликнулъ онъ.

— Владиміръ Даниловичъ, вы знаете, это разбойное дѣло.

— А вотъ мы это увидимъ... Такъ это вы писали? Вы? Вотъ я вамъ покажу сегодня. Я васъ отучу писать въ «Голосѣ»—шутя и смѣясь, такъ и повертываясь изъ стороны въ сторону, говорилъ Спасовичъ:—я васъ отучу...

Подошедшій къ намъ Ординъ многозначительно улыбался, слушая Спасовича. Онъ былъ носителемъ большой тайны: Спасовичъ еще не зналъ ничего объ адресѣ.

Опять насъ позвали въ залу. Заняли всѣ мѣста. Опять на каѳедру вошелъ Спасовичъ и началъ говорить. Онъ говорилъ, какая огромная и страшная сила печатное слово, какъ имъ можно много принести пользы, но и какъ страшно имъ можно злоупотреблять, какъ смертельно можно имъ ранить невиннаго совершенно человѣка. И вотъ тому доказательство—«Голосъ», въ лицѣ статскаго совѣтника Краевского, ранившій его довѣрителя фонъ-Дервиза, который собственно благодѣтель города Козлова: онъ выстроилъ жителямъ этого города желѣзную дорогу, связавъ ихъ, такимъ образомъ, со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, хотѣлъ основать и основалъ даже коммисіонерство при этой дорогѣ, которое должно бы было собственно выучить жителей правиль-

ной торговлѣ, а они взаѣмнѣ всего этого вотъ чѣмъ ему платятъ!.. Тутъ Спасовичъ вдругъ и совершенно неожиданно сказалъ:—«Впрочемъ я, лично, ничего не имѣю противъ издателя «Голоса», статскаго совѣтника Краевскаго и обращаю всѣ мои требованія къ автору корреспонденціи, подписавшемуся буквами С. Т., если только г. Краевскій назоветъ его здѣсь». Сказалъ—и остановился. Въ залѣ воцарилось молчаніе. Мнѣ оно показалось достаточно-таки продолжительнымъ. Краевскій взглянулъ на меня. потомъ медленно вынулъ носовой фуляровый платокъ, высморкался, съ толкомъ, съ чувствомъ и съ разстановкой, понюхалъ табаку, и перекинулъ одну ногу на другую.... «Я вижу, статскій совѣтникъ Краевскій не хочетъ назвать этого имени и потому, господа судьи, я продолжаю» заговорилъ вновь Спасовичъ.

Онъ говорилъ что-то много и долго. Разумѣется, онъ не могъ ничего другого говорить, кромѣ какъ увѣрять судъ въ невинности своего кліента Дервиза или кліентовъ—Дервиза и Мека—не помню,—но, во всякомъ случаѣ, обвиненіе его, эта его рѣчь, были слабы.

Затѣмъ настала очередь Ордина. Этотъ ограничился двумя тремя фразами и затѣмъ вынулъ и показалъ адресъ. «Это постановленіе единогласное всего города, и я полагаю, что если могъ,

ошибаться г. Краевскій, то съ цѣлымъ городомъ относительно характера дѣятельности этихъ господъ—случиться ничего подобнаго уже ни въ какомъ случаѣ не могло. Къ свидѣтельству цѣлаго города, подтверждающаго официально все то, что писалъ или печаталъ у себя въ газетѣ г. Краевскій,—я не считаю нужнымъ прибавлять со своей стороны ничего». Сказалъ и сѣлъ.

Адресъ этотъ и еще какія-то бумаги разсматривали и судъ, и г. Спасовичъ, и, наконецъ, судъ удалился. Мы остались дожидаться, когда онъ вынесетъ свое рѣшеніе. Онъ вынесъ рѣшеніе, что приговариваетъ Краевского къ 25 руб. штрафа за какую-то рѣзкую фразу въ статьѣ.

Приговоръ этотъ произвелъ эффектъ; собравшаяся въ большомъ числѣ на разбирательство этого дѣла публика встрѣтила его довольно шумными одобреніями. Краевскій вышелъ изъ залы суда веселый, иронически поглядывая на Спасовича, который съ огромнымъ толстымъ портфелемъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и тоже смѣялся своимъ нервнымъ смѣхомъ.

— Н-да, сегодня спасовалъ Спасовичъ!—воскликнулъ кто-то въ публикѣ.

Краевскій обернулся и проговорилъ.

— Славная чья-то острота...

Когда мы ужъ одѣвались внизу, чтобъ разъ-

ѣзжаться по домамъ, Краевскій неожиданно вдругъ пригласилъ всѣхъ насъ, т. е. Ордина, Леонтьева, меня и нѣкоторыхъ сотрудниковъ ужинать — было ужъ довольно поздно, должно быть такъ около часа ночи.

— Женья, куда же? Ты это хорошо знаешь, — сказалъ онъ бывшему тутъ же съ нами сыну своему Евгению.

— Въ Малый-Ярославецъ — самое лучшее, — отвѣчалъ сынъ.

И мы поѣхали туда. Я никогда не видалъ потомъ ужъ Краевского такимъ веселымъ и интереснымъ рассказчикомъ. Онъ, никогда не ужилавшій, ложившійся спать правильно въ 12 или 12½ часовъ, кромѣ того что поѣхалъ ужинать съ нами, вызвался самъ, но еще выпилъ стаканъ или два краснаго вина за ужиномъ, что было уже большая рѣдкость, вызвавшая общее оживленіе и шутки.

Такъ кончилась эта эпопея. Адресъ конечно сохранился у Краевского въ бумагахъ и вѣрно когда-нибудь появится въ «Рус. Старинѣ», «Архивѣ», «Истор. Вѣстникѣ», гдѣ будетъ напечатана и подробная біографія Краевского, — этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ человека и очень мало еще кѣмъ вѣрно понятаго и оцѣненнаго.

V.

Еще до суда, какъ только я пріѣхалъ, Краевскій сдѣлалъ мнѣ предложеніе остаться въ Петербургѣ и сотрудничать у него въ «Голосѣ».

— Но чтоже такое я буду писать у васъ здѣсь?—спросилъ я...

— О! «Голосъ»—море великое: для плаванія въ немъ всѣмъ мѣсто будетъ — отвѣчалъ Краевскій.

Я согласился, сказалъ, что попробую.

Въ этотъ пріѣздъ мой я остановился было въ гостиницѣ, но Краевскій, узнавъ объ этомъ, посоветовалъ мнѣ лучше нанять гдѣ-нибудь поближе меблированную комнату.

— Да вотъ, позвольте, кажется у меня въ домѣ есть меблированныя комнаты, я сейчасъ пошлю узнать нѣтъ ли свободной—это было бы самое лучшее для васъ.

Комната оказалась, и я на другой же день переѣхалъ туда. Прошло дня два или три—порядки тогда были проще, строгости меньше — является ко мнѣ дворникъ за паспортомъ. Я началъ рыться въ бумагахъ, которыя захватилъ съ собою изъ деревни и сейчасъ же увидалъ, что взялъ вовсе не тѣ, которыя нужно—нужныя

оставилъ на столѣ, а ненужныя взялъ. Въ числѣ этихъ ненужныхъ былъ только одинъ документъ, говорившій о моей личности—это свидѣтельство объ оспопрививаніи...

— Вотъ,—сказалъ я дворнику,—больше у меня ничего нѣтъ.

Должно быть, не разобравъ въ чемъ дѣло, онъ удалился, но въ тотъ же день вечеромъ пришелъ ко мнѣ:

— Это не тотъ документъ вы дали, по этому документу нельзя прописать.

— Нѣтъ у меня, братецъ, другого, я говорю тебѣ. Погоди, вотъ сегодня напишу въ деревню, пришлютъ.

Но оказалось, что столько времени — недѣли полторы во всякомъ случаѣ—и тогда нельзя было жить не прописаннымъ, и я рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать. Изъ бѣды этой меня выручилъ Краевскій.

— Это вздоръ,—разсмѣялся онъ, когда я ему рассказалъ въ чемъ дѣло.

— Какой вздоръ — жить, говорятъ, такъ нельзя.

— Вотъ что вы сдѣлайте: я вамъ дамъ записку и вы съ ней поѣзжайте завтра утромъ — только пораньше, смотрите, встаньте пораньше — къ Трепову. Онъ принимаетъ очень рано. Онъ

вамъ все устроить. Это очень любезный человекъ,—добавилъ Краевскій.

Треповъ принималъ дѣйствительно очень раночасовъ въ семь. Когда я пріѣхалъ, народа, ожидавшаго его выхода, была масса. Приемная, довольно просторная комната, выходящая окнами на Мойку, но народу набралось столько, что какой-то чиновникъ все усовѣщивалъ насъ не лѣзть впередъ, но мы, подталкиваемые задними и вновь приходящими, лѣзли, не смотря на его усовѣщиванія, и стояли передъ самыми дверьми, которыя должны были вдругъ распахнуться и черезъ нихъ выйти Треповъ.

Покойный генералъ былъ, какъ извѣстно, стремителенъ въ своихъ движеніяхъ и теперь, когда наконецъ двери распахнулись передъ нами, одной половинкой ихъ задѣло и должно быть больно какую-то вдову д. с. совѣтника, такъ что та вскрикнула и схватилась за щеку. Къ ней къ первой и обратился Треповъ, очень вѣжливо извинившись въ тѣснотѣ своей пріемной и въ томъ, что онъ такъ неожиданно распахнулъ дверь. За тѣмъ—ко мнѣ. Въ чемъ дѣло?

Я подалъ ему письмо Краевскаго.

— Отъ кого это? Отъ Краевскаго?

Онъ началъ читать его и вдругъ такъ и прыснулъ со смѣху. Стоявшій возлѣ него чиновникъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на меня, потомъ на

него, не понимая, что это такое за письмо я принесъ.

— Покажите-ка это ваше свидѣтельство.

Я подалъ. Треповъ, читая его, опять засмѣялся. Потомъ взялъ у стоявшаго возлѣ насъ чиновника карандашъ и написалъ съ боку свидѣтельства: «Прописать. Треповъ».

— Мое почтенье. Кланяйтесь Андрею Александровичу. Вамъ все сдѣлають.

По этому свидѣтельству я жилъ въ Петербургѣ года три и оно у меня до сихъ поръ цѣло, какъ воспоминаніе о томъ времени.

Но вотъ что при этомъ удивительно, для меня по крайней мѣрѣ:—память у этихъ людей!.. Я былъ въ то время человѣкъ ничѣмъ не отмѣченный, никому неизвѣстный, не представлялъ изъ себя, словомъ, ровно ничего, почему бы онъ могъ меня запомнить; скандальчикъ съ моимъ свидѣтельствомъ объ оспoprививаніи тоже не Богъ вѣсть что такое—у Трепова такихъ «приключеній», вѣроятно, бывало каждую недѣлю десятки, если не сотни, и тѣмъ не менѣе, однажды, онъ все-таки меня запомнилъ и узнавалъ еще и долгое время потомъ. Такая удивительная память у людей на лица объясняется, говорятъ, тѣмъ, что въ молодости мозги ихъ не особенно были обременяемы наукой, и вообще изученіемъ чего бы нибудь.

Послѣ этого, я не встрѣчался съ нимъ, т. е. не имѣлъ случая говорить и даже просто раскланиваться года три или четыре, и при встрѣчѣ онъ опять меня узналъ и напомнилъ мнѣ о визитѣ моемъ къ нему въ пріемную. Это было въ семидесятомъ году. Время это было, какъ извѣстно, самымъ полнымъ расцвѣтомъ у насъ «оживленія производительныхъ силъ страны», когда, торопясь и вперегонку одни передъ другими, вырывали другъ у друга изо-рта куски, всѣ спѣшили «удовлетворять справедливыя нужды стѣсненнаго землевладѣнія и земледѣлія, а также торговли и промышленности». Концессіи сыпались на «соискателей» какъ изъ рога изобилія и нахватали тогда ихъ больше всего мои земляки, оскудѣлые или почти ужъ оскудѣлые помѣщики губерній Тамбовской, Саратовской и Пензенской. Это были все по большей части добрые ребята, не отдававшіе себѣ ни въ чемъ отчета и ни объ чемъ не задумывавшіеся. Вчерашній прогорѣлый совсѣмъ человѣкъ, сегодня, получивъ концессію, вдругъ дѣлался чуть не милліонеромъ, а иногда и дѣйствительно милліонеромъ и на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, на годъ или на два, совершенно ошалѣвалъ: натерпѣлся и вдругъ такое счастье!.. Встрѣчаясь съ ними въ это время, отдѣлаться отъ нихъ не было никакой возможности — хоть до

скандала. Такимъ манеромъ, лѣтомъ семидесятаго года я встрѣтилъ, однажды, на островахъ цѣлую толпу моихъ дорогихъ земляковъ и они меня увлекли съ собою. Гдѣ мы были, что мы дѣлали, какъ оказалось это потомъ, цѣлыхъ три дня и три ночи,—я и тогда не зналъ и теперь не знаю. Помню только, что мы все кружились по островамъ, ночью путались, а днемъ спали въ загородныхъ ресторанахъ, а одинъ разъ спали даже на Елагинской стрѣлкѣ на какой-то тамъ молочной фермѣ. Одинъ разъ, гдѣ-то тутъ же, на берегу, встрѣтили рано утромъ рыбака, который несъ куда-то новенькій бредень, его купили у него, положили съ собою въ коляску и поѣхали дальше. Потомъ намъ попался какой-то околоточный, или, какъ они тогда назывались, однимъ словомъ маленькій квартальный и мы наняли его раздѣться и ловить съ нами этимъ бреднемъ рыбу. Потомъ поили его шампанскимъ и дали ему что-то рублей двѣсти или триста. Ъздили мы — нанимали какой-то пароходъ—въ Кронштадтъ, чтобы оттуда отправиться въ Америку, такъ какъ мы рѣшили, что въ Россіи, при ея порядкахъ, жить нельзя да и не стоитъ... Словомъ, надѣлали мы въ эти три дня «много дѣловъ», какъ говорятъ у насъ, въ нашей губерніи, и, наконецъ, ужъ на четвертый день, нѣсколько прочухавшись, раннимъ утромъ, въ

трехъ или четырехъ коляскахъ рѣшили возвратиться домой, въ Петербургъ. Помню, было чудесное, ясное лѣтнее утро. Приѣхали мы въ городъ, выѣхали на Невскій, надо было намъ всѣмъ разставаться и стало намъ грустно — когда-то еще мы соберемся въ такую веселую компанію. Коляски остановились какъ разъ противъ Пассажа и мы все разговаривали, не могли разстаться. Вдругъ кто-то вышелъ изъ экипажа, за нимъ другой, третій — поразмять ноги — и вскорѣ половина ужъ не сидѣла, а стояла возлѣ колясокъ.

— Господа, да чтѣ же мы стоимъ, сядемте. выпьемъ хоть чего-нибудь — въ коляскахъ съ нами есть и вино, и закуски, и посуда.

— Гдѣ же сѣсть?

— А вотъ гдѣ — здѣсь, на мостовой.

Оригинальная мысль сѣсть на мостовой, какъ разъ посрединѣ Невскаго и пить, всѣмъ до того вдругъ понравилась, что и остальные повыскакали изъ экипажей и мы всѣ усѣлись къ великому соблазну стоявшаго тутъ недалеко городского, который рѣшительно не зналъ, что съ нами дѣлать: «господа» все хорошіе, денегъ у нихъ видимо невидимо, безобразія никакого не дѣлаютъ, но и нельзя же сидѣть имъ такимъ таборомъ цыганскимъ на самой видной улицѣ

столицы. Рѣдкіе, одинокіе прохожіе останавливались и смотрѣли на насъ. Мы ихъ подзывали къ себѣ, съ нѣкоторыми вступали въ бесѣду, угощали ихъ, нѣкоторымъ давали денегъ. Къ нашему городовому пришель изъ любопытства другой со своего поста. Мы встрѣтили и этого также радушно, заставили выпить и подарили и ему тоже крупную бумажку «на память»... Невозможною пошlostью кажется мнѣ все это теперь, но тогда—ничего, выходило какъ-то такъ, что было только смѣшно, до слезъ смѣшно. Я былъ самый молодой между ними, но были и пятидесятилѣтніе старики, уѣздные предводители дворянства, представители земства, привезшіе съ собою «гарантіи» этого земства для полученія концессіи—сидѣли и дурачились, какъ мальчишки школьники, и они...

Вдругъ одинъ изъ городскихъ началъ прислушиваться—къ чему-то постороннему, къ какому-то со стороны долетѣвшему до него звуку, вдругъ и испуганнымъ, торопливымъ манеромъ сталъ просить насъ, ради Бога, сняться съ табора и уѣзжать.

— Все вздоръ, голубчикъ,—отвѣчали ему.— Мы вѣдь никому не мѣшаемъ.

— Генераль вышелъ изъ дому и идетъ!

— Что такое? Какой генераль?

— Генераль Треповъ.

— Гдѣ же онъ? Я его знаю... и я его знаю, — слышались голоса. — Онъ отличный малый.

— Вамъ-то ничего, а мнѣ бѣда будетъ, говорилъ городской. Вамъ что же, а мнѣ...

— Да гдѣ ты его видишь? — оглядываясь во все стороны, спрашивали мы его.

— Его еще не видно, но ужъ онъ вышелъ.

— Почему ты это знаешь?

— Даютъ знать.

Это было удивительно. Городовой стоялъ все время съ нами, никто къ нему не подходилъ, а онъ говоритъ, что ему дали знать!

— Кто же тебѣ далъ знать?

— Городовой сосѣднѣй.

До сосѣдняго городского было саженой сто, и онъ стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ.

— Что ты такое врешь?

— Никакъ нѣтъ-съ, даютъ знать.

— Да какъ же онъ тебѣ далъ знать?

— Зашипѣлъ.

— Что-о-о?

— Зашипѣлъ... Значить, даетъ знать, что генералъ вышелъ.

Мы ничего не понимали... Развѣ могъ сосѣднѣй городской видѣть, что вышелъ изъ своей квартиры на Большой Морской генералъ Треповъ, и давать объ этомъ знать?

Однакожь, вскорѣ, хотя и съ трудомъ, мы добились отъ городского въ чемъ дѣло. Оказалось, что у нихъ заведенъ между собою своего рода телеграфъ. Какъ только Треповъ выходилъ изъ квартиры—и онъ все это время гулялъ, показывая жителямъ и кому ему было нужно свою неусыпность по службѣ,—ближайшій городской шипѣніемъ (тсс...) давалъ знать объ этомъ слѣдующему, по тому направленію куда шелъ генералъ, тотъ опять слѣдующему за нимъ и т. д., и т. д. А генералъ гулялъ по стогнамъ столицы, вѣроятно въ полномъ убѣжденіи, что накрываетъ всѣхъ врасплохъ и находитъ при этомъ удивительный порядокъ...

Городовой просилъ насъ такъ убѣдительно снять нашъ таборъ, въ виду его отвѣтственности за это, что мы наконецъ рѣшили разъѣхаться: встали, поднялись всѣ разомъ, распрощались и отправились по домамъ. Погода была чудесная и я не поѣхалъ домой, а пошелъ еще пройтись вмѣстѣ съ С—мъ, однимъ изъ нашихъ уѣздныхъ предводителей-концессионеровъ, — очень ужъ хорошее было утро.

Городовые, выросшіе на Невскомъ, въ удвоенномъ числѣ, смотрѣли по направленію къ Морской, время отъ времени, оборачивались въ сторону Аничкина моста и шипѣли. Но Трепова все еще не было видно. Наконецъ, мы увидали

его: онъ шелъ на встрѣчу намъ по тротуару у Казанскаго собора,—шелъ одинъ, накинувъ на плечи легонькое лѣтнее сѣрое пальто и какъ бы прихрамывая.

— Вы не знакомы съ нимъ?—спросилъ меня С — въ.

— Знакомъ, отвѣтилъ я, но страннымъ образомъ. Я вамъ потомъ расскажу какъ.

— Что такое?

— Такъ, очень ужъ оригинально.

Между тѣмъ Треповъ былъ отъ насъ ужъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Поровнявшись, С — въ снялъ шляпу и раскланялся. Треповъ поздоровался съ нимъ за руку и какъ-то странно при этомъ посмотрѣлъ на него, а потомъ и на меня.

— А! вдругъ произнесъ онъ: — ну, а что, какъ ваше свидѣтельство объ оспопрививаніи?

— Ничего, цѣло, у меня,—отвѣтилъ я.

Онъ должно быть догадался, что мы «путанники», всю ночь кутили, потому что какъ-то вскинулъ плечами, странно усмѣхнулся и, смѣясь, и раскланиваясь, пошелъ дальше. Шагахъ въ двадцати или тридцати за нимъ слѣдовалъ какой-то маленькій квартальный. на всякій случай вѣроятно для отдачи приказаній по замѣченнымъ беспорядкамъ. Шипѣніе городскихъ, когда мы шли дальше, ужъ прекратилось и они стояли на своихъ постахъ вольно и даже довольно развязно.

Спустя полгода или около того, послѣ этой встрѣчи, я опять столкнулся съ Треповымъ въ одномъ знакомомъ домѣ. Онъ освѣдомился о моемъ свидѣтельствѣ.

— Какая однако у васъ память,—сказалъ я.

— Да, говорятъ, отвѣтилъ онъ и добавилъ:— да при моемъ дѣлѣ и невозможно быть безъ памяти. Память необходима... Необходимѣе всего... посмотрѣлъ на меня и спросилъ:—А откуда это вы тогда шли съ С—вомъ?..

Я улыбнулся.

— Хороши оба были.

— Мы шли съ Невскаго, ваше превосходительство, сказалъ я, сидѣли противъ Пассажа... вынули тогда немного... три дня пили.

— И не жаль вамъ здоровья?

— Хватить. Много его.

Онъ былъ въ этотъ вечеръ необыкновенно веселъ, шутилъ, такъ, что кто не зналъ его и встрѣчалъ только на улицѣ, серьезнымъ и даже суровымъ, никакъ, мнѣ кажется, не повѣрилъ бы, что это онъ, Треповъ, самый и есть. Я рассказалъ ему, какъ «шипять», давая другъ другу знать о его приближеніи, городовые, когда онъ идетъ на прогулку и кстати смотрѣть порядокъ въ городѣ.

Онъ смѣялся, но мнѣ показалось, что это его какъ будто и удивило. Онъ какъ будто не могъ

допустить и мысли, что его въ состояніи кто-нибудь мистифицировать, или... какъ бы это сказать? Ну, хоть перехитрить, провести его.

Послѣдняя моя встрѣча съ нимъ и разговоръ былъ въ передней у Салтыкова (Щедрина). Я входилъ, а онъ уходилъ. Это было въ восьмидесятомъ году.

Уже давно въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ я тогда печаталъ свои очерки подъ заглавіемъ «Оскудѣніе», и бывалъ каждую недѣлю по понедѣльникамъ въ квартирѣ Г. З. Елисеева, гдѣ собиралась редакція,—ходили слухи, вызывая общія улыбки, о какой-то дружбѣ, которая завелась у Салтыкова съ Треповымъ.

— И вы, Михайлъ Евграфовичъ, часто бываете другъ у друга? — спрашивали Салтыкова.

— Часто.

— И весело проводите время?

— Очень.

Треповъ, бывшій въ это время не у дѣлъ и, кажется, немножко фрондировавшій, какъ у насъ всѣ вообще, оставшіеся не у дѣлъ, и какъ это, впрочемъ, и не у насъ у однихъ, а вездѣ, считалъ, повидимому, себя одного съ Салтыковымъ лагеря и поэтому свелъ и поддерживалъ съ нимъ знакомство...

Салтыковъ, какъ воспитанный человѣкъ, разумѣется, сидѣлъ и бесѣдовалъ съ нимъ и время

отъ времени отдавалъ ему визитъ, заходилъ къ нему на квартиру. Это было тѣмъ болѣе удобно, что они жили по одной лѣстницѣ. Они жили тогда оба на Литейной, въ домѣ Красовскаго—Треповъ въ бельэтажѣ, а Салтыковъ въ третьемъ этажѣ, надъ нимъ, въ той самой квартирѣ, гдѣ онъ потомъ и умеръ.

Кое-кто изъ сотрудниковъ, бывая у Салтыкова, встрѣчалъ тамъ Трепова и рассказывалъ потомъ, что уморительно видѣть Салтыкова, бесѣдующаго съ нимъ. Главное при этомъ—серьезность Салтыкова.

Мнѣ ужасно хотѣлось видѣть эту картину, и, наконецъ, однажды я налетѣлъ-таки на нее, но, какъ я сказалъ уже, крайне неудачно: Треповъ уходилъ, когда я только-что входилъ.

Тутъ ужъ онъ былъ старъ, дряхлъ даже, мнѣ показалось. Я раскланялся съ нимъ, онъ тоже очень вѣжливо и даже какъ-то суетливо раскланялся со мною и видимо не узналъ меня на этотъ разъ.

Онъ ушелъ, а я съ провожавшимъ его до передней Салтыковымъ пошелъ черезъ гостиную въ кабинетъ.

— Вы знакомы развѣ съ нимъ? — спросилъ Салтыковъ.

— Да, немного. И довольно странно.

— Какъ такъ?

Я рассказалъ про свое приключеніе.

— Такъ, онъ должно быть добрый человѣкъ. Я не думаю, чтобы онъ былъ злой, — сказалъ про него Салтыковъ.

— Досадно, что я его не засталъ у васъ.

— А что?

— Любопытно—объ чемъ вы съ нимъ говорите?

— Н-да. Вотъ сегодня напимѣрь говорили о гесенской мухѣ и о томъ, какой она вредъ принесетъ обывателямъ...

Я разсмѣялся, а Салтыковъ пресерьезно продолжалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, увѣряю васъ.

— Память какая у него—удивительно, — сказалъ я.

— Это у всѣхъ у нихъ. Это отъ военной службы: приходится все въ лица всматриваться солдатамъ, и является привычка отъ этого запоминать.—Но онъ вообще замѣчательный человѣкъ,—продолжалъ Салтыковъ.—Это типъ и прелюбопытный. Вы знаете, что для него, напимѣрь, не существуютъ понятія: народъ... общество...

— То есть, какъ же это?...

— А такъ:—публика все... полицейское представленіе... это настоящій полицейскій. Такихъ ужъ больше не будетъ. Это типъ вымирающій,—заклучилъ Салтыковъ.

Больше я ужъ не встрѣчалъ Трепова, т. е. такъ, чтобы съ нимъ поговорить. Я видалъ его только на улицѣ, проѣзжающимъ въ парныхъ саняхъ, въ теплыхъ наушникахъ, въ нахлобученной фуражкѣ съ лакеемъ-нянькой, сидящимъ съ нимъ рядомъ, очевидно, чтобы поддерживать хилаго старика.

2007110921